

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Российской академии наук

На правах рукописи

Белоногова Евгения Алексеевна

**КОНЦЕПТ *МИНЬЦЗУ* И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научные руководители:

доктор исторический наук

Чешко Сергей Викторович

доктор исторический наук

Жуковская Наталия Львовна

Москва – 2019

Содержание

	Стр.
Введение	3
Глава I. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО ПОНЯТИЯ МИНЬЦЗУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ	20
1. Проблема перевода китайского термина <i>миньцзу</i> на русский и английский языки	20
2. История возникновения термина <i>миньцзу</i>	26
3. Значение термина <i>миньцзу</i> в первой половине XX в.	31
4. Значение термина <i>миньцзу</i> после образования КНР в 1949 г.	39
Глава II. ПРОЕКТ ЭТНИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В КИТАЕ	51
1. Предыстория	51
2. На пути к Проекту этнической классификации	66
3. Реализация Проекта этнической классификации	72
4. Результаты Проекта этнической классификации	99
Глава III. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРМИНОВ В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ КИТАЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ	119
1. Дискуссия вокруг сталинского определения нации (1980-2000-е гг.)	119
2. Распространение термина «этническая группа» в КНР и его при- менение на практике	132
Заключение	152
Приложение	161
Список использованной литературы	164

Введение

В Китайской Народной Республике (КНР) с середины прошлого столетия (как в научных кругах, так и в СМИ) для обозначения различных форм этнических объединений применяется термин *миньцзу* (民族), который входит в состав словосочетаний *чжунхуа миньцзу* (中华民族) и *шаошу миньцзу* (少数民族). Первое из них принято переводить на русский язык как «китайская нация» и под ним подразумеваются все граждане КНР; второе применяется к народам, входящим в китайскую нацию, и переводится словосочетанием «национальное меньшинство». Исходя из китайского языка, «малочисленная нация» – наиболее верный перевод термина *шаошу миньцзу*¹, так как *шаошу* дословно означает «малочисленный». Тем не менее, в российской синологии словосочетание «национальное меньшинство» является давно устоявшимся по той причине, что многие народы КНР с трудом попадают под категорию «малочисленных», количество некоторых из них исчисляется миллионами. Если исходить из китайских реалий, то на фоне ханьцев, составляющих по данным VI Всекитайской переписи населения 2010 г. 91.51% от общего населения, на «малочисленные народы», в совокупности, приходится лишь небольшая доля – 8.49%. Следовательно, термин «национальное меньшинство» является более корректным. Таким образом, в единую китайскую нацию входят титульная нация хань и 55 «национальных меньшинств», или «малочисленных наций».

Такое положение дел может озадачить российских и зарубежных читателей и слушателей, не посвященных в тонкости китайского терминологического аппарата и не знакомых в целом с историей развития этнологической науки в КНР. Неспециалист в области китайской этнологии понимает, что это общество не совсем «познаваемо» при помощи тех категорий, которые приняты в Европе, Америке

¹ Решетов А.М. Некоторые соображения о переводе и значении термина «нация» в китайском языке // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. – М.: Наука, 1981. Ч.2. – С. 168.

или России, где для обозначения того или иного сообщества людей со схожим набором признаков применяется определенный термин (будь то «национальность», «нация», «этническая группа», «этнос» и прочие).

Профессор Фэй Сяотун, принимавший участие в этнической классификации населения КНР и предложивший рассматривать «единую китайскую нацию» как «множественное единство», или «единство в многообразии»², заметил: «Когда нация состоит из наций, само это понятие становится не вполне очевидным. На Западе, насколько мне известно, такое словоупотребление не встречается»³. Исходя из этого, ученый сделал вывод, что у термина «нация» в Китае и на Западе «не вполне одинаковое содержание»⁴.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой соответствия терминов в понятийных аппаратах, принятых в западной, российской и китайской этнологической науке, возникшей в результате того, что в различных странах мира она (этнологическая наука) развивается далеко не единообразно, и до сих пор среди этнологов нет единого мнения даже по самым ключевым вопросам, в частности, по поводу содержания понятия «нация» как основной категории исследования.

С момента образования в 1949 г., КНР ориентировалась на передовой опыт «старшего брата» – Советского Союза, не только в области управления, но и в сфере развития общественных наук. Чтобы претворить в жизнь принципы марксизма-ленинизма (в первую очередь, предоставить нациям право на самоопределение), китайскому руководству необходимо было определить этнический состав населения страны. Для решения поставленной задачи требовалась помощь профессионалов – этнографов.

В Китае этнографическая наука начала формироваться под влиянием различных школ и направлений, сложившихся в Европе и Америке в конце XIX – начале

² Фэй Сяотун. Чжунхуа миньцзу дэ доюань ити гэцзюй [Структура китайской нации как множественного единства] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. – 1989. – № 4. – С. 1–19.

³ Фэй Сяотун тань «миньцзу» [Фэй Сяотун обсуждает проблему «миньцзу»] // Миньцзу туаньцзе. – 1986. – № 6. – С. 6.

⁴ Там же.

XX в. К моменту создания КНР здесь уже образовалась собственная этнографическая школа и китайские этнографы накопили определенный опыт проведения полевых исследований в местах проживания малочисленных народов. Однако, создание государства во главе с Коммунистической Партией Китая (КПК) предопределило ее дальнейшее развитие. Помощь этнографов-профессионалов потребовалась в проведении этнической классификации, которую необходимо было осуществлять, руководствуясь марксистской идеологией, с которой большинство из них едва ли было знакомо. Овладеть необходимым инструментарием для решения вставших перед китайскими этнографами задач помогли советские коллеги⁵, у которых к тому времени был накоплен огромный опыт по этнической классификации. Основы приписывания к официально признаваемым категориям этнической принадлежности были заложены в СССР еще в 1920-1930 гг.

Коммунистическое правительство КНР и ученые (историки, этнологи, лингвисты) за основу концептуализации этнического приняли подход, который сформулировал И.В. Сталин в статье «Марксизм и национальный вопрос» 1913 г. В своей работе И.В. Сталин предложил следующее определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁶. Впоследствии И.В. Сталин был признан в КНР одним из основных теоретиков в области нациестроительства. На основе принятой «сталинской теории нации» (*сыдалинь дэ миньцзу лилунь*, 斯大林的民族理论), в КНР был разработан и реализован национальный Проект этнической классификации – *Миньцзу шибе* (民族识别). Основной этап проведения его пришелся на 1960-е гг. По итогам Проекта каждый человек был отнесен к той или иной *миньцзу* (нации), официально признанной руководством КНР. Представители выделенных *миньцзу*

⁵ Решетов А. М., Хэ Гоань. Советская этнография в Китае // Советская этнография. – 1990. – № 4. – С. 76–93.

⁶ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос // И.В. Сталин. Полн. собр. соч.: в 18 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. – Т. 2. – С. 296.

вошли в состав высшего законодательного органа – Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП).

Марксизм-ленинизм и на сегодняшний день продолжает оставаться в КНР идеологией, которой руководствуется КПК, что закреплено в преамбуле действующей Конституции КНР 1982 г., последние поправки в которую были внесены в марте 2018 г.: «Народы всех национальностей Китая, руководимые Коммунистической партией Китая и руководствующиеся марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина, теорией «трех представительств», научной концепцией развития, идеями Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой новой эпохи, будут и впредь отстаивать демократическую диктатуру народа и социалистический путь...»⁷. Об укоренении и популярности коммунистической идеологии говорят те факты, что недавно в Китае для детей запустили современный мультфильм про Карла Маркса, и заявление официального информационного агентства правительства КНР «Синьхуа» о том, что лучшим печатным произведением для детей в 2018 г. признано иллюстрированное издание «Капитала»⁸. В 1956 г. Мао Цзэдун, председатель ЦК КПК, не только не поддержал Н.С. Хрущева в развенчивании им культа личности И.В. Сталина*; напротив, в статье «К вопросу о Сталине» он призвал лидера Советского Союза осознать свои заблуждения и вернуться с совершенно ошибочного пути на путь марксизма-ленинизма, определив жизнь и деятельность Сталина как жизнь и деятельность великого марксиста-ленинца, великого пролетарского революционера⁹.

⁷ Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа [Конституция Китайской Народной Республики]. URL: http://www.spp.gov.cn/spp/xf/201803/t20180322_371852.shtml (дата обращения: 12.02. 2019).

⁸ Вести в субботу с Сергеем Брилевым от 26.01.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GedxLvOyDLw> (дата обращения: 30.01.2019).

* В СССР на XX съезде партии генеральный секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев прочитал доклад «О культе личности и его последствиях», в котором подверг критике личные качества И.В. Сталина и проводимую им политику, обвинив бывшего вождя в злоупотреблении властью и массовых репрессиях.

⁹ Мао Цзэдун. К вопросу о Сталине. Вторая статья по поводу открытого письма ЦК КПСС // Редакция газеты «Жэньминь жибао», редакция журнала «Хунци», 13 сентября 1963 г. URL: <https://www.r-p-w.ru/k-voprosu-o-staline.html> (дата обращения 02.03. 2019).

И вот уже более ста лет ученые, философы и политологи пытаются ответить на вопрос «Что есть нация?». История показывает, что нация, а точнее, та или иная общность, которая под ней подразумевается, – это не извечная данность, признаки, по которым она выстраивается, изменчивы, и ее устойчивость зависит от многих факторов, в том числе от усилий, прилагаемых для ее сохранения. Поэтому все имеющиеся определения нации условны и сохраняют свою актуальность лишь на определенный промежуток времени в силу популярности той или иной теории, идеологии. Обобщая меняющиеся в течение столетия подходы к понятию нации, принятые в отечественной науке, мы можем говорить о двух основных точках зрения. Первая исходит из того, что нация (читай – этнос) – это исторически сложившаяся совокупность людей, обладающая некими объективными (общность территории, единство социально-экономической структуры, общий язык и др.) и субъективными признаками (самосознание). Вторая заключается в соединении гражданско-политического и культурного начал при категоризации национально-го – понятие «нация» сводится к согражданству.

Используя в тексте термины «нация» или «национальное меньшинство» в качестве перевода *миньцзу*, когда речь не идет о 56 утвержденных правительством народах, автор хотел остаться в рамках китайского дискурса. Основная причина заключается в том, что китайские этнологи выявляли этнический состав населения, используя сталинское определение нации, которое, на сегодняшний день, является в Китае признанным на самом высоком уровне. Следует согласиться с С.В. Чешко, когда он пишет, что после Сталина концепция «исторических общностей» фактически оставалась основой методологии науки о народах. «Этнографы преобразовали ее в “теорию этноса”, придали ей более сложный характер, и при этом резко протестовали против того, чтобы ассоциировать их теоретические новации со сталинскими идеями. Однако концептуальная часть осталась прежней, в том

числе формационный подход к пониманию и классификации таких общностей»¹⁰. М.В. Крюков констатировал, что все китайские этнографы, обсуждающие понятие «этнос», «оперируют определением нации, сформулированным И.В. Сталиным и распространенным затем на этнические общности вообще»¹¹.

Несколько последних десятилетий под влиянием многочисленных факторов (мобильность населения, урбанизация, разработка новых политических технологий, появление и распространение Интернета) происходит изменение условий жизни человека, изменяются представления о национальном, а соответственно и способы категоризации населения. Концептуальные аппараты вновь стали нуждаться в переосмыслении. В итоге, по замечанию С.В. Соколовского: «Размышления о нации как поле столкновения различных идеологий, словарей, концепций, позиций продолжает удивлять степенью присущей этому полю гетероглоссии, вызывающей когнитивный диссонанс у всякого, кто с этим полем по необходимости столкнулся»¹². На сегодняшний день сообщества, называющие себя «нациями» настолько отличны друг от друга, что даже современные ученые, долгое время занимающиеся изучением наций, называют это «интеллектуальным вызовом» и задаются вопросом «а есть ли в “наличной реальности” то самое, что мы называем одинаковым словом или хотя бы считаем, что это то самое там должно быть, как бы оно ни называлось»¹³.

Авторы коллективного труда «Культурная сложность современных наций»¹⁴ с некоторыми оговорками, но все же «признают факт существования в общественном дискурсе и предлагают ввести в научный язык возможность двойного смысла, т.е. обозначение нациями разных типов социальных коалиций людей – общно-

¹⁰ Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. – М.: ИЭА РАН, 2000. – С. 208.

¹¹ Крюков М.В. Этнографические исследования в КНР: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН, 1986. – С. 15.

¹² Соколовский С. В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 35.

¹³ Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Там же. С. 15.

¹⁴ Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.: ил.

сти по государству и общности по схожести культуры»¹⁵. «Но мы также признаем, – пишет В.А. Тишков, – крайне сложное, подвижное и взаимопроникающее содержание этих двух форм социальных коллективностей, которые выбирают для себя (или выбирают для них) эту самую «национальную» категоризацию. Мы считаем, что (само)обозначаемая «нацией» группа, обладая для подобной группировки определенными исходными отсылками (маркерами) историко-культурного и ментально-эмоционального плана, все-таки становится таковой в результате воздействия и принятия самого концепта нации, т.е. *нация – это тогда, когда появляется сам концепт в общеразделяемом членами сообщества смысле. Если нет слова, то нет и нации. Если есть слово, тогда есть исходное условие для нации*»¹⁶.

Вышеизложенное позволяет нам считать, что **актуальность темы исследования** обусловлена несколькими факторами. Во-первых, поскольку вопрос «Что есть нация?» продолжает оставаться в центре внимания российских и западных исследователей, то целесообразно показать, что в настоящее время по этому поводу думают их китайские коллеги, которые, влившись в мейнстрим современной этнологической науки, продолжают сохранять свой подход к данному вопросу. Во-вторых, китайский опыт дает возможность взглянуть с иной стороны на проблему, связанную с применением термина «нация». И, в-третьих, понимание специфики китайской терминологии поможет лучше осмысливать литературу на китайском языке и не допускать ошибок при переводе.

Степень научной разработки темы исследования. На сегодняшний день специалисты располагают литературой, позволяющей проследить, какие изменения происходили в области этнологической мысли, в области изучения национального вопроса и идеологического воспитания народа на протяжении длительного периода времени.

¹⁵ Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Там же. С. 8.

¹⁶ Там же.

В качестве источников в данном диссертационном исследовании выступили работы на китайском и английском языках. Китайские этнологи Фэй Сяотун и Линь Яохуа, ученые, принимавшие непосредственное участие в Проекте этнической классификации, в своих работах описывали трудности, с которыми им приходилось сталкиваться при проведении полевых исследований среди неханьского населения КНР и их этнической идентификации, а также о невозможности применения сталинского определения нации в полном объеме. Линь Яохуа¹⁷ писал о многозначности термина *миньцзу* и предлагал использовать один лишь термин *миньцзу*, но с нумерацией: *миньцзу*¹, *миньцзу*², *миньцзу*³, *миньцзу*⁴, где цифры призваны обозначать разные значения. Монография под редакцией Хуана Гуансюэ «Китайский проект этнической классификации»¹⁸ носит официальный характер, в ней последовательно представлена классификация народов Китая с древнейших времен до настоящего времени. Исследование Бинь Яна¹⁹ прекрасно иллюстрирует процесс этнической классификации в провинции Юньнань, когда *миньцзу* становится основной социальной конструкцией. Автор, сопоставляя сталинское определение нации и западные концепции этничности с концепцией *миньцзу*, приходит к выводу, что последняя имеет исключительный характер и именно с ней увязывает начало процесса китаизации антропологии в Китае. Нажи Билик в своих работах исследует различные трактовки понятий нации и этнической группы, рассматривает проблему перевода китайского термина *миньцзу* на другие языки и призывает уделять этой теме должное внимание. Принадлежа к «школе символистов», он предлагает рассматривать два термина в качестве символических структур. Можно выделить работы таких авторов, как Ма Жун, уделяющего особое внимание «*Миньцзу шибе*», различию значений терминов «этническая

¹⁷ Линь Яохуа. Гуаньюй «миньцзу» ицы дэ шиюн хэ имин дэ вэньти [К вопросу об использовании термина «миньцзу» и проблем, связанных с его переводом] // Лиши яньцзю. – 1963. – № 2. – С. 171–190.

¹⁸ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации] / Под. ред. Хуан Гуансюэ. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 1994. – 369 с.

¹⁹ Bin Yang. Between winds and clouds: the making of Yunnan (second century BCE to twentieth century CE). – NY: Columbia University Press, 2008. – 350 p. URL: <http://www.gutenberg-e.org/yang/conclusion.html> (дата обращения 16.10.2018).

группа» и «нация», принятых на Западе, и предлагающего заменить термин *миньцзу* на словосочетание «этническая группа» в целях деполитизации национального вопроса в Китае. Проблематике данной диссертации также посвящены работы Ван Сиэня и Хао Шиюаня. Важное значение для данной диссертации имеет исследовательская работа Хэ Гоаня²⁰, посвященная теории этноса в этнографической науке КНР, в которой автор обобщает существовавшие до 1990-х гг. в китайской этнографии взгляды по теории этноса.

В большом объеме была использована литература англоязычных авторов, которая практически не была задействована советскими и российскими синологами, но, тем не менее, представляющая особый интерес, так как уже в 1980-е гг. западные ученые начали проводить на территории Китая полевые исследования. Здесь следует отметить наиболее важные для нашего исследования работы Томаса Маллэни, в которых автор рассматривает процесс, посредством которого китайские социологи и коммунистические государственные органы решали, какие из этнических групп признать в качестве *миньцзу*, и как это в целом преобразовало современное китайское государство. Стеван Харрелл на примере народа *и*, изучением которых он занимается много лет, показывает, как несколько этнических общностей, различающихся по языку, традициям и привычкам, были объединены по результатам Проекта в одну *миньцзу*. В связи с этим он касается роли государства как главного актора, а также рассматривает вопросы перевода термина *миньцзу* на английский язык. Следует отметить такие исследования, как монография «Другие китайцы: яо и политика национальной принадлежности» Ральфа Литцингера²¹, в которой автор на примере собранного полевого материала изучает историю этнической классификации народа яо и показывает, какую роль в формировании представлений об этом народе играли ученые, государственные служащие и предста-

²⁰ Хэ Гоань. Теория этноса в этнографической науке КНР: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Хэ Гоань. – СПб., 1991. – 180 с.

²¹ Litzinger Ralph A. Other Chinas: the Yao and the politics of national belonging. – Durham and London: Duke University Press, 2000. – 331 p.

вители коммунистической партии. Отдельные аспекты исследуемой проблемы затрагивались в публикациях целого ряда авторов, представленных в сборниках статей, главными редакторами которых выступили известные антропологи Морис Россابي²², Мелисса Браун²³ и Стеван Харрелл²⁴.

В работе широко использовались выпускаемые в КНР журналы «Миньцзу яньцзю» («Национальные исследования»), «Миньцзу вэньти яньцзю» («Исследования национальных проблем») и «Шицзе миньцзу» («Мировые национальности»), а также англоязычная периодика (журналы «The journal of Asian studies», «China information» и «Asian ethnicity»).

В отечественной науке в ряде работ рассматриваются вопросы этногенеза, этнической истории, этнического самосознания, национальной политики, идеологии коммунистического Китая, строительства китайской нации. Проблеме терминологии в китайской этнологии и, в частности, истории термина *миньцзу* уделяли внимание М.В. Крюков в ряде статей, посвященных истории этнографических исследований и проблемам теории этноса в КНР, А.А. Москалев, рассматривавший эволюцию китайской мысли в подходах к нации и доктрину китайской нации, и А.М. Решетов. Автор диссертации в своей работе учитывал исследования таких современных этнологов-синологов, как А.А. Закурдаев²⁵, исследующего национальную идентичность через призму материалистической диалектики. Следует выделить монографию российских этнологов «Культурная сложность современных наций» под редакцией В.А. Тишкова и Е.И. Филипповой²⁶, в которой авторами, на основании большого эмпирического материала, концептуально осмысливается проблематика культурного многообразия современных обществ. Системати-

²² Governing China's multiethnic frontiers / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – 296 p.

²³ Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – 335 p.

²⁴ Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – 392 p.

²⁵ Закурдаев А. А. Национальная идентичность как продукт управляемых этнических процессов в КНР // Культурная сложность современных наций. С. 306–326.

²⁶ Культурная сложность современных наций. 2016, 384 с.

ческое изложение и описание подходов к регулированию отношений, возникающих на основе этнической идентичности, в работе С.В. Соколовского²⁷ помогли автору при анализе китайской концепции национальной политики.

Объект исследования – термины *миньцзу* («нация») и *цзуюнь* («этническая группа») как фундаментальные единицы в терминологическом аппарате китайской этнологии.

Предметом исследования выступают факторы, влияющие на процесс становления и трансформации данных терминов в разные периоды китайской истории.

Хронологические рамки исследования охватывают период с момента образования Китайской Народной Республики в 1949 г. до настоящего времени. Работа содержит также исторические экскурсы, позволяющие проследить изменения подходов к этнической категоризации населения страны.

Цель исследования – определить концептуальный инструментарий, с помощью которого в Китае очерчиваются границы сообществ и осуществляется их исследование.

Для достижения поставленной цели диссертант ставит перед собой следующие **задачи исследования**:

1) исследовать становление и трансформацию терминов *миньцзу* («нация») и *цзуюнь* («этническая группа») в терминологическом аппарате китайской этнологии в историческом срезе;

2) дать объяснение отсутствию в КНР четкой терминологической дифференциации между этнической группой/этносом/национальностью и нацией.

3) показать, что несмотря на влияние одностороннего подхода к теоретическим проблемам, существовавшего с момента создания КНР, когда любые высказывания К. Маркса, В.И. Ленина и И.В. Сталина по определенным вопросам рас-

²⁷ Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. – М.: «Привет», 2004. – 258 с.

сма тривались как до гма, китайские этнологи и идеологические лидеры стремились интегрировать марксистско-сталинскую философию в национальную культуру, что выражалось в формировании особого взгляда на категории данной науки и сказывалось на разработке специфического подхода к классификации народов.

Теоретико-методологические основания исследования. Поставленные автором задачи решаются с учетом достижений российской этнологии. Особое значение имеют значимые идеи и концепции, лежащие в основе примордиалистского (исконнического, натуралистического), инструменталистского и конструктивистского подходов и применяемые в этнополитических исследованиях.

Примордиалисты определяют этничность как глубокую привязанность, коренящуюся в «кровных связях»²⁸. Этнос, в качестве естественно-исторического объекта, рассматривал в 1920-1930 гг. С.М. Широкогоров: «этнос – есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освящаемых традицией и отличаемых ею от таковых других групп»²⁹. Во многом последователями Широкогорова были Л.Н. Гумилев и Ю.В. Бромлей. Концепцию Гумилева можно определить как естественно-географическую, он рассматривал этнос как феномен биосферы³⁰, а концепцию Бромлея как естественно-историческую. Последняя была официально признана в отечественной научной литературе 1960-х – начала 1990-х гг. и отождествляется с советской теорией этноса. Этнос, по Бромлею, «может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Широкогоров С. М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / Отв. редактор А. М. Кузнецов, А. М. Решетов: В 2-х кн. Книга вторая. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 4.

³⁰ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – СПб: ООО «Издательский Дом «Кристалл»», 2001. – С.7.

подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)»³¹. Ю.В. Бромлей, в условиях господства методологии исторического материализма, сумел создать необходимую для этнографической науки базу, которая не противоречила канонам исторического материализма и соединила сталинскую нацию с этносом. Специфика конструктивистского подхода заключается в том, что его сторонники делают акцент на субъективных ощущениях членов группы (чувстве солидарности, включающем «мифо-символический комплекс»). Конструктивисты стремятся «подставить на место *этничности* в качестве основного и главного индикатора идентичности (самосознания) субъекта (индивида или группы) иные категории лояльности, прежде всего, *гражданственность*»³². Они рассматривают этничность как некий конструкт, который либо формируется на основе этнических маркеров самим индивидом с целью познания окружающего социального мира, либо она навязывается ему изобретателями этничности (идеологами и политиками), которые путем этнической мобилизации масс достигают собственных политических и экономических целей. Конструктивисты не отрицают существование этносов, они видят причину объективизации представлений людей о своем единстве в длительном влиянии некой идеологии, на основании которой была институализирована серия социальных институтов и практик, помогающих закрепить это представление. В отечественной этнологической науке воззрения конструктивистов, говорящих о свободном выборе этничности, ее изменчивости и ситуативности, стали распространяться с середины 1990-х годов. Одним из основных представителей этого течения является академик В. А. Тишков. Он определяет этническую общность как группу людей, члены которой обладают общим названием и элементами культуры, мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и

³¹ Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). – М.: Наука, 1981. – С.27.

³² Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. – М.: ИНФРА-М, 2012. – С. 60.

обладают чувством солидарности³³. В инструментализме этничность часто понимается как идеология, используемая элитой для достижения определенных выгод и получения власти, внимание заостряется на субъективном волеизъявлении, когда культурные особенности, ценности и деятельность этнических групп являются орудиями элиты. Инструменталистские трактовки этничности могут не выделяться в качестве самостоятельного направления в концептуализации этничности, так как представители этого направления отвечали не на вопрос, что такое этничность, а на вопрос, как ее можно использовать. Применение вышеперечисленных подходов позволило понять влияние выбора определенной концепции этнического на формирование этнонациональной политики в КНР.

При написании работы использован также комплексный и типологический подходы к предмету исследования. Предпринята попытка максимально использовать возможности текстологического и историко-филологического анализа, что позволяет рассматривать явление в его развитии и устанавливать причинно-следственные связи в процессе исторического изменения изучаемого явления или процесса. При сопоставлении понятийного аппарата в советской (позже российской), западной и китайской этнологии был использован сравнительный метод.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в самой постановке проблем и последующем тщательном их освещении. Автором были выделены и обоснованы основные этапы становления и переосмысления терминов в понятийном аппарате китайской этнологии; выявлена зависимость развития этнологической науки от политических установок, принятых в КНР; подробно рассмотрен Проект этнической классификации, который, несмотря на всю свою значимость, лишь вскользь упоминается в российской синологической литературе; представлены позиции китайских теоретиков, раскрывающих свое понимание «нации» и «этнической группы»; автором предложено не использовать слово

³³ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 60.

«нация» как русский эквивалент термина *миньцзу* применительно к 56 этническим образованиям, выделенным в национальном составе КНР по итогам Проекта этнической классификации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. контекстуальность китайского термина *миньцзу*. На русский язык его можно переводить как «нация», «этнос», «народ», «этническая группа» в зависимости от контекста;
2. при рассмотрении вопросов, связанных с исследованием титульной нации хань и 55 малочисленных наций – этнических общностей, внесенных по итогам Проекта этнической классификации в официальный перечень наций, наиболее верным будет оставлять термин *миньцзу* без перевода.
3. китайская этнологическая наука, несмотря на сильное влияние советской этнографической школы и признания сталинского определения «нации» на официальном, идеологическом уровне, приобрела свой опыт, развивала свою теорию «нации», сформировав в итоге этнологию с «китайской спецификой».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что автор, рассматривая в историческом срезе процесс становления и трансформации основных этнологических терминов в Китае, выстраивает последовательность событий и изменений в китайской теоретической мысли. Проведенное исследование может иметь **практическое применение**, его основные положения и идеи могут быть использованы при разработке содержания учебных дисциплин для будущих синологов и антропологов.

Апробация результатов исследования проводилась на ежегодной научно-практической конференции молодых ученых «Социокультурное многообразие в современном мире» (Москва, 11-13 декабря 2018 г.). Результаты диссертационного исследования опубликованы в виде статей, три из которых вышли в рецензиру-

емых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, таких, как журнал «Этнографическое обозрение» и «Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка использованной литературы. Трех главам диссертации соответствуют три периода в истории КНР. Первый период приходится на первую половину XX столетия до проведения Проекта этнической классификации, когда понятие «нации» укоренялось на китайской почве и трансформировалось в соответствии с идеологией и популярными теориями того времени. Второй период выпадает на время проведения *Миньцзу шибе*, во время которого был закреплён основной подход к категоризации народов, основанный на сталинском определении нации, но с учетом местных реалий. Этот период продлится до начала 1980-х гг. В 1982 г., после Культурной революции и времени научного застоя, двенадцатый Всекитайский съезд коммунистической партии Китая даст оценку национального вопроса в Китае как проблеме особой государственной важности, что приведет к активизации теоретических исследований в данной области. С этого времени китайские исследователи сосредотачиваются на исследовании этнических вопросов и могут без опасений использовать теоретические разработки Запада и России в области этнологии. Культурная лихорадка (так называемая *wenhua re*), по замечанию Сюзан Блум, захватила интеллектуалов, которых более не принуждали принимать идею о том, что Запад – это лишь злобный империалистический бумажный тигр, и теперь уже они могли считать, что Запад в состоянии предложить что-то полезное, в особенности, в области модернизации и технологий³⁴. Появился относительно свободный доступ к научной зарубежной литературе, возможность обмениваться опытом с зарубежными коллегами и проводить дискуссии на страницах научных журналов. С конца 1980-х гг. у зарубежных ан-

³⁴ Blum Susan D. Margins and centers: a decade of publishing on China's ethnic minorities // The journal of Asian studies. – 2002. – Vol. 61, № 4. – P. 1298.

тропологов появилась возможность на территории Китая проводить экспедиционные исследования. До этого времени «реальная ситуация с китайскими национальными меньшинствами в течение более чем тридцати лет оставалась непроницаемой тайной, и только недавно завеса секретности была снята»³⁵. Начался третий период (с 1980-х по 2000-е гг.) – время активной критики сталинского понятия «нации» и распространения в Китае термина «этническая группа». Это проявилось в рассуждениях ученых о возможности и целесообразности замещения им термина *миньцзу*. Несмотря на бурные дискуссии во время третьего периода, в настоящее время не произошло каких-либо значительных изменений в терминологическом аппарате китайской этнологии, скорее, наоборот, за термином *миньцзу* окончательно было закреплено несколько смыслов: нации, как совокупности граждан и нации, как этнической общности.

³⁵ Hsieh Jiann. China's nationalities policy: its development and problems // Antropos. – 1986. – Vol. 81. – P. 3.

Глава I. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО ПОНЯТИЯ *МИНЬЦЗУ* В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ

1. Проблема перевода китайского термина *миньцзу* на русский и английский языки

При чтении работ, посвященных исследованию национальной политики, национализма в КНР, этнологии и связанных с ней проблем понятийно-терминологического аппарата, читатель сталкивается с множеством этнологических терминов, которыми обозначаются 55 неханьских этнических общностей, населяющих Китай. Их называют: «нациями», «малочисленными народами», «национальными меньшинствами», «неханьскими национальностями», «“национальными” меньшинствами», «некитайскими национальностями», «народностями», «этническими образованиями», «этническими меньшинствами», «национальностями», «этносомами», «этническими группами», «народами», «этническими общностями. Все вышеперечисленные термины являются русскими эквивалентами трех китайских слов, используемых китайскими учеными и политиками в публикациях с 1950-х гг. до настоящего времени для обозначения этнических общностей, населяющих Китай: *миньцзу*, *шаошу миньцзу* и *цзуцзюнь*. Встречающийся в официальных документах, например, в конституции КНР, термин *миньцзу* переводится на русский язык как «нация», а в качестве русского эквивалента словосочетания *шаошу миньцзу* используется «национальное меньшинство». *Цзуцзюнь* – сравнительно новое слово в китайском лексиконе – переводится на русский язык как «этническая группа». Довольно часто слово *миньцзу* используется как сокращенная форма от *шаошу миньцзу*. Фраза «я – *миньцзу*» означает, что говорящий не принадлежит народу хань (ханьцзу), который составляет в Китае большинство³⁶.

³⁶ Bai Zhihong. Making a difference: Bai identity construction in Dali. – China: China social sciences documentation publishing house, 2010. – P. 21.

Возьмем, к примеру, две цитаты из книг специалистов в области национальной политики КНР, в которых мною будут выделены термины, используемые авторами для обозначения неханьских народов. А.А. Москалев пишет: «Китай – одно из крупнейших полиэтнических государств мира. По данным переписи населения 1953 г., в стране заявили о себе несколько сот различных **этнических групп**. Впоследствии эти **этносы** были сведены к 56 **национальностям**, включая ханьцев (собственно китайцев)»³⁷. А.М. Кузнецов, в свою очередь, отмечает, что «с самого начала революции и в любых последующих обстоятельствах руководство Китая понимало, что для сохранения страны необходимо обеспечить сплоченность входящих в нее “**основных наций**” – “**национальных меньшинств**”, т.е. всех **этнических общностей**, составляющих население этой полиэтничной страны»³⁸. Подобные предложения, вырванные из контекста, озадачивают. Если этнолог еще может догадаться, о чем идет речь, то читателю (слушателю) без специальных знаний будет нелегко, и в лучшем случае он оставит такие сочетания без внимания. Поэтому, чаще всего, прежде чем приступить к изложению основного вопроса, российские исследователи начинают с объяснения принятой в китайской этнологии терминологии, соответствующих ей понятий и практики перевода. Проблема терминологии, как отмечал А.М. Решетов, в принципе, «одна из важнейших в науке, и каждая конкретная наука, определяя свою предметную область, должна заботиться о выработке точных, однозначно понимаемых терминов. Их отсутствие может сдерживать развитие науки, приводить к неправильным выводам, к взаимонепониманию между специалистами»³⁹. Поэтому перед учеными ставится задача выявления подлинного значения иноязычных терминов, определение правомерности их применения и допустимости их переноса из одной научной системы в другую.

³⁷ Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР: (1949-1999) / Под общ. ред. В. С. Мясникова; Рос. акад. наук. Ин-т Дал. Востока. – М.: Памятники ист. мысли, 2001. – С. 8.

³⁸ Кузнецов А.М. Этнонациональная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – С. 65.

³⁹ Решетов А. М. Некоторые соображения о переводе и значении термина «нация» в китайском языке. С. 163.

Такое разнообразие терминов возникает вследствие того, что в разных странах и культурах существуют свои языковая, политическая и академическая традиции. Благодаря переводчикам в каждом языке укореняется тот или иной перевод слов, который порой бывает не совсем корректен или требует разного рода уточнений. Поэтому чтобы не допускать ошибок при переводе, необходимо иметь это в виду, фиксировать и учитывать исторически меняющиеся взаимосвязанные контексты, вводить в центр понятий переменные времени и пространства, и только потом погружаться в материал и анализировать «содержание». В попытках адаптировать китайские тексты, сделать их понятными для широкого круга читателей и при этом оставаться в рамках общепринятых (популярных) этнологических теорий, ученые старательно подбирают термины на родном языке, соответствующие содержанию китайских терминов.

Понятийно-терминологический аппарат, используемый в китайской, советской и современной российской этнологии, различен, что затрудняет перевод литературы и, следовательно, сопоставление идей и результатов исследований. В советской этнологии долгие годы господствовала теория этноса, этнос был основным объектом исследования, в то время как в КНР за образец была принята сталинская теория нации, нация являлась основным оружием в политических баталиях и базовым понятием в этнологии. Китайский термин *миньцзу* одновременно соответствовал русским понятиям «этнос» и «нация». Позже, после 1990-х гг., советская теория этноса уступила место конструктивистской интерпретации этничности и все чаще стали использоваться термины «этническая группа», «нация» и «народ», значение которых совпадало с западными понятиями «ethnic group», «nation» и «people». Термин «этнос», как указывается в энциклопедии «Народы и религии мира» по значению приравнивается к термину «этническая группа»⁴⁰. Значит ли

⁴⁰ Тишков В. А. Этническая группа // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков, редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – С. 901.

это, что термин *миньцзу* приравнивается к «этнической группе»? Ответ на этот вопрос нам также предстоит выяснить.

Ясное понимание того, что же подразумевается под китайским термином *миньцзу*, важно и потому, что в КНР *миньцзу* являются основными субъектами национальной политики. В переводе действующей Конституции КНР 1982 г. на русский язык агентством «Синьхуа» используется терминология, принятая в советской этнографии. Преамбула Конституции КНР гласит: «Китайская Народная Республика – единое многонациональное государство (*доминьцзу гоцзя*), созданное общими усилиями народов различных национальностей всей страны. Уже установились и будут укрепляться впредь социалистические национальные отношения равенства, сплоченности и взаимопомощи»⁴¹. «В районах компактного проживания национальных меньшинств (*шаошу миньцзу*) осуществляется национальная автономия. Создаются органы самоуправления, осуществляются автономные права. Районы национальной автономии являются неотъемлемой частью Китайской Народной Республики», – читаем мы в первой главе четвертой статье Конституции КНР⁴².

Если обратиться к той же энциклопедии «Народы и религии мира», то мы видим, что под национальной политикой⁴³ подразумевается государственная политика в отношении этнических групп (национальностей) и в сфере регулирования межэтнических отношений. То есть, основными участниками национальной политики являются этнические группы (или национальности). Можем ли мы сказать, что в КНР этнические группы являются субъектами политики? Конституция КНР устанавливает, что политика государства направлена на взаимодействие с *миньцзу/шаошу миньцзу*, населяющими ее территорию, которые, в свою очередь, были выделены в результате осуществления Проекта этнической классификации.

⁴¹ Конституционные акты Китая. Хрестоматия / Сост. Кузнецов Д. В. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 116. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/konstitucionnye_akti_kitaja.pdf (дата обращения 21.02.2018).

⁴² Там же. С. 117.

⁴³ Тишков В. А. Национальная политика // Народы и религии мира. С. 891.

В конце 1980-х гг., когда после долгих лет идеологической стагнации у китайских ученых появилась возможность знакомиться с западной литературой, проводить масштабные конференции и обсуждать волнующие вопросы в печатных изданиях, возрос интерес к фундаментальным методологическим аспектам в этнологии. Одним из приоритетных направлений в этнологии КНР стали исследования в области национальной политики, в которой, по словам А.А. Москалева, произошел определённый «прорыв»⁴⁴. В эту сферу стали вовлекаться все более широкие ряды ученых-теоретиков национального вопроса, историков, социологов, политологов и этнологов. Столкнувшись с незнакомым понятийно-терминологическим аппаратом, принятым на Западе, китайские ученые, по замечанию М.В. Крюкова, начали «особенно остро ощущать потребность в уточнении ранее установившихся значений этнографических терминов и во введении дополнительной терминологии для вновь выявленных аспектов этнических понятий»⁴⁵. Теперь, когда китайские ученые получили доступ к иностранной литературе, и сами стали часто публиковать статьи на английском языке, необходимо обратить внимание на понятийно-терминологический аппарат, используемый западными учеными в своих работах, посвященных исследованию народов в КНР.

На самом деле здесь ситуация та же, что и в русскоязычной литературе. Нет единого стандарта, используются различные термины, которые применяются для обозначения неханьских народов: «ethnic minorities», «ethnic minority nationalities», «minority nationalities», «nationalities», «non-Chinese people», «Chinese ethnic groups», «ethnic groups», «minority peoples», «minority ethnic groups», «national minority groups», «non-Han groups», «non-Han peoples», «non-Han minorities», «Chinese minorities», «ethnic minority nationalities», «ethnoes», часто просто в сокращенной форме «minorities», «people», «groups». Многие современные авторы стали оставлять слово *миньцзу* без перевода, предварительно указав на его значение.

⁴⁴ Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР: (1949-1999). С. 172.

⁴⁵ Крюков М. В. Этнографические исследования в КНР: научно-аналитический обзор. М., 1986. С. 11-12.

Стеван Харрелл, рассматривая проблему перевода термина *миньцзу* на английский язык, рассуждает о том, что этот термин в официальных китайских публикациях обычно переводится на английский язык как «национальность», но очевидно, что под словом национальность англоязычные люди понимают не что иное, как народ, обладающий национальным государством. «Этническая группа» – перевод более близкий, но в соответствии с большинством западных дефиниций, в основе определения «этнической группы» лежит некий вид «группового чувства» или «этническая самоидентификация», что не всегда присутствует китайской *миньцзу*. Определять *миньцзу* как группу, которая характеризуется четырьмя признаками нации по Сталину (язык, территория, экономическая жизнь и психический склад), тоже не вариант, так как многие группы на самом деле не обладают этими признаками. В конечном счете, правительство по своему усмотрению выделило группы *миньцзу*. Но каким бы ни было первоначальное основание, *миньцзу* стали реальными объектами в национальной и региональной политике⁴⁶.

«Терминологический хаос» говорит о том, что существует разница между китайским термином *миньцзу* и любой другой западной и российской этнологической категорией. Необходимость правильного выбора и использования термина, за которым закрепляется определенное понятие, то есть мысль, в которой отражаются общие, значительные свойства, связи предметов и явлений, очевидна. Понятия не только отражают общее, но и разделяют вещи, группируют, классифицируют их в соответствии с их отличительными характеристиками. Употребляя некий термин, мы вкладываем в него соответствующее понятие, что вызывает у слушателя (читателя) ряд ассоциаций в соответствии с его знаниями. Поэтому, подбирая эквивалент иностранному термину на других языках, во избежание искажения смысла, нужно тщательно следить за тем, чтобы дефиниции терминов на двух языках совпадали. Иногда это трудно сделать, так как существуют тонкие,

⁴⁶ Harrell Stevan. Ethnicity and kin terms among two kinds of Yi // Ethnicity and the ethnic groups in China. Chiao Chieh and Nichholas Tapp eds. – Hong Kong: Chinese University Press, 1989. – P. 181.

но существенные различия. Тогда есть вариант оставить слово или словосочетание без перевода или каждый раз давать перевод с помощью близкого по содержанию термина с указанием этих самых тонкостей. Вопрос в том, так ли необходимо подбирать эквивалент на соответствующем языке, нет ли немаловажных нюансов, которые могут теряться при переводе? «Пусть смысл выбирает слова, а не наоборот», – писал Джордж Оруэлл, который рассматривал язык как инструмент «для выражения, а не сокрытия или подавления мыслей»⁴⁷.

Несмотря на то, что термин *миньцзу* является давно устоявшимся, распространенным и общепринятым в Китае, вопрос: «Как все-таки следует понимать термин *миньцзу*, выступающий в качестве объекта исследования в этнологии, и какое дать ему определение?» до сих пор привлекает внимание китайских ученых. Они продолжают заниматься исследованием данного вопроса и предлагают различные варианты преодоления «терминологического хаоса». В своих работах китайские ученые-этнологи проводят сравнительный анализ понятийно-терминологического аппарата, принятого в этнологии Запада, СССР и КНР, позволяя, тем самым, читателям осваивать китайские тексты, избегать неточных трактовок и учитывать «китайский» взгляд на некоторые вопросы.

2. История возникновения термина *миньцзу*

Генезис термина *миньцзу* на протяжении долгого времени остается теоретическим вопросом, которому китайские ученые уделяют свое внимание. Существуют две основные точки зрения относительно его происхождения. Согласно первой, слово изначально китайское, в соответствии со второй, оно заимствовано из японского языка.

⁴⁷ Оруэлл Д. Политика и английский язык // Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. – С. 354-356.

По данным М.В. Крюкова, еще в первых веках нашей эры в Китае слово *миньцзу* употреблялось в значении «народ», «этнос»: «Так, в исторических источниках до нас дошли отголоски споров о сущности различий между китайцами и «варварами», которые велись в V в. Один из участников диспута утверждал: «Ныне китайцы – и мужчины, и женщины – не изменили принадлежности к своему народу (миньцзу – М.К.), но бездумно следуют варварским обычаям»⁴⁸. С этим соглашается Хэ Гоань, по мнению которого нет достаточного основания утверждать, что слово *миньцзу* заимствовано из японского языка, так как вышеуказанный текст означает первое появление в китайской литературе термина *миньцзу*⁴⁹. В то же время оба автора признают, что в XVIII–XIX вв. этот термин в Китае был практически неизвестен, его употребление носило случайный характер, не получив в древнем Китае дальнейшего распространения. Популяризация его тесно связана с распространенными в Европе и Японии соответствующими по смыслу терминами.

В 1998 г. в Китае состоялся семинар, посвященный теории *миньцзу*. Чжоу Сюйфан отметил единодушие в том, что слово *миньцзу* не является исконно китайским, а заимствовано из японского языка и появилось в китайских газетах примерно во времена Синьхайской революции и первые годы после нее (1911–1913 гг.). Некой разделительной линией считается 1901 г., до которого слово *миньцзу* попадалось лишь случайно, в основном в высказываниях иностранных чиновников и зачинателей революционного движения⁵⁰. Тем не менее, ученые, придерживающиеся первой точки зрения, продолжали «инспектировать» – исследовать памятники древней литературы на китайском языке в поисках примеров употребления иероглифов *минь* (民) и *цзу* (族), но не каждого в отдельности (это

⁴⁸ Крюков М.В. Этнографические исследования в КНР: научно-аналитический обзор. С. 12.

⁴⁹ Хэ Гоань. Теория этноса в этнографической науке КНР. С.17.

⁵⁰ Чжоу Сюйфан. «1998 нянь “миньцзу” гайнянь цзи сянгунь лилунь взньти чжуаньти таолунь хуэй» цзуншу [Обзор семинара, посвященного понятию “нации” и связанных с ним теоретических вопросов, состоявшегося в 1998 г.] // Шицзе миньцзу. – 1999. – № 1. – С. 77–81. URL: <http://study.ccln.gov.cn/fenke/shehuixue/shxkdt/shyjzs/140730.shtml> (дата обращения: 19.01.2018).

встречалось повсеместно), а как единого слова *миньцзу*, смысл которого мог бы быть схож с современным понятием.

Гун Юнхуэй, со ссылкой на различные китайские источники, сначала разбирает морфемы (иероглифы) *минь* и *цзу* по отдельности. *Минь*, изначально, пиктограмма, изображающая левый глаз, проколотый иглой, в буквальном смысле означала «раб/невольник». Позже значение его расширилось, и иероглиф *минь* стал относиться ко всем подчиненным людям (к тем, которыми управляют). *Цзу* – идеограмма, изображающая соединение знамени и наконечника стрелы, – «знамя обозначает народ, стрела убивает врага». По мнению исследователя, основным значением *цзу* является род, как основная военная организация. Другое значение *цзу* – это множество людей/толпа⁵¹. В древней литературе встречается множество сочетаний, в которые входят морфемы *минь* и *цзу*. Гун Юнхуэй пишет, что поскольку в древнем китайском языке иероглифы *минь* и *цзу* по отдельности, в сочетании с другими иероглифами, могли образовывать многочисленные термины, соответствующие понятию *миньцзу*, следовательно, логически обоснованно, что две морфемы образовали понятие *миньцзу*. Однако, являясь одной из многочисленных классических выразительных форм, слово *миньцзу*, в самоорганизующейся системе языка, относительно редко встречается⁵².

Жу Ин обнаружил слово *миньцзу* в военном трактате «Тайбай инь цзин» (太白阴经) эпохи Тан (618–907 гг.), который был написан монахом Ли Цюанем (713–761 гг.). Используемое здесь слово *миньцзу* хотя не целиком соответствует значению современного понятия *миньцзу*, но свидетельствует, что оно совсем не является «импортным товаром» нового времени⁵³. В 2004 г. в выпусках журнала «Национальные исследования» выходит ряд статей, посвященных критическому исследованию истоков слова *миньцзу*. В них утверждается, что оно встречается в

⁵¹ Гун Юнхуэй. Лун хэсе эр ю чжунго тэсэ вэ миньцзу гайнянь [К вопросу о гармонии и китайской специфике понятия нации] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2006. – № 1. – С. 3.

⁵² Там же.

⁵³ Жу Ин. Ханьюй «миньцзу» и цы цзай во го дэ цзуй цзао чусянь [Самое раннее появление в китайском языке слова «миньцзу»] // Шицзе миньцзу. – 2001. – № 6.

древней китайской литературе. Ди Юнцзюнь сообщает, что «к счастью» неожиданно обнаружил слово *миньцзу* в близком по смыслу к современному значению в тексте династийной хроники «История Южной Ци» (династия Южная Ци правила в 479–502 гг.), составленной даосским ученым. Таким образом, «слово “миньцзу” в “История Южной Ци” появляется на 200 лет раньше, чем в “Тайбай инь цзин”, и смысл еще более близок к современному»⁵⁴. Хао Шиюань приводит «10 доказательств»⁵⁵ того, что *миньцзу* является словом из древнего китайского языка. Он приводит отрывки из древних книг, где встречается слово *миньцзу*, начиная с «Истории Южной Ци», как самой древней, и заканчивая «Продолжением книги о правлении царствующей династии» («皇朝经世文续编»), написанной в 1851 г. Хао Шиюань считает, что, скорее всего, слово *миньцзу* проникло в Японию из Китая. «Многие “двуморфемные словосочетания” вовсе “не создавались” в японском языке, такие слова как “миньцзу”, “чжунцзу”, “цзунцзяо” принадлежат древнему китайскому языку, с той лишь разницей, что им придавался новый смысл, соответствующий западным понятиям. Конечно, есть доказательства использования китайского слова “миньцзу” в древнем Китае в том современном значении, в котором оно употребляется в Японии, однако в настоящее время еще не обнаружены примеры использования слова “миньцзу” в качестве эквивалента словам *volk*, *ethnos* и *nation*, как, например, в японском переводе западных книг»⁵⁶. Приняв во внимание факт наличия слова *миньцзу* в древней китайской литературе, следует признать, что его употребление – это скорее исключение, о чем пишут и сами китайские авторы, пытающиеся доказать китайское происхождение слова.

В пользу второй точки зрения относительно японского происхождения слова *миньцзу* в его современном значении, выступают большинство как китайских, так и англоязычных исследователей.

⁵⁴ Ди Юнцзюнь. «Миньцзу» и цы цзяньхой «Наньци шу» [Слово «миньцзу» встречается в «Истории Южной Ци» // Миньцзу яньцзю. – 2004. – № 3. – С. 99.

⁵⁵ Хао Шиюань. Чжун вэнь «миньцзу» и цы юаньлю каобянь [Об истоках слова «миньцзу» в китайских текстах] // Миньцзу яньцзю. – 2004. – № 6. – С. 62–63.

⁵⁶ Там же. С. 67.

В книге, посвященной итогам этнической классификации в КНР, которая была выпущена правительством в 1994 г. указывается, что слово *миньцзу* в древнем языке Китая не встречается. В китайском языке в древние времена по отношению к человеческим общностям, подобным *миньцзу*, использовали два слова *минь* и *цзу*, из которых *цзу* было наиболее распространенным. В Китай термин *миньцзу* привнесли реформисты в период развития буржуазной революции, в результате знакомства с литературой на японском языке⁵⁷.

В самом японском языке термин *миньцзу* появился в 70-е гг. XIX века как перевод слов *volk*, *ethnos*, *nation*, взятых из литературы на немецком языке, заменив собой в то же время такие слова древнего китайского языка, как *чжунцзу* (种族), *жэньчжун* (人种), *цзучжун* (族种), *цзуминь* (族民), *гоминь* (国民) и другие. После того, как термин *миньцзу* стал широко использоваться в журнале «Японец», основанном в 1888 г. философом Цзин Шаньюанем, он распространился во всех средствах массовой информации⁵⁸.

Англоязычные исследователи единодушны в том, что термин *миньцзу* является неологизмом, который пришел из японского языка (произносится на японском языке как *миндзоку*, но записывается теми же иероглифами, что и в китайском языке). *Миньцзу*, по словам Стевана Харрела, отсылает к жителям страны, к тем, кто участвует в строительстве нации-государства. Такое применение термина было изобретено в Японии эпохи Мэйдзи, как часть процесса строительства нации, и было заимствовано китайскими националистами в конце девятнадцатого столетия, намеревавшихся использовать его в своих планах свержения маньчжурской династии и создания единой китайской нации⁵⁹. Памела Кроссли указывает, что термин *миньцзу* не использовался в Китае до 1895 г. *Миньцзу* – китайский эквивалент японского неологизма *миндзоку*, однако, есть основания сомневаться в том,

⁵⁷ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 1–3.

⁵⁸ Хао Шиюань. Чжун вэнь «миньцзу» и цы юаньлю каобянь [Об истоках слова «миньцзу» в китайских текстах]. С. 65.

⁵⁹ Harrell Stevan. The nationalities question and the Prmi problem // Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – P. 276.

что слово *миндзоку* имеет тесную связь с классическими китайскими этимонами *минь* и *цзу*. *Минь* обозначает обычных людей, или людей в целом, и во времена династии Цин (1644–1911 гг.) употреблялось как слово, близкое по значению к «гражданскому населению». Термин *цзу* развивался от неаскриптивного, нетаксономического слова собирательного значения к аскриптивному, таксономическому слову узкого значения. Изначально *цзу* не имело значения происхождения, а указывало на небольшую группу людей на местности или более большую организацию, и только со временем приобрело значение родства. Во времена династии Цин *цзу* стал предпочтительным термином для обозначения установленных, исторических народов, особенно на северо-востоке. Современные китайские этнологи, в итоге, доказали, что, несмотря на японское происхождение слова *миньцзу*, оно схоже со словами «народ», «people», «nation», с акцентом на «popular» (народный) и «nationality» («народность»). Это означает, что японское слово *миндзоку* несет на себе отпечаток национальности (nationality), а не этничности, что было связано с популистским, нативистским дискурсом в ранней современной Японии⁶⁰.

Вопрос о происхождении термина *миньцзу* оставим для филологов и историков. Для нас важно разобраться, почему слово, столь редко используемое в китайском языке, неожиданно в двадцатом столетии приобретает популярность среди интеллектуальной элиты и политических лидеров, вводится в лексикон и со временем замещает множество других, более привычных терминов?

3. Значение термина *миньцзу* в первой половине XX века

В конце девятнадцатого столетия Китай практически находился в зависимости от мировых держав, желающих захватить территории и определить сферы своего влияния. Цинское правительство (1644–1911 гг. – время правления мань-

⁶⁰ Crossley Pamela. Kyle Thinking about ethnicity in early modern China // Late imperial China. – 1990. – Vol. 11, № 1. – P. 19–20.

чжурской династии Цин в Китае) не желало проводить необходимые для оздоровления страны реформы и тем самым обостряло социальные противоречия, служившие поводом к восстаниям. Это привело к пробуждению национального сознания и активизации национального движения среди населения. Интеллектуальная элита страны понимала, что только сплоченность и единение всего народа помогут стране избежать краха. Для этого необходимо было осуществить обновление по идеологической линии, так как до этого времени концепция китайской нации и государства выражались в «доктрине Поднебесной» (天下主义) и в «различиях между китайцами и варварами» (华夷之辨), что не отвечало требованиям реальной ситуации. В этот момент, на рубеже XIX–XX вв., в Китае начинает формироваться национальный (этнополитический) дискурс, «так как уже для выработки стратегии реформ и революционной борьбы необходимо было осмыслить сложившееся в стране положение и наметить пути и средства по его преобразованию»⁶¹.

В это время китайские политические деятели начинают знакомиться с теориями Запада и с научной литературой на японском языке. Оказалось, что для концептуального освоения китайским обществом новых идей необходимо было преодолеть трудности «философско-лингвистического порядка», так как «категориальный аппарат традиционной культуры не давал возможности адекватно передавать многие понятия западной мысли»⁶². С этого времени в современный китайский язык вводится слово *миньцзу* в качестве научного термина для обозначения народа, нации.

Считается, что впервые термин *миньцзу* в значении «народ», «этнос» был употреблен в печати не позднее 1882 г. в статье Ван Тао (1828–1897) – ученого,

⁶¹ Кузнецов А.М. Этносоциальная политика и современные проблемы нациестроительства в Китае. С. 81.

⁶² Борох Л. Н. Идеи западного либерализма в восприятии Лян Цичао // Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX- нач. XX в.) – М.: Наука, 1988, – С. 77.

политического мыслителя и идеолога реформаторского движения в Китае⁶³. В то же время Лян Цичао (1873–1929 гг.), один из лидеров либерального реформаторского движения, оказавшись в Японии, познакомился с переводной литературой, в которой присутствовала новая терминология, записанная китайской иероглифической. Вернувшись из Японии, Лян Цичао стал употреблять термин *миньцзу* в значении «народ». Возможно, «Ван Тао и Лян Цичао независимо друг от друга использовали в своих сочинениях термин, заимствованный ими из японской прессы»⁶⁴. Еще несколько примеров употребления слова *миньцзу* в значении «народ», «этнос» можно обнаружить в газетных статьях, опубликованных в 1895-1896 гг. XIX в. Тем не менее, в то время данный термин использовался несистематически и не получил широкого распространения.

Перелом происходит в первые годы XX в., когда новое для китайского общества слово *миньцзу* прочно закрепляется в общественно-политическом лексиконе для обозначения не только конкретных народов разных частей света, но и в более широком значении. Одними из первых интеллектуалов Китая, которые обратились к проблемам нации, стали все тот же Лян Цичао и Сунь Ятсен, творчество которых было подробно проанализировано в работах Л.С. Тихвинского, О.Н. Борох, А.А. Москалева, М.В. Крюкова и других авторов.

По мере распространения термина *миньцзу*, его, по мнению Хань Цзиньчунь и Ли Ифу, как правило, стали использовать: 1) в рассуждениях об агрессивном характере империализма и угрозе разделения Китая; 2) при выражении национального чувства собственного достоинства и чувства национальной гордости, разъяснении необходимости независимости; 3) в исследованиях китайской национальной истории и истории социального развития; 4) в обсуждениях концепции

⁶³ Хэ Гоань. Теория этноса в этнографической науке КНР. С. 17.; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – С. 337.

⁶⁴ Там же. С. 338.

нации и национализма; 5) в пропаганде национальной автономии, великой державы и т.п.⁶⁵.

Лян Цичао интересовался вопросами развития ханьской этнической общности, проблемами недостаточного уровня их консолидации. Он всегда использовал термин *миньцзу* в значении «этническая общность», «этническая нация», в отличие от «политической нации», которая им была обозначена термином *гоминь* (國民). Попытка сформулировать основные аспекты понятия нации была предпринята Лян Цичао в статье, опубликованной в 1903 году. Его изначальные взгляды на этнос, нацию, перекликались с общепринятыми в Европе представлениями относительно этой единицы категоризации и формы социальной организации человечества. Лян Цичао высоко ценил труды швейцарского правоведа И.К. Блюнчли (1808–1881 гг.). В одной из своих статей Лян Цичао перечислил 8 основных признаков нации, заимствованных им у швейцарца, к которым относятся единство первоначальной территории расселения, первоначальное единство по крови, общность антропологического облика, единство языка, письменности, способа добывания средств к существованию. В дальнейшем Лян Цичао пришел к важному выводу, сформулированному в статье «Изучение [этно]нации в истории Китая» (1922 г.), согласно которому наиболее важным фактором становления нации является возникновение и утверждение «национального сознания (*миньцзу иши*)»⁶⁶. По мнению М.В. Крюкова, Лян Цичао в своих работах был одним из первых в науке, кто сформулировал «субъективный» подход к пониманию этноса (он пользуется в данном случае популярным в то время неологизмом *миньцзу* – “нация”) в противовес его традиционному «объективному» толкованию, указывая, в частности на то, что общность происхождения, язык, верования являются существенными условиями возникновения нации. Однако, – по мнению Лян Цичао, – эти

⁶⁵ См.: Чжоу Чуаньбинь. Лунь чжунго тэсэ дэ миньцзу гайнянь [О понятии нации с китайской спецификой // Гуанси миньцзу яньцзю. – 2003. – № 4. URL: <http://dlib.zslib.com.cn/qklw/rdzl/0304/RD205651> (дата обращения 05.04.2018).

⁶⁶ Цит. по: Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 18.

три признака недостаточны для фактического разграничения наций. Единственное наиболее важное свойство нации заключается в возникновении и утверждении «национального сознания», то есть осознания себя в противопоставлении другим⁶⁷. Хотя Лян Цичао не был первым, кто указал на самосознание как необходимый признак этнической общности, М.В. Крюков считает необходимым подчеркнуть, что ему, китайскому ученому/публицисту «удалось правильно уловить закономерность формирования общего этнического самосознания как отражения реально существующих признаков этноса»⁶⁸.

После 1903 г. слово *миньцзу* стало широко использоваться в Китае, появляется в работах Чжан Тайяня, Цзоу Жуна, Сюй Силяня, Сунь Ятсена и других известных деятелей революционного движения. Сунь Ятсен (1866–1925 гг.), лидер партии Гоминьдан, также высказывал свою точку зрения на природу нации. Его идеи были изложены в теоретических статьях, автором которых являлся его сподвижник Ван Чжаоин (известен под литературным псевдонимом Ван Цзинвэй; китайский политический деятель первой половины XX века). В статье «Граждане нации» Ван Цзинвэй пояснял читателям смысл термина *миньцзу*, определив его как «этнологический термин». По его словам, нация – это устойчивое объединение людей одинаковой природы, обладающих шестью наиболее существенными признаками: общностью крови (этот признак постепенно утрачивает свое значение в ходе развития этноса/нации), языка и письменности, территории, религии, обычаев, а также общностью духовной организации. Что касается характеристики нации как устойчивой общности, то это качество формируется в ходе исторического развития, в результате которого нация приобретает такие свойства, как прочность и постоянство⁶⁹.

⁶⁷ Крюков М. В. Лян Цичао, Сергей Широкогоров и Комацу Кэнтаро: три взгляда на сущность этничности // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тез. докл. VI Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 11-13 окт. 1995 г.). – М., 1995. Ч. II. – С. 136.

⁶⁸ Этническая история китайцев в XIX – начале XX. С. 343.

⁶⁹ См.: Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. С. 44.

Мы видим, что в ранних определениях *миньцзу* («нации») в число признаков общности включают «происхождение по крови», «кровное родство». Это происходило по причине отсутствия в Китае до 1930-х гг. четкой границы между нацией и расой. Нажи Билик, указывая, что первоначально китайские ученые в определении *миньцзу* за основу брали клан и генеалогию, культуру и этикет, приводит в качестве примера несколько определений, данных китайскими учеными термину *миньцзу* в начале XX века. Вот одно из них: «Все те, кто обладают одинаковыми обычаями, говорят на одном языке и имеют единокровное происхождение, – полагает Лю Яцзы, – принадлежат к одной нации [миньцзу]»⁷⁰. Позже ученые пришли к выводу, что раса – понятие биологическое и единство происхождения не может рассматриваться как признак нации.

В 1920–1930-е гг. в Китае применяется также термин *чжунхуа миньцзу* («китайская нация»), который у одних авторов обозначал совокупность народов страны, у других же выступал в качестве эквивалента «ханьской нации». Концепцию единой китайской нации для обозначения нации политической использовал Цзян Чжунчжэн (известный как Чан Кайши): «Таким образом, можно констатировать, что в проекте китайской нации Цзян Чжунчжэна впервые в Китае употребление термина “нация” (*миньцзу*) сознательно ограничивалось одним лишь уровнем надэтнического “свода” единой нации, что соответствует международным стандартам в использовании данного термина»⁷¹.

Рассматривая понятие *миньцзу*, которое употребляли Лян Цичао, Сунь Ятсен, Чан Кайши и другие политические лидеры в первой половине XX столетия, нельзя забывать, что к тому времени в Китае уже существовала историческая и этнографическая литература на китайском языке (некоторые из историко-этнографических источников были написаны на языках народов, населяющих со-

⁷⁰ Цит. по: Нажи Билик. Сяньдай бэйцзин ся цзуюньцзяньгоу [Конструирование этнической группы в современной обстановке]. – Куньмин: Юньнань цзяоюй чубаньшэ, 1999. – С. 94.

⁷¹ Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. С. 112.

временный Китай). Разумеется, в эпоху феодализма в Китае не существовало этнографии как самостоятельной дисциплины, но этнографические материалы накапливались и систематизировались с периода Шан-Инь (\approx XVI в.- \approx XI в. до н.э.). Их анализ показывает, что на рубеже средневековья и нового времени в китайском языке был ряд понятий, которые, по мнению М.В. Крюкова⁷², можно разделить на две самостоятельные, но взаимосвязанные группы. Одна из них включала наименования этнических групп или подразделений этноса, обладавших территориальным, а возможно, и потестарным единством, – *бу*, *було*. Другая объединяла несколько различных терминов, так или иначе употреблявшихся для обозначения общности этнического происхождения, – *чжун*, *чжунлэй*, *чжунцзу*. Категория *було* наиболее часто употребляется в источниках при характеристике общей структуры населения той или иной страны. Термины второй группы могут быть объединены понятием *цзу*. Часто оно выступает в форме бинорма *чжунцзу* или *цзучжун* или синонима *чжунлэй*. При этом *чжунцзу* и *чжунлэй* воспринимались как категории, делимые на более мелкие единицы – *цзу*. *Бу* и *цзу* могли быть, хотя и очень редко, соединены в одном словосочетании, постепенно приобретшем устойчивость, – *буцзу*. В 30-е гг. XX в. в китайской этнографической литературе для обозначения этнической общности получили распространение также и другие термины: например, *цзутуань* («этническая общность», «этнос») и *цзутуи* («этнос»). По мнению А.М. Решетова, в китайском языке нет и не было термина для обозначения этноса (этнической группы) как такового: «По крайней мере такой не зарегистрирован ни в одном китайско-русском или русско-китайском словаре»⁷³.

Параллельно с распространением западной и японской терминологии в начале XX в. в Китай, посредством пропаганды коммунистической партии и академических кругов, начинает проникать марксистская теория нации и понятийный аппарат «русской марксистской теории нации». Теория нации в СССР в то

⁷² См.: Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М.: Наука, 1987. – С. 257–258; Этническая история китайцев в XIX – начале XX. С. 335.

⁷³ Решетов А.М. Некоторые соображения о переводе и значении термина «нация» в китайском языке. С. 165.

время выстраивалась в соответствии с определением нации, данным И.В. Сталиным. Впервые сталинское определение нации было переведено на китайский язык в 1938 г. «В настоящее время очевидно, – пишет Чжоу Чуаньбинь, – что внутри Коммунистической партии Китая раньше всех представил сталинское определение нации в 1938 г. заместитель министра отдела пропаганды и агитации ЦК КПК Ян Сун в курсе “Лекций по национальному и колониальному вопросу”, прочитанном в Яньане. В первой лекции по “теории нации” Ян Сун, рассуждая в основном в соответствии с идеями Сталина, говорит о том, что нация (*миньцзу*) – это историческая категория, современная нация, формировавшаяся параллельно с распадом феодализма и процессом развития капитализма на основе различных племен, родов, кланов и т.д. Эта “современная нация” обладает четырьмя особенностями: “общим языком”, “общей территорией”, “общей экономической жизнью и экономическими связями”, “общим национальным характером” (национальной психологией, национальным духом). В речи на шестой пленарной сессии КПК в 1938 г. Ван Мин представил сталинское определение нации»⁷⁴. Однако, как отмечает Хэ Гоань⁷⁵, китайские марксисты Го Чжэнь, Ли Да и другие уже в 1929 г. посредством своих работ познакомили китайских читателей со сталинской концепцией. О широком распространении сталинского учения до образования КНР говорить не приходится.

В первой половине XX в. политическая обстановка в Китае была сложной, в обществе бродили привнесенные извне новые идеи, поэтому возникновение и обсуждение понятия *миньцзу* тесно связано с ситуацией того времени. Термин *миньцзу* изначально не принадлежал китайской культурной системе, он был заимствован в период новой истории. По словам Нажи Билика, в китайской структуре понятий установился необходимый практический и спекулятивный процесс [основанный на выведении знаний без обращения к практике, при помощи рефлекс-

⁷⁴ Чжоу Чуаньбинь. Лунь чжунго тэсэ дэ миньцзу гайнянь [О понятии нации с китайской спецификой].

⁷⁵ Хэ Гоань. Теория этноса в этнографической науке КНР. С. 83.

сии. – Е.Б.]⁷⁶. Первоначально, задачей китайской демократической революции была борьба против империализма и феодализма, стимулом к чему служило понимание того, что Китай мог погибнуть как государство и народ. Внимание было сосредоточено на внешней угрозе, стремлении к независимости и освобождению китайской нации. До прихода к власти КПК в 1949 г. «национальный вопрос» в большей степени являлся «вопросом государства» и касался вопроса целостности: все, что касалось многочисленных народов, населяющих Китай, оставалось второстепенным (отсутствие национальных районов, взаимоотношения между народами, их изучение и т.п.). Главным направлением политической мысли, влияющим на китайскую национальную политику, являлся западный национализм и теория «нация-государство». Поэтому и содержание слова *миньцзу* было соответствующим. После 1949 г., в рамках уже советской модели, «национализм» стал рассматриваться как «взгляд на национальный вопрос эксплуататоров», поэтому был полностью запрещен. Лозунг «Нация-государство» был заменен на «социалистическую большую семью народов» в советском стиле. Под влиянием сталинского определения нации основной акцент был сделан на «объективных характеристиках» (язык, территория и т.д.), а кровное родство, религия и другие признаки, которым уделялось внимание до 1949 г., стали считаться несущественными признаками *миньцзу*. Постепенно начинает формироваться китайская теория нации и соответствующее ей понятие *миньцзу*.

4. Значение термина *миньцзу* после образования Китайской Народной Республики в 1949 г.

В 1949 г. в Китае к власти приходит КПК во главе с Мао Цзэдуном. Высказывания основоположников марксизма и их последователей – В.И. Ленина и И.В.

⁷⁶ Нажи Билик. Сяндай бэйцзин ся цзуюньцзяньгоу [Конструирование этнической группы в современной обстановке]. С. 95.

Сталина – относительно понятия «нации» стали оказывать влияние на исследования китайских ученых в области этнологии, что в конечном итоге отразилось на национальной политике Китая. Ниже приведены рассуждения марксистов о нации, на которые в своих работах ссылают китайские авторы.

Известно, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В.И. Ленин не дали специального определения нации. Взгляды Ленина на национальный вопрос были привязаны к классовой теории и задачам социалистической революции. Тем не менее, в их трудах содержались важные положения, которые в конкретном контексте можно принять как определение нации. В «Конспекте книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» К. Маркс пишет: «Термин “*нация*” {nation} применяется ко многим индейским племенам, несмотря на их незначительную численность, из-за *исключительного обладания определенным диалектом и территорией*»⁷⁷. Далее: Четыре племени Аттики – *гелеонты, эгикоры, гоплиты, аргады*, – говорившие на одном и том же диалекте и занимавшие одну общую *территорию, слились* в один народ; однако ранее они, вероятно, составляли только *конфедерацию*⁷⁸. Ф.Энгельс также подчеркивал особое значение языка и территории для появления нации. «Возрастающая плотность населения, – пишет Энгельс, – вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру. Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа»⁷⁹. То есть язык и территория рассматривались К.Марксом и Ф. Энгельсом как два необходимых условия формирования нации, а также как два обязательных признака нации. В.И. Ленин в работе «Положение бунда в партии» писал, что «один из самых выдающихся марк-

⁷⁷ Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. – Т. 45. – С. 286.

⁷⁸ Там же. С. 327.

⁷⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 21. – С. 164.

систских теоретиков» Карл Каутский, «пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию». Далее В.И. Ленин цитирует слова французского радикала Альфреда Накэ, о том, что «народ должен иметь территорию, на которой бы он развивался, а затем <...> народ должен иметь общий язык»⁸⁰. Совместная экономическая деятельность (экономический фактор) также важна для формирования нации. Со ссылкой на фразу из «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «... в древности, когда каждый народ спланировался воедино материальными отношениями и интересами»⁸¹ в книге «Проект этнической классификации в Китае» говорится о том, что под «материальными отношениями и интересами» подразумевается многое, но «экономическая деятельность и экономические интересы, несомненно, являются одним из основных факторов»⁸². В.И. Ленин в 1894 г., называя «ребячьим вздором» мысль народника Михайловского о том, что «национальные связи, это – продолжение и обобщение связей родовых» продолжает: «Слияние это [имеется в виду слияние в одно целое областей, земель и княжеств в русской истории. – Е.Б.] вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»⁸³. В 1914 г. Ленин в статье «О праве наций на самоопределение», говоря о причинах строительства национального государства, снова выделяет экономический фактор: «... марксисты не могут упускать из виду могучих *экономических* факторов, порождающих стремления к созданию национальных государств»⁸⁴.

⁸⁰ Ленин В. И. Положение бунда в партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – Т. 8. – С. 73.

⁸¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 146.

⁸² Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 16.

⁸³ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. О диалектическом и историческом материализме. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – С. 586.

⁸⁴ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 25. – С. 263.

К таким факторам формирования нации, как язык, территория и экономические связи, К. Маркс и Ф. Энгельс добавляют еще культурно-психологический. Термин «национальный характер» широко использовался основоположниками марксизма. Анализируя национальный характер той или иной нации, К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли в нем определенные существенные черты. Например, относительно характера некоторых европейских наций они сделали итоговое обобщение, отметив: «Немцы, христианско-спиритуалистический народ, пережили философскую революцию; французы, антично-материалистический, а потому – политический народ, должны были проделать революцию на политическом пути; англичане, национальность которых представляет собой смешение немецких и французских элементов, которые, следовательно, носят в себе обе стороны противоположности и оттого универсальнее, чем каждый из обоих этих факторов в отдельности, были поэтому вовлечены и в более универсальную социальную революцию»⁸⁵. Из фрагментов к работе «История Ирландии» Ф. Энгельса мы узнаем, что «Англичане сумели примирить со своим господством народы, принадлежавшие к самым различным расам. <...> Только с ирландцами англичане не справились. Виною тому огромная гибкость ирландской расы. После свирепейшего подавления, после каждой попытки истребления, ирландцы, спустя короткий срок, снова поднимались с еще большей силой, чем когда-либо прежде»⁸⁶.

Исходя из высказываний Маркса, Энгельса и Ленина можно сделать вывод, что язык, территория, экономические связи и национальный характер являются как факторами формирования нации, так и ее признаками. Понятие нации увязывалось с понятием этноса или народа. Долгое время нация считалась типом этноса, характерным для развитого классового общества.

⁸⁵ Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – С. 600.

⁸⁶ Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии» // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т. 16. – С. 523.

Следующим в ряду авторов, рассуждающих на тему нации, стоит И.В. Сталин, во времена которого не было еще ни «теории этноса», ни западных концепций этничности. Испытав влияние марксистской литературы о социально-экономической подоплеке национальных процессов при капитализме, эволюционистской методологии, взглядов К. Каутского и О. Бауэра, концепция Сталина получилась весьма «эклектичной и умозрительной»⁸⁷. В 1950-е гг. почти все его работы были переведены на китайский язык и вплоть до 1980-х гг. они пользовались абсолютным авторитетом. Данное им определение нации стало широко цитироваться во всем Китае, появился своего рода «сталинский стиль» начинать статьи с философских обобщений⁸⁸. Наибольшее влияние на китайскую этнографию на первом этапе развития нового китайского государства оказали такие его работы, как: «Марксизм и национальный вопрос», «Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим» и «Марксизм и вопросы языкознания».

В своих статьях И.В. Сталин, рассуждая о нации, приходит к выводу, что нация – устойчивая, исторически сложившаяся общность людей; при том, что общность эта не государственная, а национальная. Она, как и всякое историческое явление, подвержено действию закона, имеет свою историю, начало и конец. Сталин делит нации на «современные», развившиеся в эпоху поднимающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодальную раздробленность, собирала нацию воедино, и советские нации (социалистические), развившиеся и оформившиеся после ликвидации буржуазии и её националистических партий на базе буржуазных наций. Нация возникает на основании четырех основных признаков, а именно: общности языка (общий язык для каждой нации, но при этом не обязательно разные языки для различных наций), общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общ-

⁸⁷ Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. С. 203.

⁸⁸ Гулдин Г. Антропология под другим именем: эффект «старшего брата» // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 95.

ности специфических особенностей национальной культуры. Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает нацию; нация перестает ей быть при отсутствии хотя бы одного из них. Разумеется, перечисленные элементы нации создавались еще в период докапиталистический, но находились они в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию, в смысле возможности образования нации в будущем при благоприятных условиях. Потенция превратилась в реальность только в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами. Сталин против признания нациями только тех общностей, которые имеют «свое собственное, отдельное от других, государство», а причисляет к ним и «все угнетённые нации, лишённые самостоятельной государственности». Слова «нация», «национальность» используются Сталиным как синонимы. Под национальными меньшинствами, как нам видится, Сталин понимает нации, «вкрапленные в инонациональные области» «компактных большинств целостных областей», когда они составляют количественное меньшинство. Например, евреев Сталин не считал нацией, так как они не имеют общей территории, общего языка и общих экономических связей, однако он рассматривает их в качестве национальных меньшинств, проживающих внутри инонационального большинства.

Сталин в своих работах выводит понятийную цепочку эволюционной последовательности исторических типов этнических общностей: род – племя – народность – нация, которая вошла в общественно-политическую литературу. Для передачи на китайском языке понятия «рода» был избран термин *шицзу*, «племяни» – *було*, *буцзу* – для понятия «народность» и *миньцзу* для «нации» (*шицзу-було-буцзу-миньцзу*). Синтезировав мысли своих предшественников, Сталин дал ясное определение нации, которое являлось и продолжает являться той базой, от которой отталкиваются китайские ученые: «Данное Сталиным определение нации является результатом накопленных в течение истории знаний человечества относительно нации, которое до сих пор рассматривается как наиболее целостное, си-

стемное и научное определение», – читаем мы в книге, посвященной Проекту этнической классификации в Китае⁸⁹.

Приняв на вооружение сталинское определение нации, китайские ученые встали перед необходимостью дать ответ на целый ряд вопросов: в качестве нации следует рассматривать только хань, а остальные неханьские народы нужно считать всего лишь племенами или народностями, и когда, собственно, начинает формироваться ханьская нация?

В 1950–1960-е гг. на страницах журналов «Лиши яньцзю» («Исторические исследования»), «Кэсюэ тунбао» («Научный вестник»), «Синь цзяньшэ» («Современное строительство»), «Цзяосюэ юй яньцзю» («Обучение и исследования») разворачивается дискуссия, затрагивающая проблемы различного понимания терминов и вопрос о формировании ханьской нации. Ли Чжэньхун⁹⁰ выделяет статью Лю Гуйюня «Вопрос. Ответ», напечатанную в журнале «Современное строительство» в 1950 г., как наиболее раннюю работу, в которой автор рассуждает о возникновении нации и о научном определении термина. Однако, «конструктивное обсуждение вопроса» началось только в 1951 г. в связи с сочинением Хуа Гана. Относительно этой дискуссии Ли Чжэньхун. пишет следующее. В сентябре 1951 г. Хуа Ган в «Выводах» к «Истории национально-освободительного движения в Китае» писал, что «нация по Сталину формируется в капиталистическую эпоху». В 1952 г. журнал «Современное строительство» опубликовал статью Чэнь Цзяо с критикой взглядов Хуа Гана, а также «Ответы Чэнь Цзяю» Хуа Гана. Чэнь Цзяо пишет, что в Китае, национальные факторы могли сформироваться или появиться только в качестве реакции на вторжение иностранного капитализма, которое повлекло за собой разложение феодального общества и стимулировало рост китайского капитализма. До этого национальные факторы находились в неразвитом состоянии, в лучшем случае были скрытыми. При соответствующих условиях

⁸⁹ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 22.

⁹⁰ Ли Чжэньхун. Синь чжунго чэнли 60 няньлай дэ миньцзу дини яньцзю [Исследования определения нации в течение 60-ти лет со дня образования нового Китая] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2009. – № 12. – С. 3.

возникла вероятность формирования нации. Хуа Ган на это ответил, что Сталин, исследуя национальный вопрос с исторической точки зрения, считал, что буржуазная нация является порождением эпохи расцвета капитализма, но не говорил, что в феодальном обществе не существует вероятности возникновения нации. Сюй Божун, поддерживая точку зрения Чэнь Цзяо, писал, что Сталин многократно и ясно заявлял, что «до эпохи капитализма не было и не могло быть нации». Ван Сиэнь выделяет две статьи, которые «имели большой резонанс в научных кругах». В 1954 г. была переведена и опубликована во втором выпуске «Миньцзу вэньти и цун» («Национальный вопрос: сборник переводов») статья советского ученого Г.В. Ефимова «К вопросу об образовании китайской нации», автор которой, в соответствии с рассуждениями Ленина и Сталина, пишет о формировании китайской нации следующее: «Таким образом, мы приходим к выводу, что китайская нация со специфическими чертами, присущими буржуазной нации полукOLONIALной страны, сложилась на рубеже двух веков – XIX и XX. Налицо была общность территории, <...> общность национального языка, в основе которого лежал пекинский диалект, общность психического склада, проявляющаяся в общности культуры. К тому же периоду в Китае сложился капиталистический уклад, что вело, в свою очередь, к образованию национального рынка. Однако национальный рынок только ещё формировался и не приобрёл всеобъемлющего характера»⁹¹. Г.В. Ефимов в своей работе говорит о «китайской нации»; это словосочетание на китайский язык было переведено как *чжунго миньцзу*. Упомянув об этой статье, китайские исследователи так резюмировали то, что Ефимов говорил о ханьцах: «В статье, на основании вывода И.В. Сталина о том, что нация формируется в период поднимающегося капитализма, было выдвинуто утверждение, что ханьцы образовались как нация только в XIX в., до того времени в Китае была

⁹¹ Ефимов Г. В. К вопросу об образовании китайской нации // Вопросы истории. – 1953. – № 10. – С. 65-78.

только народность, нации не было»⁹². В том же году китайский историк Фань Вэньлань печатает в «Исторических исследованиях» статью «Причины становления единого государства с эпохи династий Цинь и Хань», в которой он приходит к выводу, что к хань применимы все четыре признака нации по Сталину еще со времен династии Цинь (221–206 гг. до н.э.) и Хань (206 г. до н.э. – 220 н.э.)⁹³. Однако, его концепция подверглась критике, как не отражающая объективной реальности.

Утвердительные ответы на обозначенные выше вопросы были неприемлемы как для руководства страны, так и для китайского народа. Если согласиться с тем, что только хань являются нацией, то это будет значить, что остальные неханьские народы Китая не могут считаться нациями, так как к середине XX в. они находились на разных стадиях докапиталистического социально-экономического развития. «Некоторые люди считали, – пишет Ли Чжэньхун, – что признавать малочисленные народы не «нациями», а «племенами» – значит дискриминировать их. Называя малочисленные народы, существующие до создания нового Китая «племенами», можно непосредственно воздействовать на взаимоотношения их с хань, влиять на национальное единство страны. Поэтому, вопрос наименования – это не только научный вопрос, но и политический, который должен быть тщательно продуман»⁹⁴. Необходимо было разобраться, когда все же формируются нации: в эпоху поднимающегося капитализма, или раньше?

Изучив работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина, китайские ученые пришли к выводу, что все они под нацией подразумевают одно и то же, только К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах обсуждали общий закон развития человеческих сообществ от племени к нации и государству, а И.В. Сталин

⁹² Ван Сиэнь. Даоянь [Вступительное слово] // Миньцзу гочэн юй чжунго миньцзу бяньцянь яньцзю [Исследования этнонационального процесса и этнонациональные изменения в Китае] / Под. ред. Ван Сиэнь. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2010. – С. 5.

⁹³ Фань Вэньлань. Шилунь Чжунго цзы Цинь Хань ши чэньвэй туни гоцзя дэ юаньинь [Причины становления единого государства с эпохи династий Цинь и Хань] // Лиши яньцзю. – 1954. – № 3. – С. 15-25.

⁹⁴ Ли Чжэньхун. Синь чжунго чэнли 60 няньлай дэ миньцзу дини яньцзю [Исследования определения нации в течение 60-ти лет со дня образования нового Китая]. С. 5.

описывал современную социалистическую нацию (*сяньдай шехуй миньцзу*) и капиталистическую нацию (*цзыбэньчжун миньцзу*). Линь Яохуа делает акцент на том, что Сталин в статье «Марксизм и национальный вопрос», используя слово «нация», имел в виду «современную нацию». «Слово “*миньцзу*”, в соответствии с китайской традицией и общепринятым употреблением этого понятия в научных кругах, – по словам Линь Яохуа, – в общем понимании указывает на общность людей всех эпох. Путаница началась с тех пор как была переведена статья Сталина “Марксизм и национальный вопрос”, в которой используемое Сталиным слово “нация” [в смысле “*сяньдай миньцзу*” или “современная нация” – Е.Б.], было переведено как “*миньцзу*”⁹⁵. Работы Линь Яохуа печатались в наиболее влиятельном журнале того времени «Исторические исследования», поэтому его мнение, как представителя старшего поколения исследователей истории Китая и национального вопроса, имело значительное влияние в научном мире страны. В 1953 г. во время обсуждения «основных итогов работы, проводимой партией среди национальных меньшинств за несколько лет» Мао Цзэдун высказал мнение относительно значения нации: «научный анализ возможен, но в политическом отношении не нужно дифференцировать общности на нации, народности и племена»⁹⁶. То есть ко всем народам, населяющим Китай, следует применять термин *миньцзу* вне зависимости от их социально-экономического развития. Чжоу Эньлай, премьер Госсовета КНР, в 1957 г. заметил, что: «В Китае нельзя слепо копировать данное Сталиным определение. В нем идет речь о нации эпохи поднимающегося капитализма, поэтому его нельзя использовать для объяснения сложных вопросов, касающихся всех этапов общественного развития докапиталистического периода»⁹⁷.

⁹⁵ Линь Яохуа. Гуаньюй «миньцзу» ицы дэ шиюн хэ имин дэ вэньти [К вопросу об использовании термина «миньцзу» и проблем, связанных с его переводом]. С. 189.

⁹⁶ Цит. по: Ли Чжэньхун. Синь чжунго чэнли 60 няньлай дэ миньцзу дини яньцзю [Исследования определения нации в течение 60-ти лет со дня образования нового Китая]. С. 4.

⁹⁷ Цит. по: Гун Юнхуэй. Лун хэсе эр ю чжунго тэсэ вэ *миньцзу* гайнянь [К вопросу о гармонии и китайской специфике понятия нации]. С. 7.

Теперь эволюционную цепочку последовательности исторических типов общностей можно было представить следующим образом: род – племя – древняя нация – современная нация, где «племя» указывало на общность людей времен феодализма, а «нация» – на формирующуюся общность людей эпохи поднимающегося капитализма. На китайском языке: *шицзу-було-гудай миньцзу* (古代民族)-*сяньдай миньцзу* (现代民族).

К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, И.В. Сталин – это звенья одной цепи, к которым теперь уже примкнул Мао Цзэдун – руководитель и идеолог КПК. Считая себя преемником Сталина, Мао Цзэдун рассматривал его теорию нации как заданный ориентир в работе по национальному вопросу. Тем не менее, он не слепо копирует ее, а вносит свои коррективы в соответствии с китайской действительностью. Ученые, находясь под чутким наблюдением партийного руководства и действуя в рамках заданной идеологии, формально должны были принять сталинское определение нации. Однако на деле им позволялось более гибкое ее применение. КПК, Мао Цзэдун и китайские ученые применили теорию Сталина и марксизм-ленинизм к реальной ситуации в Китае. «Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему, – пишет в статье “К вопросу о диалектике” В.И. Ленин, – Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д. и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т.д.»⁹⁸. Используя диалектический метод В.И. Ленина, автор книги «Китайский Проект этнической классификации» пишет, что нельзя полагать, будто четыре признака нации присущи только буржуазной нации и непригодны для наций другого типа. Неверным также будет на сто процентов

⁹⁸ Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 29. – С. 318.

одинаково подходить к изучению всех наций без исключения. Сталинское определение нации – это общее, существующее в отдельном (буржуазная нация). Поскольку всякое общее в основном включает в себя все отдельные предметы и явления, то в таком случае нельзя требовать определения относительно некоторых вещей. В реальности, любое определение может включать в себя только сущность, наиболее важные вещи, которые определяют предмет и явление. Оно непременно может иметь исключения, и в разной ситуации, при разных условиях это исключение также может быть совершенно разным. Поэтому при исследовании некоторых определенных предметов и явлений нельзя педантично придерживаться их определения. Определение следует рассматривать как ориентир, основные положения которого следует считать путеводной нитью, но только на основании реальных фактов доискиваться до основных особенностей исследуемых предметов и явлений⁹⁹.

Проследив процесс укоренения марксистской идеологии и сталинского определения нации в Китае, мы можем сделать вывод, что в Китае решение вопросов относительно того, как переводить на китайский язык иностранные термины, когда начинает формироваться нация и каковы ее признаки, на самом деле зависит от политического и академического фона. Китайские исследователи, как и политические лидеры, в процессе изучения работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, делали свои собственные выводы и смело трансформировали теорию в соответствии с политической ситуацией и требованием времени. Этому в особенности способствовало осуществление в КНР Проекта этнической идентификации, проведение которого позволило применить теорию непосредственно на практике.

⁹⁹ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский Проект этнической идентификации]. С. 25.

Глава II. ПРОЕКТ ЭТНИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ В КИТАЕ

1. Предыстория

Проект этнической классификации, рассмотренный нами ранее¹⁰⁰, представлявший собой масштабное политическое и академическое предприятие, отнюдь не был уникальным для Китая двадцатого столетия, а уходил корнями в республиканский и имперский периоды.

Описание и классификация народов в Китае имеют долгую историю. До зарождения письменности история каждого народа в древнем Китае передавалась устно. Такие предания передавались до династии Чжоу (\approx XI в. до н.э. – 221 г. до н.э.) и Цинь (221–206 гг. до н.э.), времени появления сравнительно системной записи и упорядоченности. В дальнейшем они были частично включены в «официальную историю». Основное содержание этих преданий повествует о так называемых общностях людей эпохи «трех властителей и пяти императоров (легендарные правители древнейшего периода истории Китая, охватывающего третье тысячелетие до н.э.)», а также о деяниях правителей.

В VII–VI вв. до н.э. в результате этнической консолидации древних китайцев, оказавшихся на Среднекитайской равнине, их самосознание все больше и больше начинает связываться с представлением о том, что населенная ими территория находится в центре Поднебесной. Возникает концепция «Срединных царств», вокруг которых живут «варвары четырех стран света». Названия этнических общностей встречаются уже в надписях на костях [животных] эпохи Инь (1600–1027 гг. до н.э.)¹⁰¹.

¹⁰⁰ См.: Кочукова Е.А. К вопросу об истории классификации народов КНР // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 6. – С.108-124.

¹⁰¹ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский Проект этнической идентификации]. С. 55–56.

С периода Чуньцю (VIII–V вв. до н.э.) появляется некая классификация варваров. Они стали подразделяться на «вареных» и «сырых» (то есть на тех, кто был вовлечен в китайскую политическую систему и, следовательно, был более цивилизованным, и тех, кто все еще находился вне культурного влияния китайской цивилизации)¹⁰². В период Сражающихся царств (475–221 гг. до н.э.) народы, окружающие хуася (одно из самоназваний китайцев), не оставались неизменными; происходили процессы как смешивания, так и разделения, изменялись названия народов. Этот период считается первым в истории Китая, когда этнические общности были вовлечены в единый процесс слияния в таком масштабе. Произошедшее при династии Цинь (221–206 гг. до н.э.) политическое объединение территорий привело к тому, что по всей стране появилось множество районов совместного проживания хуася и иных этнических общностей. В последующую эпоху Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) зародилось новое название для жителей срединной равнины – ханьцы/хань, которое постепенно заменило собой хуася и сохранилось неизменным до настоящего времени. Периоды династии Цзинь (Западной 265–316 гг. и Восточной 317–420 гг.), Южных и Северных династий (420–589 гг.) являются эпохой великого переселения народов и ассимиляции. В силу ряда причин народы, проживавшие в отдаленных районах, в большом количестве продвинулись на центральную равнину, при этом часть ханьцев переместилась в отдаленные районы.

Традиционно варвары, проживавшие вне области китайской цивилизации, дегуманизировались. Культурная нетерпимость по отношению к людям, проживающим вне цивилизации Китая, нашла отражение в представлениях об их физических особенностях. Например, в «Каталоге гор и морей» («Шань хай цзин») – псевдогеографическом памятнике, создававшемся на протяжении III – I вв. до н.э., мифологическая функция явно затмевала этнографическую точность. Горы,

¹⁰² Fiskesjö Magnus. On the 'raw' and the 'cooked' barbarians of imperial China // Inner Asia. – 1999. – Vol. 1. – P. 139–168.

реки и местности показаны здесь как места обитания мифологических или легендарных антропоморфных и зооморфных персонажей: «там было племя одноглазых людей (*Yimuguo*), а также страна трехголовых варваров (*Sanshouguo*)»¹⁰³. Интерес к этому памятнику сохранялся даже спустя почти две тысячи лет. Например, в XVI в. он лег в основу содержания нескольких коммерческих печатных изданий. В одном из выпусков (1597 г.) появился ряд изображений, на которых *жун* севера были наделены «головами человека с тремя прикрепленными рожками», а *ди юга* – с «лицами человека, но телами рыбы»¹⁰⁴. В одном из центральных даосско-философских сочинений ханьской эпохи «Хуайнань-цзы», также говорится о физической странности варваров¹⁰⁵. Другим источником, позволяющим нам получить представление о том, как изображали варваров китайцы, являются погребальные фигурки и фрески времен династии Тан (618–907)¹⁰⁶. Черты варваров здесь часто изображались карикатурно или гиперболизировано, их головы часто диспропорционально большие или маленькие, искажены гримасами; эти люди изображены кричащими, и их стереотипные черты, такие как, высокий нос и глубоко посаженные глаза, гипертрофированы. Глаза либо выпуклые, либо нарисованные очень большими с четким контуром и широко раскрытыми зрачками.

В «Императорском каталоге картин в эпоху Сюаньхэ» («Сюаньхэ хуапугу», 1120 г.) интерпретировались и описывались содержание и форма картин, на которых изображались варвары. Китайские художники графически выражали инаковость, показывали различия в топографии, климате, физиологии, costume и образе жизни, а также обрисовывали экологические, культурные и этнические границы между теми, кто считался принадлежащими хань, или хуа (оседлыми обитате-

¹⁰³ Dikötter Frank The discourse of race in modern China. – Hong Kong: Hong Kong university press, 1992. – P. 6.

¹⁰⁴ Ibid. P. 167-168.

¹⁰⁵ Ibid.

¹⁰⁶ См.: Abramson Marc Samuel. Deep eyes and high noses: physiognomy and the depiction of barbarians in Tang China // Political frontiers, ethnic boundaries, and human geographies in Chinese history / Nicola Di Cosmo and Don J. Wyatt ed. – London and New York: Taylor & Francis group, 2005. – P. 119–159.

лями Центральной равнины) и фань, или ху (придерживающимися кочевого образа жизни, «варварами»)¹⁰⁷.

Классические, династийные истории имперского Китая содержат, как правило, обширные повествования об иноземных народах, живших вдоль его границ. Изначально больше внимания уделялось кочевникам северной границы, нежели народам, населявшим юг Китая, и они описывались довольно подробно, так как традиционно представляли серьезную проблему в международных отношениях Поднебесной (к расширению южных и западных границ Китай обратился гораздо позже). Задолго до династии Мин (1368–1644 гг.) в исторических хрониках, посвященных современному южному Китаю, можно найти ссылки на многочисленное «некитайское» население. В течение имперского периода центральная власть, в число главных задач которой входил контроль над пограничными территориями в силу территориального и демографического расширения, занималась идентификацией и категоризацией населения на границах Китая.

В 1279 г. власть в Китае оказалась в руках монголов, которые правили до 1368 г. как династия Юань. Монголы для поддержания власти в Китае использовали единую систему управления с иерархическим разделением народов. Этническую иерархию составляли четыре категории: монголы, сэму – цветноглазые*, ханьжэнь (выходцы из Северного Китая, Маньчжурии и Кореи) и наньжэнь (выходцы из Южного Китая). В 1368 г. монголы были выдворены за пределы Китая, и было положено начало новой китайской династии Мин. Минская империя сумела отвоевать часть земель на юго-западе. Военным поселенцам были выделены земли в будущих провинциях Юньнань и Гуйчжоу. Позднее начались миграции китайцев, которые значительно изменили этнический облик региона, местным населением которого были неханьские народы. Поскольку централизирующееся

¹⁰⁷ Leung Irene S. “Felt yurts neatly arrayed, large tents huddle close”: visualizing the frontier in the Northern Song dynasty (960–1127) // Ibid. P. 194.

* Выходцы из Западной и Средней Азии, однако это название не указывало на цвет глаз, а значило буквально «разные».

государство продвигалось на юг, политические интересы центра, экономические потребности переселенцев и воображение культурных элит способствовали демаркации и категоризации населения в пограничном районе.

Во времена династий Мин и Цин (1644–1911 гг.) возникли две традиции этнологической отчетности о юго-западе (самой разнообразной по этническому составу территории Китая). Во-первых, это описания неханьских народов в нормативных документах, таких, как «Справочники», и в личных отчетах ученых и образованных людей, которые управляли или посещали неханьские области; во-вторых, это живописные описания и иллюстрации в так называемых «Альбомах Мяо» (некий вид каталога народов, касающегося не только народа мяо).

Во времена поздней Мин путешественники изменили своим привычкам выступать в качестве любителей и превратились в преданных своему делу специалистов, которые пытались углубить познания об уникальных местах. В это время в записях впервые появились многие категории, которые сейчас используются для классификации «малочисленных наций» Китая. Возросшее взаимодействие и участвовавшие конфликты с населением пограничных областей побудили официальные лица династии Мин укрепить – а не стереть – различия между *минь* (民) и *мань* и (蛮夷), или между людьми, которые рассматривались субъектами государства, и теми, кто был «вне границ»¹⁰⁸. К концу правления династии Мин такие отличия были не только систематизированы в текстовых записях, но также находили отражение в визуальных представлениях. Например, путешественники писали о материальной жизни людей провинции Гуанси почти всегда в сравнении с нормами центральных равнин. По мнению таких наблюдателей, южному пограничному региону почти всегда что-то доставало – плодородной земли, производительности населяющих ее людей, разнообразия производимых товаров и так далее. Такие сравнения, в которых подчеркивались «недостатки» Гуанси, в конеч-

¹⁰⁸ Shin Leo K. The making of the Chinese state: ethnicity and expansion on the Ming borderlands. – NY: Cambridge university press, 2006. P. 125.

ном счете, помогали укреплять границы между центральными равнинами и южной пограничной областью. Для минских визитеров южные пограничные районы отличались от центральных равнин не только географически, но и населением. Согласно историческим записям, цивилизованные, зарегистрированные субъекты, обозначенные как *минь*, были расселены среди опасного большинства незарегистрированного, нецивилизованного населения *мань и*. *Минь* должны были платить налоги и трудиться на государство, в то время как *мань и* не имели никаких обязательств. Отношения между ними были далеко не радужными, последние грабили деревни *минь* и нападали на путешественников. Официальные лица при династии Мин сочли полезным различать население, которое готово было платить налоги, и которое – нет, а также различать мирных и воинственных. Примеры таких попыток минских чиновников различать *минь* и *мань и* можно найти в различных правительственных записях (отчетах ведомств, военных и географических справочниках). К семнадцатому столетию чиновники в южном пограничном районе были в состоянии в некоторых случаях точно указать местоположения индивидуального поселения *мань и* и дать детальный список географических названий мест, где, как говорили, проживают различные народы. «Все более детальная классификация *мань и*, конечно, не является показателем накопления знаний со стороны наблюдателей Мин. То, что это действительно демонстрирует, так это – растущее желание представителей и агентов государства внедрять систему различий не только через текстовые очерки или причудливые изображения, но также и – что более важно – через наблюдения, полученные из первых рук»¹⁰⁹. Также можно найти изображения гибридных существ во многих энциклопедиях поздней Мин. Почти невозможно проследить происхождение таких изображений, однако, как утверждает Ричард Страссберг, во времена династии Мин существовал «сим-

¹⁰⁹ Ibid. P. 139.

волицеский круговорот» (“iconic circuit”), в котором циркулировали изображения «не китайцев»¹¹⁰.

В этот период, хотя названий этнических общностей по-прежнему остается множество, но все они по большей части стандартизированы. Исполнительная власть при династии Мин использовала для них названия дискриминирующего характера, сохранявшиеся вплоть до 1930-х гг.; они часто обозначались иероглифами с животными в ключах, такими как «червяк», «собака» или «баран».

Во время правления династии Цин (1644–1911 гг.) территория Китая стала включать Синьцзян и Тибет. Императоры цинской династии также находили необходимым категоризировать различные народы, находящиеся под их контролем. Для правителей важно было иметь запись о происхождении каждой группы, о том, в какой момент они оказались в подчинении от центральной власти и под какой точно юрисдикцией. Проявление этой склонности чиновников Цин идентифицировать и классифицировать пограничное население можно опять-таки наблюдать в местных географических справочниках. Императоры Цин спонсировали составление «Иллюстраций данников Империи Цин» («Хуан Цин чжи гун ту»), коллекцию иллюстраций и описаний «народов», которые якобы являлись данниками¹¹¹. Иллюстрации были завершены примерно к 1805 г. Из 301 элемента, которые составили «Иллюстрации», около одной четверти было посвящено народам иностранных земель (включая Корею, Россию и Францию), в то время как остальные три четверти отведены для неханьских народов приграничных районов цинского Китая. На этих иллюстрациях представлены уже люди, а не гибридные существа. В комментариях, которые сопровождают каждую запись, включено множество описаний, которые не встречаются в более ранних записях. Создавались так называемые «Альбомы Мяо» («Мяо мань ту», «Бай мяо ту»), в которых также можно было найти изображения и описания различных народов, населяю-

¹¹⁰ Цит. по: Ibid. P. 170.

¹¹¹ Ibid. P. 188.

щих приграничные районы цинского Китая. Но в отличие от «Иллюстраций», такие альбомы были более скромных размеров и более глубокими по содержанию; авторы часто изображали в подробностях то, что считалось повседневной жизнью различных групп.

Очевидно, что структура распределения этнических общностей на территории Китая в различные периоды истории отличалась большой сложностью. Встречается огромное количество названий, куда входят экзоэтнонимы, эндоэтнонимы, общепринятые названия, имена собственные, названия местности. Народы исчезали, в силу природных и техногенных катастроф, смешивались, отделялись, мигрировали, приобретали новое название и так далее. Вопрос о точном количестве проживающих на территории Китая этнических общностей возник уже после Синьхайской революции 1911 г. Вслед за созданием Китайской Республики Сунь Ятсен пропагандировал «Республику пяти наций», но очень скоро выдвинул тезис о том, что «сегодня мы говорим о пяти нациях, но на самом деле названия этих пяти наций не точны», к тому же в Китае «больше пяти наций»¹¹².

В 1939 г. Мао Цзэдун в статье «Китайская революция и коммунистическая партия Китая» писал: «Сейчас население в Китае составляет 450 миллионов человек, среди которых более 9/10 хань. Кроме них есть монголы, хуэй, тибетцы, уйгуры, мяо, и, чжуаны, чжунцзя, корейцы, в общей сложности существуют десятки малочисленных наций»¹¹³. В 1950 г. Дэн Сяопин говорил: «На сегодняшний день неясно, сколько, в конечном счете, проживает неханьских национальностей на юго-западе. На основании доклада по провинции Юньнань в данном субъекте насчитывается более семидесяти названий народов. Говорят, что народ мяо в Гуйчжоу имеет более ста этнонимов, хотя, на самом деле некоторые из них не связаны с ним. Например, народ тун (дун), имеющий свой язык и этническую историю, ошибочно принимали за мяо. Они сами не относят себя к мяо. Эта ситуа-

¹¹² Ван Сиэнь. Чжунго миньцзу шибе дэ ицзюй [Основы Проекта этнической классификации в Китае] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2010. – № 12. – С. 7.

¹¹³ Там же.

ция показывает, что мы в вопросе о малочисленных нациях не только не имеем специалистов, но даже еще не обладаем поверхностными знаниями [о них]. Конечно, после двух или трех лет этнографической работы в районах проживания каждой нации появляется возможность составить о них представление. Таким образом, мы можем заполнить лакуны в истории страны»¹¹⁴.

В начале двадцатого столетия, во время формирования в Китае первого этапа этнографической науки, связанного с проникновением в страну основных идей, различных школ и направлений, сложившихся в Европе и Америке в конце XIX – начале XX в., китайские ученые приходят к выводу, что ранние источники не точно классифицируют неханьские группы, основываясь на многочисленных, путаных описаниях, начиная от географического происхождения и культурных практик до характеристик одежды. Не применялся какой-либо стандарт категоризации, акцент делался на частностях. Ученые, заключив, что необходимо упростить портрет неханьского этнического мира Китая, вырабатывали новый набор критериев. Хотя этнографическая наука, как академическая дисциплина, была установлена в Китае к концу 1920-х годов, некоторые из самых детальных исследований народов в провинции Гуанси были проведены в 1930–1940-х гг. официальными лицами и исследователями, которые никогда не обучались этой дисциплине («Заметки о нехань в Гуанси» Лю Сифань, «История народа региона реки Юэ» Сюй Сунши)¹¹⁵.

В Республиканский период (1912–1949 гг.) некоторые ученые брали какой-то определенный признак и рассматривали его как единственный критерий, устанавливающий этническую принадлежность. Чтобы использовать бытовавшие в древности многочисленные названия этнических общностей и связать их с истоками происхождения современных народов, этноисторики и этнографы использовали два способа: первый – метод фонетической транскрипции, второй – метод геогра-

¹¹⁴ Там же. С. 8.

¹¹⁵ Shin Leo K. The making of the Chinese state: ethnicity and expansion on the Ming borderlands. P. 196-198.

фического распределения¹¹⁶. Такие способы исследования приводили к неразберихе, так как исследователи не принимали во внимание разницу между современным чтением и древним, а также влияние местного произношения и говора.

Желание, распространенное среди интеллектуалов в Республиканский период, выяснить единство и разнообразие населения Китая, можно заметить в их произведениях. Среди наиболее характерных из числа таких работ назовем «Формирование китайского народа» Ли Чи (1928), «Исследование китайской нации» Чжан Циюнь (1928), четыре версии «Истории китайской нации» (авторы соответственно Ван Тунлин (1928), Люй Сымянь (1934), Сун Вэньбин (1935), Линь Хуэйсян (1936)). Хотя, по замечанию Лео К. Шина¹¹⁷ эти произведения и отличаются подходами авторов, но, по сути, их лейтмотивом является утверждение единства или неизбежное объединение китайского народа. Другие историки и антропологи создавали различные систематизирующие схемы. Например, Линь Хуэйсян (1901-1958 гг.) особенно интересуется различиями и преемственностью между историческими народами и современными. Он утверждает, что из-за недостаточного внимания к таким различиям и связям, ранее ученые часто использовали множество несопоставимых схем, чтобы объяснить состав населения Китая. В своем исследовании¹¹⁸ Линь стремится проследить на основе источников происхождение и преобразование народов прошлого и показать, как они связаны с народами современного периода. По его схеме, показанной на рисунке 1¹¹⁹, люди раннего Китая разделены на четырнадцать родов (*си*) и два сорта (*чжун*), «белый» и «черный», тогда как люди современного периода сгруппированы в восемь этнических групп (*цзу*). На рисунке сверху перечислены 14 родов древности и 2 сорта, внизу 8 этнических групп современного периода.

¹¹⁶ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 95.

¹¹⁷ Shin Leo K. The making of the Chinese state: ethnicity and expansion on the Ming borderlands. P. 193-194.

¹¹⁸ См.: Ibid. P. 194-195: Линь Хуэйсян. Чжунго миньцзу ши [История китайской нации]. – Шанхай: Шанхай у инь шу гуань, 1936.

¹¹⁹ Рисунок 1. Схема взята из: Shin Leo K. Op. cit. P. 195.

Хотя каждый современный народ может проследить свое происхождение, по крайней мере, от одного из *си* в прошлом (обозначено прямыми линиями в диаграмме), Линь утверждает, что все *миньцзу* содержат в себе элементы из множества *си* и *чжун* (обозначено пунктирами). Это явление, согласно

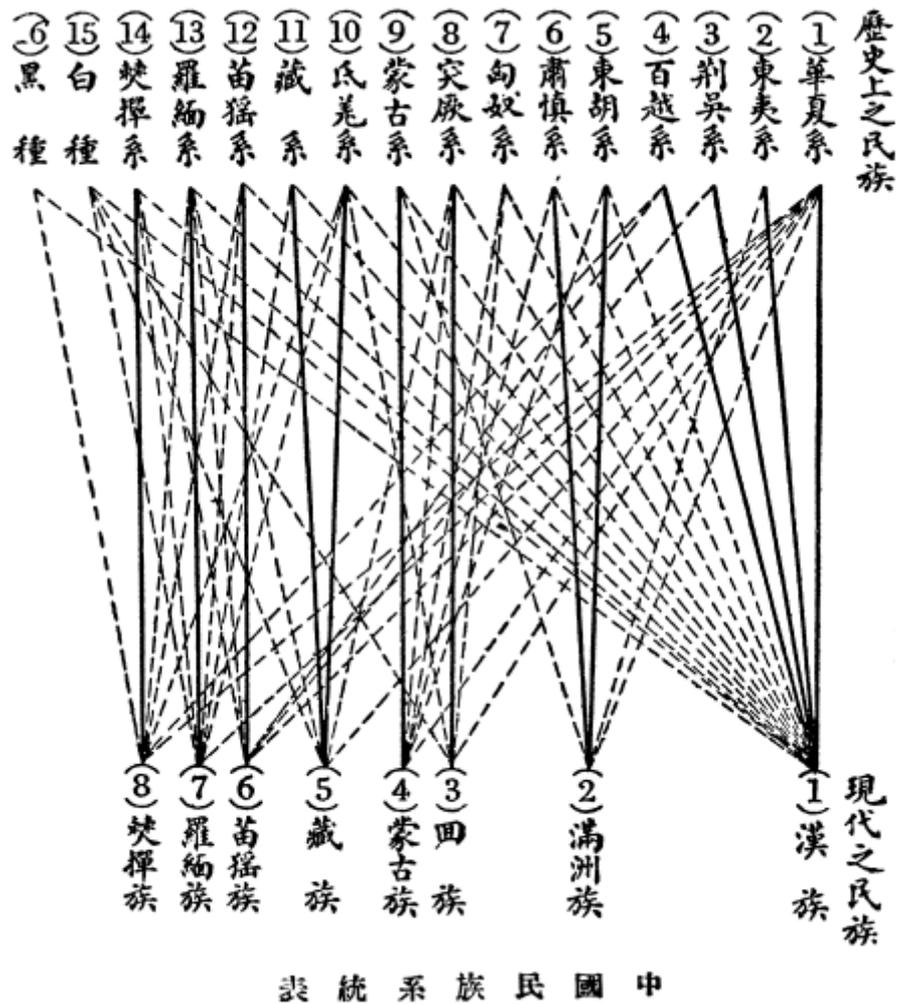

Рис. 1. Генеалогия китайской нации по Линь Хуэйсян (1936 г.)

Лин Хуэйсян, является особенно очевидным в случае с хань, которые могут проследить свое происхождение не только непосредственно от хуася (1), дун-и (2), цзин-ву (3), и байюэ (4), но также и косвенно от всех других *си* и *чжун* из прошлого. Для Линь, также как *си* хуася в прошлом преуспевала в поглощении и объединении других *си* и *чжун*, хань настоящего времени также пришли ассимилировать другие *миньцзу*¹²⁰.

В это же время печатается множество полевых сообщений, авторы которых пытаются понять взаимоотношения между хань и другими народами. Продолжают появляться печатные издания с данными о многочисленных народах, населя-

¹²⁰ Shin Leo K. The making of the Chinese state: ethnicity and expansion on the Ming borderlands. P. 194-195.

ющих юг Китая, содержание которых значительно отличается от более ранних работ. Стали широко применяться термины *шэжуэй* («общество») и *миньцзу*. Майкл Цзинь отмечал, что для политических и интеллектуальных элит Республиканского периода, самой большой проблемой было преобразовать «кучу песка», которую, по его мнению, представлял собой народ Китая, в сплоченное «общество», что обязывало ставить коллективные выгоды выше индивидуальных¹²¹. В этот период неханьцы хотя и ставились в один ряд с хань, однако не считались равными им. Отсылки к другим народам часто выражались в культурологических или эволюционистских терминах; их верования и практики часто объявлялись «отсталыми», и обычно предполагалось, что через вмешательство в их внутренние дела или развитие, в конечном счете, они будут ассимилированы хань.

В Республиканский период концепция мультинационального Китая не лежала в основе государственной политики. В 1912 г. была проведена перепись населения. Переписной лист содержал семнадцать вопросов, ни один из которых не имел отношения к попытке выяснения языкового или этнического разнообразия¹²². В этот период ученые делали выводы опираясь на прямое наблюдение, а не через опосредованное библиографическое исследование.

В 1920–1930-е гг. китайские интеллектуалы, среди которых были также и члены КПК, стали интересоваться этническими границами нации. Например, прежде чем стать лидером Коммунистической партии, Мао Цзэдун был социологом-любителем. В январе 1927 г. он посетил пять уездов провинции Хунань. Собранный эмпирический материал послужил основой «Доклада по исследованию крестьянского движения в Хунани». Один из его ранних политических трактатов был написан в 1930 г., когда Мао Цзэдун проводил социологический анализ в городе Сюньву в провинции Цзянси. «Мао утверждал, что важно защищать обширную

¹²¹ Tsin Michael. Nation, governance, and modernity in China: Canton, 1900-1927. – Stanford: Stanford University Press, 1999. P. 5–9, 29–31.

¹²² Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. Berkeley and Los Angeles, 2011. P. 25.

теоретическую терминологию от механических применений (например, такие термины, как «пролетариат», «изъятие») для понимания местных реалий. Он пытался подробно описать повседневную жизнь и показать сложную социальную градацию, существовавшую среди различных классов и социальных групп. Уделив внимание всему, начиная от продажи соли, растительного масла, соевых бобов, мяса, сигарет и зонтов на местных рынках и заканчивая социальной и религиозной жизнью даосских и буддийских храмов, Мао Цзэдун настаивал на том, что здесь существуют различные формы и виды эксплуатации»¹²³. В своих работах «Отчет по Сюньву», «Против книгопочтения»¹²⁴. Мао Цзэдун, говоря о «тактике обследования», указал на несколько пунктов, первым из которых является необходимость «проводить обследовательские собеседования, вести обследование путём обсуждения», позволяющего «приблизиться к истине»; советовал к участию в таких обследовательских собеседованиях привлекать тех, кто хорошо знаком с социально-экономическим положением местного населения. Количество участников собеседования, по его мнению, может варьироваться в зависимости от умения обследователя проводить собеседование и поддерживать порядок, но для того, чтобы сведения не были ограниченными, необходимо присутствие, как минимум, трёх человек. Тематический план обследования нужно составлять заранее, всё непонятное или вызывающее сомнение выносить на дискуссию. Необходимо глубоко во все вникать и самому вести запись.

Однако, как указывает Томас Маллани, Мао Цзэдун считал, что лучше опрашивать тех лиц, чье мнение имеет влияние в данной местности (а не пытаться создать усредненную репрезентативную выборку с учетом всех категорий населения) и в чьих руках сосредоточена власть. Его цель заключалась не в том, чтобы узнать мнение каждого человека, а скорее в том, чтобы определить и оценить гибкость мнений групп. Мао Цзэдун рассматривал исследование как неизбежный

¹²³ Litzinger Ralph A. Other Chinas: the Yao and the politics of national belonging. P. 84.

¹²⁴ Мао Цзэдун. Против книгопочтения // Революция и строительство в Китае: [Статьи и выступления]. – М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. – С. 7–15.

процесс сотрудничества, когда для понимания чего-либо требуется участие в его трансформации («Если вы хотите что-либо узнать, вы должны будете принять участие в изменении реальности. Если вы хотите узнать, какова груша на вкус, вам придется самим съесть эту грушу, тем самым ее изменив», – говорил Мао Цзэдун)¹²⁵.

Следует заметить, что такая модель исследования, когда граница между информацией и трансформацией размыта, продолжала использоваться и после 1949 г. До этого времени КПК также разрабатывала и оформляла свой подход к национальному вопросу, стимулом к чему послужило отсутствие в произведениях К. Маркса и В.И. Ленина определения национальных характеристик, темпов и масштабов их исчезновения. Ответы на вопросы, поддерживать ли и при каких обстоятельствах национально-освободительные движения, право народов на самоопределение и отделение, как и на многие другие, были неясны. Китайские коммунисты могли разрабатывать политику по отношению к народам страны в самых разнообразных формах и по-прежнему оставаться идеологически ортодоксальными. На первых порах эта политика коммунистов была в значительной степени умозрительной, выводимой из трехсторонних отношений с Гоминьданом и Советским Союзом. С 1931 г. КПК для укрепления своих позиций стала использовать вопрос национальной политики в качестве одного из инструментов официальной политической платформы.

Начиная с 1934 г., когда армия китайских коммунистов вынуждена была совершить Великий поход (1934–1936 гг.) из южного Китая через труднодоступные горные районы в Яньаньский округ провинции Шэньси, национальный вопрос постепенно из чисто теоретической области переходит в практическую. Во время своего Похода коммунисты начали пропаганду идей национального равенства и самоопределения, чтобы заручиться поддержкой народов, которые были недо-

¹²⁵ Mullaney Thomas S. *Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China*. – Berkeley and Los Angeles: University of California press, 2011. P. 98–99.

вольны цинским правлением и национальной политикой Чан Кайши. Японско-китайская война (1937–1945 гг.) только усилила приверженность китайских коммунистов идее немедленного признания прав народов, населяющих Китай.

К 1940 г. коммунистическая и гоминьдановская стратегии достижения национального единства становятся все более поляризованными. Гоминьдан решение всех вопросов, связанных с политическим признанием многонационального состава Китая, отодвигал на момент окончания войны, поэтому его представители продолжали рассматривают нацию как некое однородное целое. Понимание коммунистами концепции нации подразумевало под собой разнообразие и полигенизм. Послевоенная перепись, начать которую намеревались 1 июля 1948 г., а завершить 31 декабря 1953 г., в очередной раз не включила в себя какие-либо вопросы, касающиеся этнической идентичности¹²⁶.

После победы коммунистов в конце 1949 г. этнополитические дебаты по поводу признания прав народов подошли к концу. Китай был объявлен коммунистами «единой, многонациональной» республикой. КПК обнародовала «Общую программу Народного политического консультативного совета Китая», выполнявшую роль временной конституции. Документ подтверждал неотъемлемое равенство всех национальностей (статья 9), а также гарантировал защиту неханьским народам от проявлений великоханьского национализма и этнонационалистического шовинизма (статья 50)¹²⁷. С приходом к власти коммунистов работа антропологических отделов университетов была приостановлена, и такие «буржуазные» науки, как антропология и социология, были запрещены. Победа народной революции и создание КНР стали отправной точкой в истории развития китайской этнографической науки, выстраиваемой на новых, марксистских позициях в изучении национальных вопросов. С 1950 г. в Китае было создано десять высших

¹²⁶ Ibid. P. 30.

¹²⁷ Конституционные акты Китая. Хрестоматия / Сост. Кузнецов Д. В. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. С. 85–91. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/konstitucionnye_akty_kitaja.pdf (дата обращения 21.02.2018).

учебных заведений для подготовки местных национальных кадров. Основным центром этнографических исследований становится Центральная академия национальных меньшинств в Пекине. Региональные подразделения Центральной академии национальных меньшинств были созданы на юге, юго-западе и северо-западе. Перспективная молодежь и те, кто активно участвовал в революционной деятельности, были зачислены в недавно основанные институты по исследованию национальностей и вовлечены в исследовательское поле этнологии, социальной истории, политической теории и управления. В надежде приобщить молодежь к революционному делу Партия также вербовала ее из среды землевладельцев и богатых крестьянских семей, которым полагалось обратить критические взоры на свои сообщества, как на отсталые. Перед руководством КПК стояла задача завоевать доверие всех народов, населяющих Китай, устранить их подозрения и сопротивление новой власти.

2. На пути к Проекту этнической классификации

С 1950 г. официальная власть начинает пропагандировать свою новую национальную политику среди элиты неханьских народов, чтобы заручиться их поддержкой в качестве посредников между государством и местным населением. Необходимо было установить контроль над провинцией Юньнань – изгнать Го-миньдан и никому неподчинявшихся военачальников (которые, как это часто бывает, скрывались в труднодоступных местах южного Китая) и провести социальные реформы. В 1950-1952 гг. в районы, населенные неханьскими народами, были направлены миссии, представлявшие Народное правительство, которые разъясняли цели политики КПК. Представители новой власти собирали информацию относительно их названий, численности, языка, истории, экономики и торговли, образования и здравоохранения, а также культурных особенностей. Получение такой информации было связано с задачами классификации и установления кон-

троля над субъектами, а также было необходимо в воспитательных целях, с тем, чтобы научить ханьцев уважать неханьские народы. Мобилизируемая молодежь из среды этнических общностей посредством повседневной пропаганды должна была способствовать признанию своими собратьями руководящей роли Партии, и ее стремление создать процветающую социалистическую нацию. Подробная информация обо всех народах была необходима для дальнейшего создания автономных областей с учетом всех национальных особенностей, а также для того чтобы уже на первой сессии всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в 1954 г. предоставить им равные права и представительство на всех уровнях власти.

Для того чтобы привести в действие эту выборную систему, нужно было выявить общее число, численность и названия этнических общностей, населяющих Китай. В 1953 г. была проведена Первая всеобщая перепись населения КНР, в ходе которой каждый мог отнести себя к той или иной этнической группе. Переписная анкета включала всего пять вопросов: имя, возраст, пол, отношение к главе домохозяйства и этническая принадлежность. Использовалось четырехсимвольное разговорное выражение «*мин цун чжужэнь*» («名从主人») – «имена должны быть выбраны теми, кто их носит». Когда переписчики просили респондентов назвать национальность, к которой они принадлежат, люди не выбирали этноним из заранее составленного списка. Они либо сами заполняли бланки, либо диктовали свои названия переписчикам, которые затем переводили их на китайский язык. Переписчики не пытались каким-либо образом устранить расплывчатость, касающуюся этнической принадлежности, и предоставляли гражданам право свободного выбора. В случае, если респондент не мог решить, что ему следует отвечать на последний вопрос, переписчики не имели права навязывать ему название этни-

ческой группы. Они должны были задавать наводящие вопросы, по типу «вы хуэй или хань?»¹²⁸.

Разрабатывая свою этнополитическую платформу, коммунисты опирались на материалы по неханьским народам северного Китая, которые, как отметила Кэтрин Кауп, обладали централизованными религиозными и властными структурами и были более четко отграничены и географически отделены от хань¹²⁹. Поэтому на севере народы демонстрировали сравнительно устойчивое и четко выраженное чувство самоидентификации. На юго-западе ситуация была иной, более запутанной. Поэтому нужно было, во-первых, установить, являются ли идентифицируемые общности ханьцами или нет, во-вторых, если они не ханьцы, то являются ли одной конкретной этнической группой или частью более крупной. Ответить на эти вопросы было непросто по ряду причин¹³⁰:

1. Некоторые изначально отдельные сообщества, племена или народности, сформировав или продолжая формировать один народ, сохраняют свои первоначальные самоназвания.

2. Некоторые части изначально единого народа мигрировали в другие регионы, в результате чего долгое время были разобщены друг с другом, не имели экономических связей, иногда другие народы давали им различные наименования, но при этом они продолжали сохранять один язык, обычаи и исторические традиции.

3. В результате переселений отдельные части народов соединялись с хань, подвергались их влиянию, меняли язык, устанавливали с ними прочные экономические связи, нивелируя тем самым свои собственные этнические особенности. Однако, расселившиеся среди хань народы, были объектом дискриминации. Прожи-

¹²⁸ Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 33.

¹²⁹ Кауп Katherine Palmer Creating the Zhuang: ethnic politics in China. – Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 2000. – P. 55–56.

¹³⁰ Фэй Сяотун, Линь Яохуа. Чжунго миньцзусюэ данцянь дэ жэньу [Предстоящие задачи китайской этнологии] // Миньцзу яньцзю вэньцзи. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 1988. – С. 125–126; Кочукова Е.А. Особенности этнической классификации народов в КНР (по материалам работ Фэй Сяотуна) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 1. – С. 58–63.

вая с хань на одной территории и чувствуя в душе свое отличие от них, они продолжали считать себя отдельными народами.

4. Другие народы когда-то занимали господствующее положение и дисперсно проживали на территории Китая. Позже, подвергшись дискриминации, они утратили доминирующее положение. Изменив язык и утратив этнические особенности, скрыв свою этническую принадлежность, они, тем не менее, сохранили этническое самосознание.

5. Какие-то группы различного этнического состава расселялись в одном и том же или смежных районах. Полагая, что эти группы относятся к одному народу (разве что отличаются друг от друга по языку и обычаям), народы, проживающие по соседству, использовали для них одно название.

6. Иногда по исторически сложившимся причинам те общности людей, которые изначально говорили на близкородственных языках и исторически обладали друг с другом тесными связями, со временем все же не формировали единый народ, а развивали свои собственные особенности. В результате этого стали выделяться отдельные народы.

7. Некоторые народы во времена национального гнета отказывались признать свое отличие от хань. Тем не менее, после образования КНР они стали требовать признания своего особого статуса отдельной нации.

8. Ханьцев, переселявшихся на территории проживания малочисленных народов, можно разделить на две группы: на тех, которые переселились раньше и тех – кто позже определенного периода. Первые переселенцы долгое время проживали изолированно от своих соплеменников и подверглись влиянию других народов. Они стали отличаться по языку, обычаям, привычкам от других хань и поэтому после «освобождения» потребовали для себя статуса отдельной нации.

9. Некоторые ханьцы, переселившись в районы проживания малочисленных народов, продолжали сохранять особенности культуры своего народа. Однако для окружающих их народов эти особенности не были столь очевидными, чтобы

узнавать по ним ханьцев, поэтому представители других этносов применяли по отношению к ним другие наименования.

Долгое время совместного проживания большого количества разных народов, труднодоступность районов и близость границ повлияли на культурное и языковое разнообразие региона. Вследствие этого однотипный, всеобъемлющий подход к регистрации всех групп оказался неприемлемым. Люди часто не только не понимали вопросов о национальной принадлежности, но и вкладывали в свои ответы отличный от официальной интерпретации смысл. По этой причине наряду с этническими наименованиями были зафиксированы и другие различные формы идентификации. Названия могли отражать особые обычаи и привычки (украшение зубов, татуировки, орнаменты, цвет одежды и т.п.), географические названия местности или особенности экономической жизни¹³¹. Поэтому, по мнению Томаса Маллэни, – говоря о первой переписи в КНР, по факту, мы говорим не о перечне этнонациональных групп, а скорее о списке *вариантов* названий *миньцзу*, где каждый вариант зависел от того, как респондент интерпретировал вопрос. Такого рода импровизация и интерпретация невозможны, если есть заранее определенный список *миньцзу*, и переписчики обучены помогать своим респондентам выбирать приемлемый ответ¹³².

В итоге, ответы на последний вопрос в переписной анкете превзошли все ожидания. Только в провинции Юньнань было зарегистрировано около 260 различных этнических названий, а по стране общее количество этнонимов превысило четыре сотни. При этом было зафиксировано 20 групп численностью в один человек, 92 – менее 100 и 38 – от 100 до 1000 человек¹³³. Следование Закону о выборах создавало перед руководством КНР перспективу проведения съезда ВСНП, с участием огромного числа представителей народов. К тому же правительство обеща-

¹³¹ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 100–103.

¹³² Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China P. 38.

¹³³ Mullaney Thomas S. Seeing for the state: the role of social scientist in China's ethnic classification project // Asian ethnicity. – 2010. – Vol. 11, № 3. P. 328–329.

ло развивать местные письменные языки, обучать кадры на родных языках, создавать автономные территории и находить вакансии в правительственных учреждениях для представителей всех национальностей. Предстоящий ВСНП было рассчитан на 1200 мест, при этом представители народов только из провинции Юньнань составили бы одну шестую часть общего числа членов всего парламента. Это было большое количество, особенно если учесть, что общая численность народов Юньнани они составляла менее одного процента от всего населения страны.

Коммунистические власти поняли, что оставлять решение вопроса о национальной принадлежности на усмотрение населения нельзя, и обратились за помощью к китайским этнологам и лингвистам, а также к местным провинциальным властям. Было принято решение в начале 1954 г., до предстоящих выборов в Парламент, осуществить Проект этнической классификации (*Миньцзу шибе*), который, по мнению Г. Гулдина является «пожалуй, самой обширной серии проектов полевых исследований, когда-либо проводившихся где бы то ни было на земле»¹³⁴. К 1954 г. предполагалось завершить только первый этап Проекта, начавшийся еще в 1949 г., который можно рассматривать как подготовительный. Второй, основной этап, продлился до 1964 г. и завершился второй переписью населения, в результате которой государство в официальный перечень «малочисленных наций» или «малых народов» включило 53 наименования. Третий этап охватывает период с 1965 по 1978 гг., в течение которого этнографические исследования переживали застой из-за проведения идейно-политических кампаний 1966-1976 гг. Четвертый, восстановительный период Проекта, приходится на 1978-1990-е гг. В 1982 г. и 1990 г. были проведены третья и четвертая перепись населения.

Чтобы понять масштаб и значимость Проекта этнической классификации, следует рассмотреть ряд аспектов: а) техническую сторону Проекта; б) идеологиче-

¹³⁴ Цит. по: Mullaney Thomas S. Ethnic classification writ large: the 1954 Yunnan province ethnic classification project and its foundation in republican-era taxonomic thought // China information. – 2004. – Vol. XVIII, № 2. P. 207.

скую и теоретическую базу; в) итоги, отразившиеся как на национальной политике государства, так и на этническом самосознании граждан.

3. Реализация Проекта этнической классификации

Когда чиновникам стало ясно, что собранные в результате переписи данные неоперациональны ввиду большого разброса в ответах, было принято решение подготовить заранее список официальных, одобренных правительством, узаконенных этнических категорий, из которого каждый человек будет выбирать то, что ему подходит. Эти категории должны быть взаимоисключающими, не слишком дробными и основанными на местных реалиях, с тем, чтобы быть принятыми населением. Фэй Сяотун и Линь Яохуа настаивали на том, что этнической самоидентификации не всегда можно доверять, так как осознание своей принадлежности к сообществу не обязательно подкрепляется «объективными» признаками¹³⁵.

Так как открытие сессии первого ВСНП было запланировано на осень 1954 г., необходимо было менее чем за шесть месяцев провести крупномасштабное исследование и осуществить этническую идентификацию населения КНР. Ответственность за этот этнологический проект нес Центральный комитет по делам национальностей при Правительстве КНР. Было признано, что в академических исследованиях, проводившихся до 1949 г., были допущены некоторые ошибки, и они не соответствовали новым политическим требованиям, сформулированным на основе марксистской и сталинской идеологии. Существовала официальная политическая линия, в соответствии с которой все требования относительно статуса независимой нации должны быть оценены строго в соответствии с определением нации, данным И.В. Сталиным. При этом ни один из указанных им признаков

¹³⁵ Фэй Сяотун, Линь Яохуа. Чжунго миньцзусюэ данцянь дэ жэньбу [Предстоящие задачи китайской этнологии]. С. 124.

нации, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того, отсутствие хотя бы одного из этих признаков означало бы, что нации нет. Все перечисленные в определении признаки рассматривались как однопорядковые и равнозначные. Выдвинутая советскими учеными идея противопоставления этнообразующих факторов и энических признаков не была сформулирована китайскими этнографами. Лишь в начале 1980-х гг., китайские ученые опубликовали работы, в которых признавали тот факт, что «условия формирования этноса» и «этнические признаки» относятся к разным таксономическим признакам¹³⁶.

На первом месте в сталинском определении нации стоит общность языка, поэтому команда, проводившая классификацию, в первую очередь принимала во внимание лингвистические данные. Такой подход к систематизации был принят еще до 1949 г. и импульс исходил из Британской империи и ее «широкой, транснациональной сети любителей этнологов и лингвистов»¹³⁷, одним из которых был офицер Генри Дэвис, опубликовавший в 1909 г. книгу «Юньнань, связующее звено между Индией и Янцзы»¹³⁸. Его работа, по мнению Томаса Маллэни, стала «основой китайских этнологических исследований на юго-западе Китая, Проекта этнической классификации 1954 г. и, несомненно, современной классификации этнических групп в провинции Юньнань»¹³⁹. В своей работе Генри Дэвис, опираясь на методы сравнительного языкознания, показал, как с помощью лингвистики можно преодолеть классификационный хаос. Тем не менее, среди китайских ученых были и те, кто высказывал иное мнение. М.В. Крюков в статье «Китайские ученые о таксономии этнических общностей» приводит слова Чжоу Яовэня, полагающего, что: «При разграничении близкородственных языков необходимо исходить не только из степени различий между ними, но и из политических, экономических и культурно-исторических особенно-

¹³⁶ Крюков М.В. Этнографические исследования в КНР: научно-аналитический обзор. С. 18.

¹³⁷ Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 45.

¹³⁸ О работе Генри Дэвиса см: Mullaney Thomas S. Op.cit. P. 45-52; Davies Henry Rodolph. Yun-nan, the link between India and the Yangtze. – Cambridge: Cambridge University Press. 1909. – 435 p.

¹³⁹ Mullaney Thomas S. Op.cit. P. 45.

стей человеческих коллективов, говорящих на этих языках»¹⁴⁰. Такое же расхождение мнений насчет языка, как основного объективного показателя национальной принадлежности, было выявлено во время этнокартографической работы членов Комиссии по изучению племенного состава населения России (КИПС) в 1917 г., когда некоторые российские этнографы высказывали мнение, что более надежным показателем национальной принадлежности являются характеристики культуры и антропологического типа.

Несмотря на признание на государственном уровне теории Сталина как ориентира, пригодность четырех критериев для идентификации населения ставилась исследователями под сомнение с самого начала; им нужно было найти способ тактично обойти сталинскую формулировку. Ученые понимали, что определение Сталина было слишком жестким, и, в случае его буквального применения на статус наций могли бы претендовать всего несколько групп. Ли Цюньцзе, один из участников Проекта, подчеркивал, что этот Проект – не исследование ради исследований, классификация будет научной, но не академической¹⁴¹. Китайские этнологи были вынуждены сотрудничать с политическим режимом, в идеологических рамках которого нации расценивались как нечто временное и незначительное, чему в будущем суждено исчезнуть. Этнографы, столкнувшись с коммунистическим мировоззрением, отрицавшим, по сути, устойчивое существование главного объекта исследования их дисциплины, готовы были идти на уступки. В отличие от гоминьдановского режима, подчеркивавшего гомогенность Китая, коммунистическая власть, по крайней мере, признавала наличие многочисленных этнических общностей в Китае и всячески способствовала их исследованию.

По теории Сталина, в докапиталистический период не было наций, так как не было тех факторов (например, экономических и культурных национальных

¹⁴⁰ Цит. по: Крюков М.В. Китайские ученые о таксономии этнических общностей // СЭ. – 1987. – № 6. – С. 146.

¹⁴¹ Цит. по: Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 73.

центров), которые ликвидируют хозяйственную раздробленность и соединяют разобщённые части одного народа в единое национальное целое. Нация является историческим феноменом и формируется только в период поднимающегося капитализма. Таким образом, любым докапиталистическим группам отказывается в статусе полноценных наций. Но поскольку капитализм еще не приобрел в Китае законченных форм, получалось, что все этнические общности являлись не нациями (*миньцзу*), а народностями (*буцзу*), находившимися на стадии между племенем (*було*) и нацией (*миньцзу*), потому что Китай с 1840 до 1949 гг. рассматривался коммунистами как полуфеодальное, полуколониальное, докапиталистическое общество. В связи с этим, как выше уже упоминалось, Мао Цзэдун дал указание, что в политическом отношении не нужно разделять этнические общности на нации, народности и племена.

Линь Яохуа и Фу Маоцзи¹⁴² расширили значение термина нация. Взяв на вооружение тезис Сталина о том, что элементы нации начали складываться еще в докапиталистический период, но представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем (то есть предполагалось, что даже племена и кланы содержат зачатки этнической общности), Линь Яохуа и Фу Маоцзи ввели неологизм, который послужил недостающим звеном в понятийной цепочке *шицзу-було-буцзу-миньцзу* (род-племя-народность-нация). Этим неологизмом стало словосочетание *миньцзу цзитуань*, или «этническая общность», термин, который, оставаясь тесно переплетенным с *миньцзу*, в то же время имел более широкое значение. В связи с этим, из таблицы 1¹⁴³ соответствия китайских терминов общественно-экономическим формациям, представленной ниже, была удалена центральная колонка, а также классификатор *цзи-*

¹⁴² Работа Линь Яохуа и Фу Маоцзи рассматривалась автором ранее в статье: Кочукова Е. А. К вопросу об истории классификации народов в КНР. С. 115.

¹⁴³ Таблица 1. См.: Mullaney Thomas S. Ethnic classification writ large: the 1954 Yunnan province ethnic classification project and its foundation in republican-era taxonomic thought. P. 228.

туань в первой. Таким образом, *миньцзу* стала соответствовать всем формациям.

Таблица 1

<i>миньцзу цзитуань</i> <i>ethnos</i> <i>народ</i>	шицзу (клан/род)	первобытный коммунизм (primordial communism)
	було (племя)	
	буцзу (народность)	рабство
		феодализм
	<i>миньцзу</i> (нация)	капитализм
		социализм

Теперь термин *миньцзу* стал охватывать бóльшую концептуальную область, чем когда-либо прежде. «В то время как для Сталина *миньцзу* составила лишь один этап из четырехступенчатого спектра человеческого организационного развития, для Лин и Фу, – отмечает Томас Маллэни, – концепция составила весь спектр сам по себе: спектр того, что я называю “этническим потенциалом”...»¹⁴⁴. Гораздо позже, после того как в 1962 г. отделение философских и социальных наук академии наук КНР и бюро переводов при ЦК КПК провели собрание, на котором обсуждался вопрос по унификации перевода с русского языка слова «нация», было рекомендовано в дальнейшем использовать только слово *миньцзу*, и не использовать *буцзу*. При необходимости пользоваться комментариями. Слово «народность» с русского следовало теперь переводить не как *буцзу* (буквально «народность»), а как «нация докапиталистического периода». После этого собрания в переизданиях сочинений Сталина уже не было слова *буцзу* и появи-

¹⁴⁴ Ibid. P. 229.

лись такие фразы как: «...миньцзу (народности) развились в миньцзу (нации), а языки миньцзу (народностей) – в языки миньцзу (национальные языки)»¹⁴⁵.

Таким образом, в китайской литературе окончательно закрепилось положение о том, что нация развивается из племени и такой формы общности людей как «народность» не существует. В своей работе Сталин, говоря о нации, имел в виду нацию капиталистического периода, а говоря о народности, указывал на нацию, существующую до периода капитализма.

Фэй Сяотун, материалы работ которого были опубликованы нами ранее¹⁴⁶, на основании идей Сталина сделал вывод, что признаки племени и народности являются зародышами особенностей современной нации. Он отметил, что степень развития этих четырех зародышей нации в различные периоды неравномерна, и в настоящее время еще нет достаточных оснований утверждать о закономерностях их развития. Высказываясь по этому вопросу, Фэй Сяотун выделяет несколько пунктов¹⁴⁷, на которые следует, с его точки зрения, обращать особое внимание:

1. В народности (буцзу) уже существует необходимая степень общности языка. Но это вовсе не означает, что люди одной народности понимают язык друг друга, так как расхождения в диалектах среди буцзу могут быть очень значительными. Причиной этого может служить то, что люди, изначально говорившие на похожем языке, из-за недостаточно частых контактов и продолжительной изолированности друг от друга, развили местные особенности, либо то, что племена, изначально говорившие на разных языках, сформировали одну народность, что повлекло за собой возникновение единого языка при сохранении определенных различий.

¹⁴⁵ Ма Жун. Гуаньюй миньцзу дини [Относительно определения нации] // Юньнань миньцзу сюэюань сюэбао. – 2000. – № 1. – С. 5-13.

¹⁴⁶ Кочукова Е.А. Особенности этнической классификации народов в КНР (по материалам работ Фэй Сяотуна). С. 58-63.

¹⁴⁷ Фэй Сяотун, Линь Яохуа. Чжунго миньцзусюэ данцянь дэ жэнью [Предстоящие задачи китайской этнологии]. С. 128–131.

2. Такой признак, как общая территория, указывает на то, что на протяжении долгого периода времени народы, в основном, стабильно проживали на одной территории. Вообще говоря, территория, на которой общность людей стабильно проживала до формирования современных наций, существовала, хотя среди населения этой территории еще не было высокоразвитых экономических отношений, как и устойчивого, общепризнанного национального экономического и культурного центра. Однако, именно из-за отсутствия экономического и культурного центра общности людей в докапиталистический период не было необходимости иметь район компактного проживания. Среди народов Китая есть такие, отдельные части которых когда-то по разным историческим причинам отделились друг от друга, но до сих пор сохраняют определенную социальную связь и четко выраженные общие психологические черты, поэтому нельзя полагать, что территориальное обособление влечет за собой распад общности людей.

3. Современные нации начали формироваться с появлением общей экономики. Однако, это не говорит о том, что общности людей докапиталистической эпохи не имели общих экономических связей. Здесь имеется в виду, что экономические отношения того периода не были такими тесными, как у современных наций. Следует обращать внимание на экономические связи различных национальных элементов, проживающих на одной территории в докапиталистический период, и их влияние на устойчивость сообщества. Например, хань, проживавшие в районах расселения других народов, управляли здесь сбором и распределением товаров и обладали большей частью земель, связывая на этой территории людей различных национальностей в одну единую экономическую структуру. Такая ситуация существовала в течение довольно долгого периода, но люди различных национальных элементов в языке и психологии продолжали сохранять свои особенности, не сформировав единой общности.

4. «Общность психологического склада» является наиболее трудным для понимания признаком. Его также можно назвать «национальным характером» («*миньцзу*

сингэ»). Он проникает во все сферы жизни и культуру людей. Хотя характер некоторых наций трудно определить, но все же при контакте с представителями различных наций невозможно не почувствовать, что они обладают отличительными, присущими только их нации, душевными качествами (фэнгэ).

В августе 1956 г. в «Жэньминь Жибао» была опубликована статья Фэй Сяотуна, написанная в соавторстве с Линь Яохуа: «Предстоящие задачи китайской этнологии». В ней говорилось, что нельзя просто использовать признаки современных наций, предложенные Сталиным в качестве критериев различий, так как неханьские национальности в Китае находятся на различных стадиях социального развития. Нельзя найти один простой и универсальный критерий, применение которого способствовало бы определению межгрупповых различий. В процессе формирования общности людей векторы развития каждой характерной особенности непредсказуемо; иногда из-за сложных исторических условий некоторые зачатки особенностей подавлялись и не получали возможности развития. Поэтому любая значительная особенность, в той или иной степени объединяющая людей в одно сообщество, заслуживает внимания¹⁴⁸. Фэй Сяотун и Линь Яохуа, предложив рассматривать одну или несколько черт объединяющего характера в качестве показателей процесса формирования нации, исходили из конкретных реалий. Поэтому такое мнение очень быстро получило широкую поддержку.

Гибкость определения критериев нации позволила группам, пока не обладающим обязательными признаками нации, заранее быть признанными нациями. Исследователи и их политические покровители достигли компромисса: сталинская модель поддерживалась теоретически, но на деле применялась более гибко. Язык был признан наиболее значимым критерием классификации. «Члены ко-

¹⁴⁸ Фэй Сяотун, Линь Яохуа. Чжунго миньцзусюэ данцянь дэ жэньбу [Предстоящие задачи китайской этнологии]. С. 131-132.

манды согласились с тем, что они будут организовывать свой исследовательский маршрут и методологию в соответствии с этническими контурами ведущих таксономических теорий, основанных на языке, которые восходят к работе Генри Родольфа Дэвиса поздней цинской эпохи и к корректировкам, внесенным первыми китайскими этнологами республиканского периода. Эти ранее существовавшие модели сформировали бы “предварительные теоретические доказательства относительно того, какие группы являются отдельными национальностями, а какие являются лишь их ветвями”¹⁴⁹.

С самого начала реализации Проекта китайские исследователи принимали во внимание «пожелания национальностей» («*миньцзу юань*»), которые могли включать в себя как «этническое сознание» («*миньцзу ши*»), так и «этнические предпочтения» («*миньцзу юаньван*»)¹⁵⁰. Говоря обобщенно, этническое (национальное) самосознание «понимается как *относительно устойчивая система отраженных в сознании объективно-существующих элементов этнической реальности и способов жизнедеятельности этноса, преломленных сквозь призму индивидуального опыта*»¹⁵¹. Этническое самосознание может включать также языковую, культурную, расовую, религиозную и другие формы идентификации. Несмотря на то, что И.В. Сталин не упоминал этническое самосознание в качестве признаков нации, китайские ученые, тем не менее, брали его в расчет. Вероятно, феномен этнического самосознания стал известен китайским ученым благодаря трудам Сергея Михайловича Широкогорова (1887-1939 гг.), поскольку его основные работы были опубликованы в Китае, в то время как в нашей стране они не получили распространения из-за расхождения ряда своих важнейших положений с официальными установками марксизма-ленинизма. По мнению Широкогорова, наличие этнического самосознания образует одно из важнейших условий жизне-

¹⁴⁹ Цит. по: Mullaney Thomas S. *Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China*. Berkeley and Los Angeles, 2011. P. 85.

¹⁵⁰ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 144.

¹⁵¹ Шахбанова М.М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования // Вестник института ИАЭ. 2013. – С. 138.

деятельности этноса. «Главная особенность человека состоит, конечно, в том, что он является существом сознательным (разумным). Понятие «сознание» вообще играет в концепции С.М. Широкогорова огромнейшую роль, так как благодаря ему были определены некоторые остальные составляющие этноса. Но в своей теории автор отказался от философской идеи универсального сознания, присущего каждому человеку в достаточно однородном виде. Связав это явление с социальной культурой, С.М. Широкогоров разработал положение о существовании разных форм сознания, присущих конкретным общностям. Наличие такого этнического сознания образует, как считает автор, одно из важнейших условий жизнедеятельности этноса, в том числе его приспособления к окружающим условиям»¹⁵². К тому же Фэй Сяотун в статье, которую он посвятил рассказу формирования своих взглядов относительно этноса и нации, отмечал, что, проводя в Гуанси в горах Даяшань в 1935 г. полевые исследования, он «смог ощутить наличие уровней этнической идентичности...Эта практическая работа, конечно, была очень важной, к тому же, следует признать, подспудно в моем мозгу теория этноса [моего] учителя С. М. Широкогорова (Ши Луго) действовала как [своего рода] стимулятор (*цучэнцзи*)»¹⁵³.

Для китайских ученых из четырех сталинских признаков нации «психологический склад» оказался, в силу своей абстрактности, самым трудным для уяснения. Фэй Сяотун писал, что в Китае этот признак понят еще недостаточно глубоко и исчерпывающе. Во время проведения полевых работ обнаружилось, что этническое самосознание проявляется как бы независимо от «особенностей», к которым относятся нравы и обычаи, формы социальной жизни и религиозные верования. Например, маньчжуры, которые по языку и образу жизни похожи на хань, считают себя маньчжурами, а малочисленный народ гэлао, ко-

¹⁵² Кузнецов А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 60.

¹⁵³ Цит. по: Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. С. 168.

торый живет очень разбросанно и, как правило, перенимает язык и образ жизни соседей, считает себя гэлао¹⁵⁴.

По словам Фэй Сяотуна, люди одного народа чувствуют, что все они обладают особой психологией, которая объективно существует, и в различное время, при различных обстоятельствах, может усиливаться или ослабевать. Чтобы сплотиться, народ должен найти способ укрепить общую психологию, которая, в свою очередь, формируется в зависимости от нравов и обычаев народа, особенностей образа жизни, от сильных чувств его представителей. Психология воплощается в некий показатель, представляющий этот народ: часто используется излюбленный стиль, создаваемый в течение долгого периода совместного проживания, который приукрашивается, распространяется, обретает национальную форму, заставляя людей с первого взгляда чувствовать, что это есть некий, так называемый, национальный характер¹⁵⁵. М.В. Крюков считает, что здесь Фэй Сяотун «по существу, дана сжатая, но достаточно полная характеристика сущности этнического самосознания»¹⁵⁶.

По мнению Джун Дреер, Фэй Сяотун и Линь Яохуа, стремясь классифицировать этнические общности в соответствии с научными критериями, в то же время открыли путь для политического вмешательства в определение нации, когда группы населения, снабженные некоторыми фактами (заранее подготовленными партией и правительственными источниками), во время проведения «мирных консультаций» приходили к выводам на основании данных, которыми они были обеспечены. В конечном итоге, ввиду отсутствия единого критерия, который помогал бы отличать одну национальность от другой, а с принятыми критериями возникали иногда противоречия, было решено, что некоторая неопре-

¹⁵⁴ Фэй Сяотун. Гуаньюй вого миньцзу дэ шибе вэньти [Относительно вопроса идентификации наций в Китае] // Миньцзу яньцзю вэньцзи. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 1988. – С. 173–174.

¹⁵⁵ Там же. С. 174–175.

¹⁵⁶ Крюков М.В. Этнографические исследования в КНР. Научно-аналитический обзор. С. 19.

деленность должна остаться¹⁵⁷. «Идентичности не устанавливались исключительно в соответствии с так называемыми объективными, научными критериями. Заявления людей о своей идентичности, желанной и фактической идентификации, были приняты во внимание, учтены, зафиксированы и рассмотрены вместе с другими факторами, такими, как экономический тип, стадия социального развития, история, язык и религиозная принадлежность»¹⁵⁸.

Напомним, что в 1950-е годы к термину «нация» в сталинском понимании был приравнен китайский термин *миньцзу* (или *шаошу миньцзу*), однако, как мы видим, реальная ситуация в КНР была такова, что по всем условиям под сталинское понятие нации подходили лишь немногие группы населения, поэтому оно применялась формально. Сам по себе термин *миньцзу* стал охватывать бóльшую концептуальную область. Поэтому, чтобы не возникало противоречий и путаницы, далее в тексте термином *миньцзу* нами будут обозначаться только те общности, которые вошли в официальный перечень «малочисленных наций» КНР в результате Проекта этнической классификации, термином «этническая группа» будут обозначены этнические общности, входящие в состав этих самых *миньцзу*.

На каждом этапе своих практических исследований китайские ученые в значительной степени полагались на материально-техническую поддержку со стороны местных политических органов. В Юньнани исследователи, будучи ограниченными во времени, не проводили подробные этнографические исследования, а брали краткие интервью у небольшого количества представителей от каждой заявленной группы продолжительностью от нескольких часов до нескольких дней с участием групп, количеством не превышающим десяти человек, а чаще всего значительно малочисленнее¹⁵⁹. Ввиду того, что китайским языком владели, как пра-

¹⁵⁷ Dreyer June Teufel. China's forty millions: minority nationalities and national integration in the People's Republic of China. – Cambridge: Harvard University Press, 1976. – P. 145–146.

¹⁵⁸ Tapp Nicholas. In defence of the archaic: a reconsideration of the 1950s ethnic classification project in China // Asian ethnicity. – 2002. – Vol. 3, № 1. P. 67.

¹⁵⁹ Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 94.

вило, высшие слои населения, и предполагалось, что они, в силу возраста и занимаемого положения, более компетентны в вопросах этнических особенностей местного населения, исследовательская команда опрашивала представителей национальной элиты, национальных кадров, религиозных лидеров, племенных вождей и деревенских старейшин.

Исполнители Проекта теперь должны были не просто собрать данные, а оценить этнический потенциал предполагаемой *миньцзу*; выяснить, поддержит ли народ, либо он будет сопротивляться принятию решения о признании его одной *миньцзу*. В данном случае объективистские модели идентичности должны были вступить в непосредственный контакт с субъективизмом информантов. Разумеется, научная концепция нации не имела никакого значения для респондентов, поэтому для того, чтобы подтолкнуть их к «правильной мысли», убедить принять ту форму коллективной идентичности, которая выгодна государству, исследователи использовали не прямые вопросы типа: «Вы все являетесь частью одной семьи?», «Вы все были частью одной семьи?», «У вас у всех один предок?», «Как вы себя называете?», «Вы все говорите на одном языке?» и т.п.¹⁶⁰ При необходимости, подобные методы помогали исследователям обходить субъективный фактор этнического самосознания и делать упор на сравнительном анализе лексики, грамматики и исторических фактов. Иногда, вместо того, чтобы прилаживать свою систематику под субъективизм опрашиваемых представителей различных этнических общностей исследователи пытались привести их сознание, выраженное в ответах, в соответствие с заранее выработанной ими классификацией, что невозможно было сделать только тогда, когда лингвистические и культурные различия были слишком явными и представляли собой непреодолимые препятствия.

На восток, северо-восток и северо-запад направлялись лишь небольшие группы исследователей. Основную проблему представляли центральный и юго-

¹⁶⁰ Ibid. P. 95.

западный регионы, население которых включало большое число неханьских народов. Во второй половине апреля 1954 г. небольшая группа ученых в Пекине начала обсуждение трудностей, с которыми они могут столкнуться на юге. Ученые понимали, что результаты их исследований приведут не просто к развитию этнологических знаний, а к изменению этнонациональной карты страны. Было ясно, что их решения повлияют на административную географию Китая, на распределение экономических и политических ресурсов, а также серьезно затронут культурную сферу. Поэтому необходимо было тщательно разработать критерии и методологию, которые позволили бы упорядочить хаотичное количество демографических данных, содержащихся в итогах первой переписи населения. Наиболее известными из числа китайских социологов, антропологов и общественных деятелей, принимавших непосредственное участие в Проекте, являлись Линь Яохуа и Фэй Сяотун.

Линь Яохуа, уроженец провинции Фуцзянь, получивший степень магистра на факультете социологии Яньцзинского университета 1935 г. и завершивший докторскую работу в Гарвардском университете, возглавил Пекинскую группу. Фэй Сяотун, ученик У Вэньцао, Сергея Михайловича Широкогорова, Бронислава Малиновского, предложивший свою модель китайской нации как множественного единства (*доюань ити*)¹⁶¹ и являющийся одним из первых, кто сравнил процесс формирования и рост ханьской нации с увеличивающимся «снежным комом» (*сюэцю*)¹⁶², возглавил группу, проводившую исследования национального вопроса в провинции Гуанси и этнографическую экспедицию в Юньнани. Решение, кого исследовать в первую очередь, кого во вторую, а кого обойти вниманием, приняло на себя руководство страны. Тринадцать этнических общностей в Юньнани *a priori* были утверждены в качестве *миньцзу*. К ним отнесли: и, бай, дай, мяо,

¹⁶¹ Фэй Сяотун. Гуаньюй хань миньцзу яньцзю дэ исе сяньфа [Некоторые соображения относительно исследований в области ханьской нации] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2001. – № 4. – С. 69-71.

¹⁶² Фэй Сяотун. Чжунхуа миньцзу доюань ити гэцзюй [Структура китайской нации как множественного единства] // Бэйцзин дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй сюэбан). – 1989. – №.4. – С. 1–19.

хуэй, ва, хани, лису, лаху, наси, цзинпо, тибетцев, яо. Команда сочла нецелесообразным тратить время на проверку подлинности существования этих групп. Цель состояла в том, чтобы определить, какие другие этнические группы, заявленные в переписи 1953 г., можно отнести к одной из этих тринадцати. То есть эти тринадцать *миньцзу* выступали в роли своего рода «сосудов», в которые помещались другие группы. При этом некоторые из них рассматривались как потомки хань, переселившиеся в свое время в южные районы страны. Многие этнонимы, упомянутые в переписи 1953 г., просто не учитывались. Соответствующие группы либо были слишком малочисленны, чтобы представлять интерес, либо власти решили, что рассмотрят их позже. Тем не менее, в итоге к концу исследования в октябре 1954 г. список *миньцзу* пополнился. Команда, работающая в Юньнани, выдвинула для официального признания в качестве *миньцзу* в общей сложности 20 групп¹⁶³. По всей стране к 1954 г. центральное правительство утвердило в качестве *миньцзу* 38 групп: и, бай, дай, мяо, хуэй, ва, хани, лису, лаху, наси, цзинпо, яо, монголы, тибетцы, уйгуры, корейцы, маньчжуры, ли, гаошань, чжуан, буи, дун, казахи, дунсян, шуй, киргизы, ту, таджики, узбеки, татары, эвенки, баоань, цян, салары, русские, сибо, желтые уйгуры, ороконы.

Первый этап исследования в провинции Юньнань завершился успешно. Научное сообщество начало принимать необходимость своей связи с представителями государства, развертывая целый ряд стратегий для формирования сознания респондентов.

В августе 1954 г. исследователи начали подготовку ко второму, заключительному этапу полевых работ. Первая группа исследователей базировалась в Дали и Лицзяне, вторая в Синпине, третья в Вэньшане, Мэнцзы и Гэцзю и четвертая в Куньмине. В течение этого периода исследователи начали рассматривать один из самых важных вопросов в своей работе: как может быть названа каждая из выяв-

¹⁶³ Mullaney Thomas S. Ethnic classification writ large: the 1954 Yunnan province ethnic classification project and its foundation in republican-era taxonomic thought. P. 213.

ленных ими *миньцзу*, состоящая из нескольких этнических общностей с различными наименованиями. Выбор официальных этнонимов являлся непростым делом, так как представители многих этнических общностей в Юньнани в подавляющем своем большинстве были неграмотными и их эндоэтнонимы (самоназвания) существовали только в устной речи. Предполагалось, что названия *миньцзу* должны быть стандартизированы путем использования только китайской иероглифики и будут воспроизводить звучание оригинальной формы на соответствующем языке. Поэтому вопрос о том, какой эндоэтноним следует использовать и как его китаизировать, обсуждался с представителями различных «ветвей» недавно выделенных *миньцзу*. Фан Гоюй, заместитель директора по исследованиям, направил официальное послание в адрес Народного Конгресса Юньнани с просьбой подтвердить названия *миньцзу* в провинции Юньнань и представить их на рассмотрение в центр для дальнейшего, официального обсуждения. Фан Гоюй предлагал центральному правительству: а) выпустить официальное уведомление, призывающее к всеобщему использованию подтвержденных наименований и запрещающее использование любых других; б) придумать соответствующие названия для групп, чьи обозначения еще не утверждены, особенно для тех из них, чьи представители были избраны для участия в ВСНП; в) рассмотреть и унифицировать автонимы и гетеронимы различных ветвей каждой национальности (каждая национальность или каждая ветвь должны использовать только одно имя, единое правописание и произношение)¹⁶⁴. Предложения Фан Гоюя были одобрены Народным Конгрессом Юньнани (Yunnan People's Congress). Отныне специфическая этническая классификация, предложенная китайскими этнологами, становится основой официальной демографической систематики КНР. Здесь мы уже видим кардинальный отход от политики самостоятельного выбора

¹⁶⁴ Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 107–108.

своего наименования этническими общностями, принятой во время первой переписи населения.

Первый съезд ВСНП начал свою работу 15 сентября 1954 г. В нем приняли участие более двенадцати сотен участников – представителей 38 утвержденных *миньцзу*. Тем не менее, полевые исследования не были завершены, и участники Проекта оставались «в поле».

В декабре 1955 г. Академия наук Китая и Комитет по делам национальностей обратились с призывом к Центральному институту по делам национальностей в Пекине организовать исследования по лингвистике. Лингвисты Фу Маоцзи, Ма Сюэлян и Ло Цзигуан помогли организовать более четырехсот научных сотрудников; было сформировано 7 групп по исследованию национальных языков, члены которых посетили 16 провинций и автономных областей проживания этнических общностей для проведения языковой переписи. В это же время китайское руководство спонсировало исследования в области социальной истории. Начиная с 1956 г. исследовательские группы должны были организовать экспедиции для изучения истории, экономики, культуры и быта народов по всей стране. Центральный комитет по делам национальностей выдвигал в качестве строгого условия аккуратное использование исторического материала и рекомендовал не делать чрезмерный упор на письменных материалах прошлого. «Мы должны сосредоточиться на понимании реальности. Освоив часть надежного, научного материала, мы должны иметь мужество исправить прошлые ошибки в интерпретации данных: выдвинуть новые аргументы и мнения, которые являются правильными и основанными на анализе реальных условий»¹⁶⁵.

Весной 1956 г. специалисты начали составление «Программы исследования природы общества», которая включала в себя общий обзор и исследование

¹⁶⁵ Цит. по: Wang Jianmin. Revisiting and reconsidering the historical survey of the Chinese minority nationalities societies // Chinese sociology and anthropology. – 2001. – Vol. 33, № 4. P. 62.

этнических общностей, находящихся на разных стадиях общественно-экономического развития. Авторы программы ясно заявляли, что она ни в коем случае не подходит для каждого общества. Она может действовать только как рекомендация, исследователям не возбранялось творческое осмысление материала. Прежде чем приступить к работе, члены исследовательских групп изучали эту программу и подготавливали свою, специальную, с учетом характеристик региона, населенного различными этническими группами. Разумеется, за основу была принята марксистская терминология, но Фэй Сяотун предупреждал, что социальная природа этнических меньшинств сложна и не поддается поверхностному анализу, что нужно избегать спешки при классификации и перепроверять материал. Даже названия национальностей не были приняты как твердо установленные.

В 1956 г. ученым предстояло изучить этнические общности восьми районов (соответственно, было создано восемь групп): Внутренней Монголии, Северо-Востока, Синьцзяна, Гуанси-Гуандуна, Сычуани, Юньнани, Гуйчжоу и Тибета. Среди двадцати народов, которые были выбраны для исследования, главное внимание предполагалось уделять монголам, тибетцам, уйгурам, чжуанам, мяо, дай, и, ли, цзинпо, и кава (ва). Они рассматривались как группы, которые ярко представляют различные этапы исторического развития, от первобытнообщинных и рабовладельческих обществ до обществ с феодальной и капиталистической экономикой. Планировалось завершить их обзорное исследование в течение четырех-семи лет. К началу 1958 г. были проведены предварительные исследования и собран материал по каждой уже признанной *миньцзу*. Собранный материал впоследствии был написан, отредактирован и опубликован в качестве серии «Кратких историй» (*цзяньши*, 簡史) – официальных кратких рассказов о каждой недавно признанной *миньцзу* без упоминания о сложных процессах, в результате которых они возникли. В написании официальных историй также участвовали национальные элиты. По замечанию Сиу-ву Чун, посредством

процесса самопрезентации (в частности, написания официальных историй *миньцзу*) власти заботились о том, чтобы местная элита изменила свою локальную идентичность на идентичность, институализированную государством¹⁶⁶. По этой причине прошлое большого числа этнических общностей, ставших частью *миньцзу*, уходило в тень; производились и закреплялись знания, соответствующие новым этническим категориям, выделенным по итогам осуществления Проекта этнической классификации, создавалась новая история. Начиная со второй половины 1950-х гг. и до начала Культурной революции в 1966 г. признанные *миньцзу* были вписаны в сеть соответствующих дискурсов, создавались и получали официальные наименования автономные округа и регионы. У китайского гражданина появилось два важных идентификационных средства: система национальных идентификационных карт (ID card) с указанием имени, пола, даты рождения, места жительства и *миньцзу*, и домовая книга (*хукоубэнь*, 户口本). Детям, чьи родители принадлежали к разным *миньцзу*, было разрешено выбирать национальность одного из родителей. Скорее, до восемнадцати лет национальность ребенка устанавливалась родителями, после достижения восемнадцатилетнего возраста в течение двух лет он/она могли сами принимать решение, к какой *миньцзу* (по отцу или по матери); после двадцати лет реклассификация была запрещена¹⁶⁷. Таким образом, закон гарантировал стабильность модели многонационального государства.

Собранный материал стал надежным источником для последующих поколений исследователей и имел большое значение для развития китайской этнологии в целом. Будучи опубликованным, он вызвал широкий интерес в научных кругах. Многие ученые считали, что полученные данные помогут объяснить отличительные особенности различных национальностей и окажутся полезными в изучении конкретных исторических проблем.

¹⁶⁶ Cheung Siu-woo. Representation and negotiation of Ge identities in southeast Guizhou // Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. Berkeley, 1996. P. 245.

¹⁶⁷ Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 123.

Более того, государство спонсировало проведение по всей стране кинопроекта под общим названием «Научный документальный фильм, посвященный социально-историческому развитию китайских малочисленных наций» («Чжунго шаошу миньцзу шэхуэй лиши кэсюэ цзилу инпянь»). Наибольший интерес вызвали фильмы: «Национальность *и* автономного округа Ляншань», «Национальность ва», «Национальность дулун», «Национальность цзинпо» и другие¹⁶⁸.

Параллельно исследованиям в районах проживания неханьских народов, правительство приступило к проведению реформ. Партийные идеологи стали склоняться к тому, что в большинстве районов предварительная работа по объединению населения была уже завершена, и что наступило время перейти на новую стадию социализма. «Новая эра» для многочисленных этнических общностей Китая заключалась в ускорении темпов социалистических реформ, характеризовалась втягиванием их в кампанию 1957 г. по усилению гласности и критики, которая проходила под лозунгом «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», а впоследствии в борьбу против правых элементов (к которым, в частности, были причислены местные националисты, критикующие государство в нарушении национальных традиций и принципов национализации органов автономии). Началась массовая коллективизация, при которой не учитывались особые характеристики этнических общностей и областей их проживания (методы ведения хозяйства, традиционно выращиваемые культуры и т.п.). Национальным лидерам и интеллектуалам предлагалось высказывать свое мнение относительно проводимых правительством кампаний, а также относительно недостатков КПК и ее политики. Оказалось, что этнические общности недовольны наличием большого количества кадров из числа хань в районах своего проживания. Негодование вызывали высокомерие и властолюбие хань, их нежелание учить местные языки и соблюдать правила этикета, стремление любыми способами ассимилировать местное население (хотя официально партия отрица-

¹⁶⁸ Ibid. P. 124.

ла ассимиляцию). Подвергся критике материал, собранный по истории этнических общностей. Началась кампания по «критике буржуазной социологии и этнографии». В связи с характеристикой буржуазной идеологии, сам термин «этнография» стал употребляться в негативном ключе. Нападкам и репрессиям подверглись ученые старшего поколения, получившие широкую известность в Китае и за его пределами еще в 1930-е гг. Ван Цзяньминь, ссылаясь на работы Се Фуминя и Лю Чуня, перечисляет «ошибки», которые в то время якобы совершили в своих исследованиях некоторые «старые ученые» и «старые интеллектуалы». Ученых критиковали за то, что они умышленно выискивали элементы «отсталости», «пережитки» и «древние традиции», выделяя причудливые особенности меньшинств и черты древних традиций. Не проводился комплексный социальный и классовый анализ, выводы делались механически, носили умозрительный характер, исключительно на основании индивидуальных мыслительных процессов исследователей, что часто не совпадало с реальностью. Замена пролетарской точки зрения на национальности капиталистической, защита реакционных классов и системы угнетения национальностей. В области межнациональных отношений якобы открыто поддерживался сепаратизм – посредством преувеличения степени остроты этнических конфликтов, фабрикация этнических предубеждений и разжигания межнациональной ненависти¹⁶⁹. Фэй Сяотун стал объектом серьезной критики. В июле 1957 г. он пишет покаянную статью в «Жэньминь жибао» под заголовком «Я признаю свое преступление перед народом»¹⁷⁰.

Исследования этнических общностей в силу этого претерпели изменения, задачи Проекта поменялись, как и отношение к ученым и той информации, которую они получали. Реальная научная работа пришла в упадок. «Исследование истории национальностей и социальных условий в районах проживания мень-

¹⁶⁹ Wang Jianmin. Revisiting and reconsidering the historical survey of the Chinese minority nationalities societies. P. 67–68.

¹⁷⁰ См. Litzinger Ralph A. Other Chinas: the Yao and the politics of national belonging. P. 95.

шинств, когда-то считавшееся столь важным для успеха социализма, неожиданно остановилось, когда было решено, что ученые, которые принимали в нем участие, были виновны в “так называемом буржуазном научном объективизме”»¹⁷¹. Кампания против правых («ревизионистов», «агентов капитализма») косвенно способствовала интеграции. Этнические общности, которые прежде рассматривались обособленно, были затронуты ходом политических процессов в Китае в большей степени, чем раньше. Допущенные ошибки были объявлены результатом непонимания политики партии как со стороны хань, так и не-хань, и не должны были быть отнесены к просчетам политики страны как таковой.

Ситуация усугубилась, когда в 1958 г. в Китае начался «большой скачок», экономическая и политическая кампания, нацеленная на укрепление индустриальной базы и резкий подъём экономики страны. Если раньше руководство в большей или меньшей степени учитывало особые характеристики и шло на компромиссы с этническими общностями, то теперь, когда оно запланировало увеличение производства, уничтожение бюрократии и достижение коммунизма, эти компромиссы стали рассматриваться как преграда на пути к успеху. Такие сверхзадачи требовали объединения усилий всего народа, поэтому, если предыдущая политика формировалась вокруг концепции «единства в разнообразии», допуская определенную степень этнического и культурного плюрализма, то «скачок» предполагал достижение единства через однородность. Одним из барьеров на пути к такому единству был лингвистический. Теперь всем нужно было учить язык большинства хань (*путунхуа*). При этом пояснялось, что изучение языка национального большинства не означает ассимиляцию, а только желание продвинуть по пути изучения передовых способов производства все народы Китая путем стирания лингвистических границ.

¹⁷¹ Dreyer June Teufel. China's forty millions: minority nationalities and national integration in the People's Republic of China. P. 162.

Начались нападки на особые характеристики этнических меньшинств, что заставляло ученых работать день и ночь и использовать любые возможности, чтобы взять интервью у местных кадров, старейшин и обычных людей. Они практиковали принцип «трёх вместе» («вместе есть, жить и работать»). Члены исследовательских групп часто подвергались критике и принуждались к самокритике. Ведущие научно-исследовательские институты начали кампанию, в ходе которой массы должны были помочь «капиталистическим ученым» критиковать академическое мышление. Такая критика не всегда имела научные основания, но имела тенденцию к политизации вопросов. Некоторые исследовательские группы даже организовали свои собственные команды по исправлению.

Комиссия по делам национальностей ВСНП и Научно-исследовательский институт национальностей составили новый план «большого скачка» по исследованию этнических общностей. В соответствии с лозунгом того периода «больше, лучше, быстрее и экономичнее», план предусматривал завершение в течение года двух основных задач: изучить пятьдесят *миньцзу* и вкратце зафиксировать в письменном виде историю каждой из них. Было начато всестороннее изучение тех этнических общностей, которые еще не были исследованы. К первоначальным восьми исследовательским группам были добавлены еще восемь: Ганьсу, Цинхай, Нинся, Цзилинь, Ляонин, Хэйлунцзян, Хунань, Фуцзянь. По плану был необходим сбор данных в гораздо более широких масштабах. В связи со срочностью осуществления плана, некоторые участники Проекта рассматривали исследования как сбор материала для написания историй. Они отложили более глубокие и всеобъемлющие аспекты исследования и направили всю свою энергию на участие в составлении «трех выпусков» по национальным вопросам. Многие группы, потратив время на подготовительную работу, вместо запланированных шести месяцев занимались реальной работой куда меньший срок. Следовательно, было трудно гарантировать необходимое качество или глу-

боко вникать в каждый научный вопрос. На самом деле, так называемый план «большого скачка» приобретал все большие масштабы, так что завершить его в срок не представлялось возможным. Сложившаяся в 1958-1959 гг. обстановка помешала успешному завершению работы по подготовке серии монографий по истории и этнографии народов Китая, вместо которых были опубликованы упрощенные истории и справочники.

В 1963 г. рукописи из «трех выпусков» были опубликованы и вынесены на общественное обсуждение. Многие люди считали, что те времена характеризовались сильным влиянием ошибок левых, желаемое выдавалось за действительное, а эти «три выпуска» были наполнены пропагандистскими и шаблонными данными. Стандарт и значение научной работы были серьезно подорваны политическими ошибками, допущенными руководством страны. Освещение многих вопросов, заслуживающих внимания, либо игнорировалось, либо находилось под запретом. Обзорные доклады были наполнены политической риторикой и содержали мало полезной информации. Все человеческие общности должны были быть проанализированы с «классовой точки зрения», и, например, вождь племени или колдун, которые традиционно получали вознаграждение за свою деятельность, были объявлены «эксплуататорами». При исследовании в отчетах по делам национальностей не соблюдалась международная конвенция по использованию географических названий, не употреблялись привычные названия деревень, малых городов, рыночных площадей. Вместо этого использовались принятые на тот момент официальные административные наименования. Фразы типа «*** коммуна, *** производственная бригада» или «*** район, *** поселок» часто фигурировали на китайском языке в данных, публиковавшихся с 1950-х гг. Сейчас даже местные жители не могут с уверенностью указать на эти места¹⁷².

¹⁷² Wang Jianmin. Revisiting and reconsidering the historical survey of the Chinese minority nationalities societies. P. 77.

С начала 1960-х гг. за «большим скачком» последовало ухудшение экономики (усугубившееся засухой и наводнениями), охлаждение отношений с СССР и территориальный конфликт с Индией. Экономическое и социальное давление на население было во многом ослаблено. Вновь стали учитываться местные условия. Были сделаны уступки в языке, искусстве, религии и историографии. В апреле 1961 г. журнал «Национальное единство», выпуск которого был приостановлен с марта 1960-го года, присоединив журнал «Национальные исследования», снова стал издаваться, продолжив пропагандировать марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна относительно теории национального вопроса. Статьи, касающиеся наций, в других китайских изданиях в это время характеризовались недостатком серьезной информации¹⁷³.

До начала «культурной революции» в КНР китайское правительство в 1964 г. провело вторую Всекитайскую перепись населения. За основной период проведения Проекта (1954-1964 гг.) к ранее признанным 38 *миньцзу* были добавлены еще 15: туцзя, шэ, дауры, мулао, булан, гэлао, ачан, пуми, ну, бэнлун (дэан), цзин, долон, мэньба, нанайцы, маонань. В процессе классификации несколько десятков этнических наименований были упразднены по собственной инициативе¹⁷⁴. Официально было закреплено 53 *миньцзу*.

С 1965 г. начинается третий этап осуществления Проекта этнической классификации, который продлится до 1978 г. В этот период была утверждена одна лишь *миньцзу* лоба. «Культурная революция» [идейно-политическая кампания, развернутая в КНР в 1966-1976 гг. под руководством председателя Мао Цзэдуна с целью уничтожения инакомыслия – Е.Б.] явилась периодом долговременного и серьезного перерыва в работе по идентификации. В этот период, следуя призывам Мао Цзэдуна к искоренению и уничтожению связей с традиционным, «феодальным» прошлым Китая, маоистские экстремисты подвергали нападкам многочис-

¹⁷³ Dreyer June Teufel. China's forty millions: minority nationalities and national integration in the People's Republic of China. P. 181.

¹⁷⁴ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 150.

ленные отличительные черты культуры неханьских общностей, к которым относились язык, религия, архитектура, обычаи, социальные институты и многое другое. Культуру народов необходимо было уничтожить. В некоторых частях страны было отменено обучение на национальных языках, неханьские группы стали объектом преследования и часто подвергались насилию. Сама дисциплина «этнография» была объявлена «реакционной буржуазной лженаукой» и упразднена, национальная политика и работа с этническими общностями «были подвергнуты критике пораженчества и ревизионизма»¹⁷⁵. Проект был заморожен. К таким жестким мерам Мао Цзэдуна подтолкнули разоблачение сталинизма в Советском Союзе и хрущевский курс на постепенную либерализацию в экономике, что было сочтено противоречащим коммунистической идеологии и угрожающим его личному влиянию в партии. В «оправдание» своей политики в отношении народов, Мао Цзэдун мог сослаться на мнения В. И. Ленина и И. В. Сталина, утверждавших, что нации возникают лишь с подъемом капитализма и не являются неотъемлемым атрибутом человечества, хотя будут долго существовать даже при социализме. В 1916 г. Ленин утверждал, что «к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций»¹⁷⁶. Сталин гарантировал «максимальное развитие национальной культуры для того, чтобы она исчерпала себя полностью и тем самым создала основу для формирования интернациональной социалистической культуры»¹⁷⁷. Фэй Сяотун снова был вынужден публично признать свои «преступления» против людей: он два с половиной года провел в сельской местности, выращивая хлопок и исправляя свое мышление посредством труда. В апреле 1972 г. ученый в одной из своих речей «признался», что он не может даже читать свои прошлые работы о

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Ленин, В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 27. – С. 256.

¹⁷⁷ Цит. по: Мартин Терри. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923-1939 / Т. Мартин; перевод с англ. О. Р. Щёлоковой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. – С. 16.

китайских крестьянах, в которых не хватает классовой точки зрения: «В это время я смотрел на них как на нижестоящих, безграмотных людей, деревенщину. Поэтому то, что я написал, служило на пользу не крестьянам, а тем, кто ими правил»¹⁷⁸. Линь Яохуа, подводя итог этому периоду нападок на этнологию, в 1990 г. писал, что Линь Бяо и «Банда четырех» [группа высших руководителей КПК – Е.Б.] задушили исследовательскую работу по национальностям. Многие ценные исследования были потеряны и команды расформированы. По проблемам национальностей ими было сфабриковано много абсурдных теории¹⁷⁹. Описывая упадок исследовательской работы периода «культурной революции», Линь Яохуа в то же время несколько идеализирует этнологические исследования, проводившиеся ранее.

«Культурная революция» – это не просто борьба против классовых врагов социалистического государства, а битва против природы человека, длившаяся десять лет, после чего последовала новая эпоха в истории Китая. В пост-маоистском Китае (Мао Цзэдун скончался в 1976 г.) молодые этнологи были намерены обратить критический взор на практику этнической классификации, предпринятой КПК в 1950-1960-е гг. Они работали над восстановлением этнографии как дисциплины, объявленной во время «культурной революции» капиталистической, буржуазной наукой. Коммунистические власти вернулись ко многим аспектам этнонациональной деятельности и политики 1950-х и начала 1960-х годов, начав, по словам Ральфа Литцингера, «воссоздание этнического»¹⁸⁰.

После включения в перечень официально признанных *миньцзу* цзино в 1979 г., китайское государство не пополняет этот список, несмотря на выдвигаемые требования пересмотра итогов классификации.

¹⁷⁸ Цит. по: Litzinger Ralph A. Other Chinas: the Yao and the politics of national belonging. 2000. P. 96.

¹⁷⁹ Ibid. P. 96–97.

¹⁸⁰ Litzinger Ralph A. Memory work: reconstituting the ethnic in post-Mao China // Cultural Anthropology. – 1998. – Vol. 13, – № 2. – P. 224–255.

4. Результаты Проекта этнической классификации

До сих пор в Китае остаются неидентифицированными сотни тысяч людей. В 1982, 1990 и 2000 гг., согласно национальной статистике, неидентифицированных по этническому признаку насчитывалось соответственно 799705, 752347 и 734438 человек. По некоторым данным, в Китае 23 «неопознанные» группы, но эта цифра не точная¹⁸¹. По итогам VI Всекитайской переписи населения 2010 г. не определена этническая принадлежность 640101 человек¹⁸². Группы, требующие официального признания их в качестве *миньцзу*, как правило, называются «*дайшибе миньцзу*» («этнические группы, ожидающие идентификации»), «*вэйшибе миньцзу*» («еще не идентифицированные этнические группы») или «*вэйдин цзучэн миньцзу*» («этнические группы с неопределенным составом»).

Другая проблема связана с тем, что некоторые группы, вошедшие в состав *миньцзу*, считают, что их идентичность была определена ошибочно, и начинают выражать свое недовольство. Одни считают, что их несправедливо объединили с более крупными народами, и хотят признания своей особой идентичности. Другие требуют признания их в качестве отдельной *миньцзу* вопреки официальной классификации их как хань. В некоторых случаях результатом этнической классификации было дробление больших групп (например, чжуан, дай, буи, дун и других носителей тайских языков тай, тибетских групп и тюркоязычных групп Синьцзяна) на более мелкие из опасения роста националистических настроений. В других, акцент делался на уходящих в глубокую древность культурных, истори-

¹⁸¹ Ван Сиэнь. Чжунго миньцзу шибэ дэ ицзюй [Основы Проекта этнической классификации в Китае] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2010. – № 12. – С. 10–11.

¹⁸² Ди лю цы жэнькоу пуча шуцзюй – чжунго гэ шаошу *миньцзу* дэ жэнькоу цинкуан [Данные шестой переписи населения по каждой малочисленной нации в Китае]. URL: <http://blog.renren.com/share/145623038/13842578271> (дата обращения: 14. 03. 2018).

ческих и языковых связях, особенно на тех, которые могли объединять внутренне разнообразное и широко рассеянное население (например, яо и мяо)¹⁸³. В особенности это коснулось групп, населяющих юго-запад Китая (провинции Юньнань, Сычуань, Гуйчжоу и Гуанси), которые разбросаны в различных местах этих провинций и никогда не составляли единства. Вместе с такими манипуляциями и соответствующей политикой государства имеет место другой процесс, а именно, развитие нового этнического самосознания или его трансформация. Развитие (изобретение или изменение) этнического сознания происходит, в том числе, в ситуациях, когда группа каким-то образом сталкивается с внешней силой, с которой она вступает в конкуренцию за ресурсы (материальные или символические). Поэтому, по мнению Стевана Харрела, когда «периферийные народы» находятся в противостоянии с центром, который пытается управлять ими и принадлежащей им территорией, дать им определение и образовать, они вынуждены смириться с тем, кто они есть и как они отличаются от тех, кто пытается «цивилизовать» их. Тем не менее, в зависимости от многих факторов (этнического самосознания и характера группы до Проекта; определения, выработанного Проектом, плюсов и минусов, которые сулит Проект и т.д.), развитие этнического сознания имеет два аспекта: сознание принадлежности к группе и сознание отличия от других групп¹⁸⁴. Приведем конкретные примеры.

В Китае в развитии идентичности маньчжур можно выделить несколько этапов; маньчжуры прошли путь от претендентов на власть к завоевателям, правителям и свергнутым остаткам. Были ли маньчжуры китайцами или представляли собой отдельный этнос?

Изначально маньчжуры (которые так себя еще не именовали) представляли собой коллектив чжурчжэньских племен, населяющих северо-восток Китая. В

¹⁸³ Tapp Nicholas. In defence of the archaic: a reconsideration of the 1950s ethnic classification project in China // *Asian ethnicity*. – 2002. – Vol. 3, № 1. P. 71.

¹⁸⁴ Harrell Stevan. Introduction: civilizing projects the reactions to them // *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*. P. 28–29.

1115 г. чжурчжэни завоевали Китай и основали династию Цзинь, впоследствии приняв традиционные китайские методы правления и другие аспекты ханьской культуры (в том числе язык и фамилии). После падения династии в 1234 г. они остались жить на территории Китая, образуя оседлые сообщества, и занимаясь сельским хозяйством. Земля, занятая потомками завоевателей – Цзинь, была организована как провинция Ляодун, ее населяли также нечжурчжэньские народы, включая хань. В конце 1500-х гг. чжурчжэньские племена, продолжающие жить на севере-востоке Китая, объединяются под предводительством Нурхади (1559-1626 гг.), который провозгласил воссоздание чжурчжэньского государства Цзинь только уже в качестве империи маньчжуров, так как племя маньчжур первенствовало среди чжурчжэньских племен. В 1635 г. лидер Цзяньчжоу-Чжурчженской федерации Хун Тайцзи, запретив использовать все предыдущие наименования, заявил, что все, кто находится под его командованием, впредь будут именовать себя маньчжурами, создав, тем самым, «новое, чисто политическое обозначение для лояльных к нему людей»¹⁸⁵. То есть, двумя основными факторами, способствовавшими созданию маньчжурского народа, были «политическое влияние и уникальный, разделяемый всеми жизненный опыт (shared experience of life)»¹⁸⁶.

Маньчжуры, под командованием Нурхади, завоевали Ляодун и классифицировали всех жителей (включая монголов, корейцев и предков чжурчженей) как хань. Критериями классификации были не происхождение, а хозяйственная практика, образ жизни и политический статус. В 1644 г. маньчжуры заняли Пекин, что ознаменовало начало правления новой династии Цин (1644-1912 гг.). Теперь маньчжурами признавались все те, кто принимал участие в завоевании. Десятилетия спустя император Цяньлун (1711-1799 гг.), обеспокоившись тем, что основы маньчжурского этнического сознания подорваны (его народ стал ассоциировать себя с Китаем, говорить и писать на китайском языке), всячески пытался поддер-

¹⁸⁵ Rigger Shelley. Voices of Manchu identity, 1635-1935 // Ibid. P. 187.

¹⁸⁶ Ibid. P. 211–212.

жать чувство идентичности. Кроме переживания чувства солидарности как завоевателей, у маньчжур не осталось иных четких этнических маркеров, отличающих их от хань. В попытке культурного возрождения Цяньлун завершил два проекта. Во-первых, компиляцию «Исследований маньчжурских истоков» (систематизацию клановых историй и генеалогий, стандартизацию маньчжурской мифологии и шаманских практик и т.п.)¹⁸⁷. Во-вторых, перерегистрацию ханьских «знаменных» войск. Традиционно ханьские войска считались частью маньчжурского населения, но начиная с императора Канси (1654-1722 гг.) двор начал менять регистрацию некоторых кланов с ханьских знамен на маньчжурские¹⁸⁸. Запрещалась миграция китайского населения на территорию Маньчжурии. Стремление двора сохранить уникальность маньчжурской идентичности усиливало общие чувства уникальности пограничных маньчжуров и предотвращал их от полной ассимиляции. Документация происхождения, унификация мифов, истории кланов и шаманских практик – все то, что когда-то было разнообразным и мистически нечетким, стало ясным, контролируемым и стандартным¹⁸⁹. Памела Кроссли показала, что внутри гарнизонов маньчжуры во многих сферах сохранили независимый образ жизни и уникальную культуру. «По сути, император Цяньлун пытался переделать группу, сложившуюся в результате обстоятельств, в группу, сплоченную примордиальными связями»¹⁹⁰.

После падения династии Цин маньчжуры, пытаясь сохранить групповую идентичность (поддержать маньчжурский язык и традиции), организовывали школы и клубы. Однако, большинство людей, чьими предками были маньчжуры, не имели «ни ясного группового сознания, ни понимания того, чем они отличаются от хань: на самом деле, большинство из них не отличалось ни лингвистически,

¹⁸⁷ Crossley Pamela Kyle. Manzhou yuanliu kao and the formalization of the Manchu heritage // The journal of Asian studies. – 1987. – Vol. 46, № 4. – P. 761–790.

¹⁸⁸ Crossley Pamela Kyle. The Qianlong retrospect on the Chinese-martial (hanjun) banners // Late imperial China. – 1989. – Vol. 10, № 1. – P. 63–107.

¹⁸⁹ Crossley Pamela Kyle. Op. cit. P. 761.

¹⁹⁰ Rigger Shelley. Voices of Manchu identity, 1635-1935. P. 198.

ни территориально, ни культурно, а сохранило лишь смутное чувство идентичности без явных маркеров или границ»¹⁹¹. После установления Китайской республики все члены «знамен» стали считаться маньчжурами независимо от их реальной этнической принадлежности. Невзирая на отсутствие четырех признаков нации по сталинскому определению Проект этнической классификации закрепил за маньчжурами статус отдельной *миньцзу*.

В Китае зарегистрировано около семи миллионов *и*, или *ицзу*. Однако, за пределами Китая такая многочисленная группа вряд ли была известна даже самым образованным людям¹⁹². *И* – это не самоназвание, а экзоэтноним. Сейчас *и* входят в список официальных *миньцзу* Китая, однако до 1949 г. в китайском языке для обозначения этого народа применялось много наименований, самыми распространенными из которых были лоло, маньцзы, ижэнь и ицзя. Сейчас *миньцзу и* включает в себя носу района Ляншань (провинция Сычуань), липо (поселок Пинди, самая южная точка провинции Сычуань), группы ицзу в провинциях Юньнань и Гуйчжоу и небольшое количество ицзу провинции Гуанси. Несмотря на то, что люди группы *и* отличаются «значительным лингвистическим разнообразием» (китайские лингвисты официально выделяют шесть «диалектов») и «весьма разнообразны в культурном отношении» (традициях и социальных практиках)¹⁹³, по итогам Проекта этнической классификации была утверждена единая *миньцзу и*.

На основании многочисленных полевых исследований, проведенных среди народа *и*, Стеван Харрелл пришел к выводу, что вопрос об изначальном самосознании составляющих *миньцзу и* этнических общностей является уже не важным в большинстве областей, так как, по меньшей мере, сорок лет *и* существовали как *и* и этническое самосознание, первоначально различавшееся у всех групп, замещается общим осознанием принадлежности к официально зарегистрированной

¹⁹¹ Harrell Stevan. Introduction: civilizing projects the reactions to them. P. 31.

¹⁹² Harrell Stevan. Introduction // Perspectives on the Yi of Southwest of China / Stevan Harrell ed. – Berkeley: University of California Press, 2001. – P. 1.

¹⁹³ Ibid. P. 7.

миньцзу, отличающим *и* от хань, тибетцев, хани, мяо и т.д.¹⁹⁴. Дети в школах учат, что они принадлежат *миньцзу и*, образованные члены элиты неоднократно убеждались в том, что их идентичность как *и* является равнозначной или более важной, чем их местная идентичность как носу, липо, насу и т.д.

Миньцзу яо в своем развитии прошла процесс, который формально подобен тому, с которым столкнулись маньчжуры. После сбора материала по истории народов и его анализа партийные кадры и исследователи пришли к выводу, что территориальное распределение (народы яо населяли горные цепи провинций Гуандун, Гуанси, Хунань, и южной Юньнани) было определяющим фактором в образовании общей идентичности яо. Яо, живущие в различных частях страны, имели более тридцати самоназваний, и более трех сотен различных терминов для яо существовало в китайском языке¹⁹⁵. Эти различные группы в дальнейшем были признаны этнологами подгруппами *миньцзу* яо. Исторически термин яо указывал на временную общность разрозненных групп людей, которые время от времени объединялись для сопротивления бандитам, сборщикам налогов и императорским чиновникам, распространяющим ханьскую культуру. Изначально они представляли собой политическую категорию народов, населяющих нагорье, которые могли пересекать южные горы Китая, не платя налоги¹⁹⁶. Они говорят на трех неродственных или отдаленно связанных языках и имеют совершенно разные традиции и верования: «Кажется, Фэй Сяотун ставит под сомнение базовое сталинское определение <...> он неявно поднимает вопрос о том, как сформировалась общая идентичность яо, учитывая гетерогенную лингвистическую, культурную и территориальную природу группы»¹⁹⁷. Тем не менее, привлекая антропологические, этнологические и исторические знания и написав новые истории, ученые, чиновни-

¹⁹⁴ Ibid. P. 8.

¹⁹⁵ Litzinger Ralph A. Other Chinas: the Yao and the politics of national belonging. P. 9.

¹⁹⁶ Harrell Stevan. Introduction: civilizing projects the reactions to them. P. 32.

¹⁹⁷ Litzinger Ralph A. Op. cit. P. 122.

ки и местная элита успешно сработались, чтобы конструировать, манипулировать и поддерживать ту идентичность, которая отвечает их интересам.

Миньцзу хуэй, несмотря на то, что ее признаки не отвечают в полной мере сталинскому определению нации, была официально признана правительством и является одной из наиболее многочисленных *миньцзу* Китая.

С XV по XX вв. под китайским словом хуэй подразумевался «мусульманин». Мусульманские общины были разбросаны по всему Китаю, поэтому они не были связаны тесными отношениями, за исключением торговых сетей, которые позволяли мусульманским купцам во время путешествия найти мечеть для молитвы и ритуально чистую пищу. Члены народа хуэй не имели общего языка, территории и экономической жизни. Что касается общего психического склада или культуры, то ислам являлся их единственным общим наследием, а их «обычаи и привычки», как правило, отличались от региона к региону, за исключением религиозных. Хуэй, в большом количестве проживающие в области Ганьсу-Нинся-Цинхай, долгое время имели этническое сознание, которое противопоставляло их ханьцам, тибетцам, тюркоязычным мусульманам и монголам, которые также населяли эти области. Самосознания себя в качестве единого народа не было до тех пор, пока определенные группы не вспомнили о своих исламских предках и не применили это для получения статуса *миньцзу*¹⁹⁸. Интервьюируя хуэй по всему Китаю летом 2000 г., Джонатан Липман задавал десяткам людей – профессорам, таксистам, фермерам и работникам заводов, бизнесменам и имамам – один и тот же вопрос: что общего у всех хуэй в Китае? Хуэй, работающие как «национальные кадры», давали ему обычный ответ, продиктованный определениями правительства, а именно, что все хуэй происходят от арабских и персидских приезжих и имеют множество «национальных особенностей, обычаев, и привычек». Некоторые информаторы делали акцент на эмоциональной составляющей, отвечая, что «Все

¹⁹⁸ Gladney Dru C. Muslim Chinese: ethnic nationalism in the People's Republic. – Cambridge, Mass.: Harvard East Asian Monographs, Harvard University Press, 1991. – 473 p

хуэй под небом являются одной семьей». Однако, после продолжительной дискуссии, большинство людей отвечали: «Не так уж много»¹⁹⁹. Тем не менее, после нескольких лет работы, проведенной государством, многие хуэй полностью прониклись убеждением в существовании общей крови, которую все они якобы разделяют. Находятся как те, кто гордится институционализированным утверждением своего «национального» существования, так и те, кто находит это нелепым.

Монголы также внесены в официальный перечень *миньцзу* Китая и служат примером того, как появляется «незапланированный результат» – повышение этнического самосознания среди населения. Северные границы Китая всегда находились под контролем политических союзов, некоторым из которых удавалось даже править Китаем. Во времена поздней династии Мин, как отмечает Памела Кроссли, критериями классификации народов, населяющих данную территорию, выступали не язык или культура, а тип хозяйства, то есть население делили на скотоводов, земледельцев и тех, кто являлся и тем и другим. Со стиранием явных отличительных характеристик, этнические маркеры и представление об общем происхождении стали важными критериями в определении монголов.

В 1953 г. правительство КНР предоставило Внутренней Монголии автономию, хотя доля монгольского населения на этой территории составляла всего 24 процента. Социалистическая революция обещала возрождение монгольского народа, однако на деле монголы стали еще больше разделены внутренне и интегрированы в китайское сообщество, что привело к формированию «двух монгольских настроений». Во-первых, это представление, что они живут в диаспоре на своей родной земле; во-вторых, звучал призыв установить монгольскую «резервацию»²⁰⁰. В свою очередь, это укрепляло этническое самосознание. Ужас «Культурной революции» дал толчок росту этнического самосознания. Как отметил Уильям Янковяк, проводимая после «культурной революции» политика предо-

¹⁹⁹ Lipman Jonathan N. White hats, oil cakes, and common blood: the Hui in the contemporary Chinese state // *Governing China's multiethnic frontiers* / Morris Rossabi ed. Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 25–26.

²⁰⁰ Bulag Uradyn E. Inner Mongolia: the dialectics of colonization and ethnicity building // *Ibid.* P. 108–109.

ставления льгот явилась для членов монгольских семей мощным стимулом признать свое этническое наследие; потомство от смешанных и несмешанных браков стало заявлять о прежде скрываемой оригинальной этнической идентичности²⁰¹. Местные высокопоставленные чиновники (большинство из которых хань) активно руководят процессом развития монгольской культуры в целях привлечения национальной и интернациональной экономической поддержки региональной модернизации. Монгольский язык и культура вновь стали символами даже в тех областях, где они были представлены минимально. Важной определяющей монгольской идентичности, как продемонстрировал Алмаз Хан, стало представление об общем происхождении. Образ Чингисхана (до второй половины XIX столетия служивший только символом имперской политической легитимности, а не символом различных монгольских племен) стал выступать в роли символа этнического и культурного выживания монголов как группы, которые обнаружили угрозу потери культурных традиций и идентичности при возросшем взаимодействии их с ханьцами. Мао Цзэдун обращался к монголам Внутренней Монголии как к «сыновьям и внукам Чингисхана», «родственная связь превратилась в этническую и, таким образом была изобретена новая традиция – или старая традиция была пересмотрена для устройства нового воображаемого сообщества»²⁰².

Народ, проживающий на территории провинции Юньнань и называющий себя в Китае тай, официально был признан государством в качестве *миньцзу* дай. Две основные группы тай: тай-люэ (проживает в Сишунаньбанне) и тай-на (населяет регион Дэхун) используют разные письменные языки, говорят на взаимно непонятных тайских языках, исповедуют различные направления буддизма и находились под управлением разных правителей, а группа тай-люэ долгое время обладала даже независимым королевством Наньчжао (738-902 гг.). И, тем не менее,

²⁰¹ Jankowiak William R. Urban Mongols: ethnicity in communist China (a short monograph) // Portraits of culture: ethnographic originals monograph series / Mel Ember, Carol Ember and David Levinson eds. – New Jersey: Prentice Hall, 1994. P. 13.

²⁰² Khan Almaz. Chinggis Khan: from imperial ancestor to ethnic hero // Cultural encounters on China's ethnic frontiers. P. 266.

исследователи в 1950-х гг. решили, что их следует официально классифицировать как одну нацию дай. Во время процесса этнической классификации различным группам тай было предложено принять всех официально идентифицированных в качестве дай за пределами своей собственной родины как «братьев», несмотря на то, что большинство из них редко или никогда не контактировали друг с другом прежде и имеют мало общего²⁰³. Народ тай-люэ, имевший некогда свою собственную государственность, вынужден был перейти от осознания себя в качестве отдельного народа к пониманию себя как части целого, этнической общности в рамках более широкой политической единицы.

Формирование *миньцзу* бай подобно процессу создания *миньцзу* маньчжуров. Бай Чжихун в своей книге «Создание отличия: конструирование идентичности бай в Дали»²⁰⁴ подробно рассматривает процесс становления этнического сознания у *миньцзу* бай и то, какие методы для этого применялись. Несмотря на все противоречия и несоответствие сталинской теории, *миньцзу* бай была официально признана. В 1956 г. в провинции Юньнань был основан автономный округ Дали *миньцзу* бай. Записывая местные истории как истории, связанные с бай, элита, тем самым, закрепляла «формулу» бай. Необходимость в этом возникла в связи с тем, что происхождение народа бай находится под вопросом, не существует единого мнения (выделяют пять теорий). Верно то, что в состав бай входят те, кто называл себя *миньцзя*. *Миньцзя* – значит ханьские мигранты. Представители бай сами говорят о том, что их предками являются хань. Однако большинство байских ученых утверждает, что бай испокон веков населяли область вокруг озера Эрхай в провинции Юньнань. Лингвистические данные также вызывают споры: является ли устный язык бай тибето-бирманским, китайским (особой ветвью сино-тибетской языковой семьи) или отдельным языком; существовала ли когда-нибудь письменная форма байского языка? Бай, как и хань, отправляют культ

²⁰³ Hsieh Shin-chung. On the dynamics of Tai/Dai-Lue ethnicity: an ethnohistorical analysis // Ibid. P. 317.

²⁰⁴ Bai Zhihong. Making a difference: Bai identity construction in Dali. 336 p.

предков. Только культы *benzhu* (смешанная форма анимистических верований, поклонения предкам, даосизма и буддизма), которые широко практикуются и считаются проявлением идентичности бай, являются важным компонентом их «уникальной» культуры. «Изначально, – пишет Бай Чжихун, – я подходила к изучению *миньцзу* бай, предполагая, что найду совершенно отличную от соседних народов культуру. Но я ошиблась в своем предположении. Я не обнаружила множества разных культурных особенностей, однако встретила людей, как внутри, так и вне категории бай, чувствительных к этническим границам и глубоко заботящихся об исключительной идентичности бай»²⁰⁵. Идентичность бай, как ярлык, спущенный государством сверху, и форма самоидентификации, является примером положительной реакции со стороны населения на социальные изменения.

Еще один пример расхождения внешней классификации с местной идентичностью продемонстрировала Мелисса Браун²⁰⁶, изучив этническую идентичность и культуру представителей официально признанной *миньцзу* туцзя в Эньши-туцзя-мяоском автономном округе провинции Хубэй.

В этот регион в течение двух тысячелетий принудительно переселялись хань. Эти миграции привели к появлению смешанных браков между представителями каждого нового потока иммигрантов и «местными» («туцзя» на китайском языке). С каждой волной иммиграции люди, уже живущие в Эньши, рассматривались новыми иммигрантами как «местные». Самая последняя крупномасштабная волна иммиграции хань была в конце 1930-х гг. В настоящее время местные жители в Эньши осознают себя как хань и включают в свою культуру важные элементы ханьской культуры и обычаев (язык, патрилинейную систему родства, брачные практики и принятое прежде бинтование ног), однако элементы, имеющие моральный и идеологический оттенок (культ предков, наследование имущества, погребальные обряды) разнятся с ханьскими. Ханьская идентичность всегда

²⁰⁵ Ibid. P. 228-229.

²⁰⁶ Brown Melissa J. Ethnic classification and culture: the case of the Tujia in Hubei, China // Asian ethnicity. – 2001. – Vol. 2, № 1. P. 55–72.

выстраивалась на основе культурных практик, люди являются хань если они действуют как хань. Поэтому, в случае с туцзя, в расчет не брались ни этническое самосознание, ни сталинские критерии. В 1980-х гг., выполняя задачу по идентификации туцзя, местные чиновники разработали классификационный метод, сочетающий фамилию (родство), место происхождения и сроки иммиграции. Предполагалось, что патрилинейные семьи, «достаточно» долго проживающие в Эньши, «достаточно» длительное время вступающие в браки с местными жителями имели время, чтобы в культурном отношении трансформироваться в туцзя независимо от идентичности своих патрилинейных предков. Местными чиновниками в качестве особого рубежа был выбран 1735 г., когда область Эньши попала под прямое бюрократическое управление династии Цин: потомков от смешанных браков до 1735 г. чиновники классифицировали как туцзя, после 1735 г. как хань²⁰⁷. Считалось, что люди, чьи предки принадлежали к числу «недавних» ханьских иммигрантов (переселившиеся после 1735 г.), несмотря на заключение смешанных браков, не могли измениться в той мере, чтобы поменять свою ханьскую идентичность на неханьскую.

Идентификация *дулун*, одной из наиболее малочисленных *миньцзу* Китая, проживающей на северо-западе провинции Юньнань, часто представляется как случай, не вызвавший особых проблем. До Проекта этнической классификации эта группа имела два наименования: *цюцзы* (*qiuzi*) на территории Китая и *ну* (*nung*) на территории Бирмы. В 1962 г., когда демаркационная линия между Бирмой и Китаем была отрегулирована, и этническая граница наконец совпала с политической, необходимо было сформировать такой союз, в рамках которого можно было бы с помощью отдельной категории зафиксировать местное население. Категория *дулун* оказалась оптимальным вариантом, «потому что эта была независимая, географически определенная категория, которую можно было “наде-

²⁰⁷ Ibid. P. 58.

лить” историей и целым рядом унифицированных традиций»²⁰⁸. Если до решения территориального вопроса с Бирмой исследователи, по определенным критериям, также объединяли цюцзы с соседними группами ну и раван, то в 1964 г. они были признаны отдельными *миньцзу*. Для самих дулун официальное признание их отдельной *миньцзу*, и, как следствие, их существования, являлось также показателем разрыва с прошлым, временем гнета, преследовавшего коллективные воспоминания группы²⁰⁹. Много вопросов вызывала категория мяо. Несколько миллионов людей были объединены в одну *миньцзу*, не имея для этого никаких оснований. Термин «мяо» (с китайского языка переводится как «побеги», «саженцы») изначально использовался для обозначения ряда не всегда связанных друг с другом разрозненных коренных народов («варваров»), населяющих районы юга и юго-запада Китая. Среди мяо не существует территориального и лингвистического единства. Выделяют, по крайней мере, три основных языка мяо внутри языковой семьи мяо-яо. Учитывая широту географического распространения, также сложно говорить о том, что мяо имеют общую экономическую систему. Фэй Сяотун, как отметила Норма Даймонд, пришел к выводу, что мяо, занимающие обширные территории, демонстрируют как значительные различия, так и сходство. Он выдвинул предположение об общности происхождения и утверждал, что мяо, долгое время рассматривавшиеся другими как мяо, стали сами считать себя одним народом²¹⁰. Доказательства общего центра происхождения и расселения основываются в основном на мифах, китайских династийных историях и историко-географических описаниях, которые небрежно используют термин мяо. Однако, «похоже, что мяо готовы в настоящее время согласиться с классификацией, предложенной государством <...> они знают свои реальные названия, схожие и отли-

²⁰⁸ Gros Stephane. The politics of names: the identification of the Dulong (Drung) of nothwest Yunnan // China information. – 2004. – Vol. XVIII, № 2. – P. 282.

²⁰⁹ Ibid. P. 285.

²¹⁰ См.:Diamond Norma. Defining the Miao: Ming, Qing, and contemporary views // Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers. P. 98.

чительные черты»²¹¹. Народ гэ, проживающий в Цяньдуннань-Мяо-Дунском автономном округе в провинции Гуйчжоу и рассматриваемый правительством как ветвь мяо, противится этой классификации, подчеркивая свои культурные и языковые отличия от мяо. Для осуществления самопрезентации элита группы гэ мобилизовала ресурсы местного сообщества. Представители народа гэ протестуют, когда в журналах, газетах или видео изображения их народа сопровождаются надписями о том, что это мяо²¹². Так же обстоит дело с хмонгами, входящими в состав нации мяо, которые пытаются различными способами конструировать, сохранять и воспроизводить свою этническую идентичность²¹³. Множество деталей долгих, исторических взаимоотношений хмонгов с китайцами проявляется в повседневной практике (в мифах, легендах, ритуалах, песнях и притчах), воспроизводя их этническую идентичность посредством дихотомии «мы» и «они».

Народ *мосо* в Юньнани был идентифицирован правительством как *миньцзу наси*, однако они не принимали такую идентификацию, утверждая, что отличаются от наси системой родства, брачными обычаями, похоронными и религиозными практиками, языком и так далее – другими словами, почти по всем аспектам этнической идентичности²¹⁴. Две группы, наси и мосо, были объединены под общим названием наси, без особых на то оснований. Отличаясь по языку, производственным отношениям и культуре они близки лишь в том, что занимают смежные районы.

Случай с пуми, как показывает Стеван Харрелл²¹⁵, также пример того, как постепенно сформировалось и было зафиксировано этническое самосознание людей, чья категория была навязана им извне. Во время Проекта большинство групп,

²¹¹ Ibid. P. 114.

²¹² См.: Cheung Siu-woo. Representation and negotiation of Ge identities in southeast Guizhou. P. 240–273.

²¹³ См.: Leepreech Prasit. The construction and reproduction of Hmong Ethnic identity in China. URL: <https://studylib.net/doc/7760014/the-construction-of-hmong-ethnic-identity-in-china> (дата обращения 26. 02. 2018); Tapp Nicholas. In defence of the archaic: a reconsideration of the 1950s ethnic classification project in China. P. 63–84; Schein Louisa. Minority rules: the Miao and the feminine in China's cultural politics. – Durham, N. C.: Duke university press, 2000. – 365 p.

²¹⁴ Shih Chuan-kang. Genesis of marriage among the Moso and empire-building in late imperial China // The journal of Asian studies. – 2001. – Vol. 60, – № 2. – P. 383.

²¹⁵ Harrell Stevan. The nationalities question and the Prmi problem. P. 274-296.

говорящих на языках цянской группы сино-тибетской языковой семьи, были включено в широкую категорию тибетцев. Народ прми (pmi), проживающий в провинции Сычуань, был классифицирован как тибетцы, в то время как народ прми, проживающий в Юньнани, как пуми. Как такое произошло – «пример исторической случайности». Основная часть народа прми в Сычуани до 1951 г. находилась под правлением Великого Ламы. В 1954 г. девятнадцатилетний далай-лама был приглашен в Пекин на встречу с коммунистическим руководством, которое надеялось получить поддержку местных лидеров. В течение полугода Мао Цзэдун встречался с далай-ламой не менее двенадцати раз, «стараясь очаровать – и обезоружить – гостя»²¹⁶. Так как лама получил образование в Тибете и говорил на тибетском языке, его основная политическая идентификация была скорее с Тибетом, поэтому народ прми, находящийся под его руководством, был отнесен к тибетцам. В Юньнани происходил аналогичный процесс. Ху Ваньцин – пуми из района Нинлан, в 1957-1958 гг. был вызван в Пекин Чжоу Эньлаем. На вопрос, кем являются жители Нинлана, Ху Ваньцин ответил, что народом прми (формально признанным как пуми). Несмотря на такое разделение, лидеры пуми и пуми-тибетцев: «вместо того чтобы горевать или создавать некое сопротивление государственной политике, приняли, начали отстаивать и манипулировать соответствующими этническими идентичностями, и – Стеван Харрелл склоняется к мнению, – что обычные люди также включают эти идентичности в свое сознание»²¹⁷.

На основании вышеприведенных примеров можно сделать вывод, что Проект этнической классификации нельзя оценивать однозначно. За счет поглощения малочисленных этнических групп, большинству из которых была уготована судьба стать «потерянными при категоризации»²¹⁸, исследователи сформировали более крупные, этнически неоднородные общности. Часть заявивших о себе в пере-

²¹⁶ Чжан Юн, Холлидей Дж. Неизвестный Мао / Пер. с англ. И.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – С. 480.

²¹⁷ Harrell Stevan. *Op. cit.* P. 287.

²¹⁸ Mullaney Thomas S. *Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China.* 2011. P. 128–133.

писи народов до сих пор остается под грифом *вэйшибе миньцзу* (еще не идентифицированных этнических групп), и, хотя представители некоторых групп уверены, что они отличаются в культурном плане, тем не менее, они не станут новыми *миньцзу*, а будут классифицированы внутри уже существующих категорий. Государство также наделило статусом *миньцзу* некоторые народы, которые являются и сами рассматривают себя частью другой этнической общности.

С точки зрения этнологов и историков, то, как проводился Проект, и сколько при этом было допущено ошибок и откровенного искажения фактов, приведших в итоге к написанию вымышленных историй, может вызывать лишь чувство сожаления: «Примечательной чертой книг, принадлежащих к категории «коротких историй», является то, что в них редко можно найти указание на время, когда определенные этнические группы получили статус (*миньцзу* – Е.Б), на последующие процедуры и людей, вовлеченных в процесс принятия решения <...> упущение такого материала способствует мистификации конкретного процесса этнической идентификации, создавая впечатление, что установленные этнические категории вечны, научно безукоризненны и с ними все согласны»²¹⁹. Многие были утрачены не по вине специалистов, а в результате политического давления и огромного количества культурных и исторических событий (Земельной реформы, «большого скачка», «культурной революции» и др.). Вместе с тем, многое было сохранено и зафиксировано в письменных и визуальных источниках. Можно согласиться с мнением Томаса Маллани, который считает, что китайские коммунисты не старались смотреть на проблемы с государственной точки зрения, по крайней мере, тогда, когда речь шла о принципиально важной проблеме этнической категоризации. Напротив, история Проекта классификации является одним из показателей неопытности китайского государства, которое смогло сориентироваться только опираясь на взгляды и опыт ученых-гуманитариев. КПК орга-

²¹⁹ McKhann, Charles F. The Naxi and nationalities question // Cultural encounters on China's ethnic frontiers. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – P. 46–47.

низовала проект этнической классификации в качестве крайней меры в ответ на конкретный и непредвиденный политический кризис (речь идет об огромном количестве наименований, зарегистрированных во время переписи 1953 г.)²²⁰.

В определенных исторических ситуациях, когда государственная классификация вторгается на сцену, ранее не затронутую процессом классификации, изменчивая по своей природе локальная этническая идентичность либо форсируется и кристаллизуется, либо ослабевает или полностью сменяется новой, навязанной извне, что, в свою очередь, зависит от многих факторов. Идентификация с определенной этнической общностью может быть мотивирована конкуренцией за ограниченные социально-политические и экономические ресурсы и может иметь даже индивидуальный характер. Ранее не существовавшие в Китае этнические категории сейчас «кажется, стали гордиться своим этническим ярлыком»²²¹, что связано с государственной политикой, которая с 1980-х гг. делает акцент на ярких отличительных аспектах этнической принадлежности и предоставляет *миньцзу* определенные привилегии и финансовую поддержку, содействуя значительному развитию районов их проживания. Благодаря Дэн Сяопину, лидеру КПК, которому пришлось иметь дело с последствиями политики Мао Цзэдуна и «культурной революции» и проводившему курс модернизации Китая, страна «открылась» внешнему миру. Планировалось постепенное проникновение рынка в неизменную командно-административную экономику страны, вследствие чего к Поднебесной начали проявлять интерес иностранные инвесторы и бизнесмены. Этнические общности стали активными участниками процессов в национальных и глобальных экономиках потребления этнического, поскольку они охотно продают свои изделия ремесленного производства, костюмы и знания тем, кого интересуют самые «примитивные» и «экзотические» народы страны. «Я помню, что меня поразило

²²⁰ Mullaney Thomas S. Seeing for the state: the role of social scientist in China's ethnic classification project. P. 326–327.

²²¹ Unger Jonathan. Not quite Han: the ethnic minorities of China's Southwest // Bulletin of Concerned Asian Scholars. – 1997. – Vol. 29, – № 3. P. 67–78. URL:

https://www.academia.edu/7224260/Jonathan_Unger_Not_Quite_Han_The_Ethnic_Minorities_of_China_s_Southwest_Bulletin_of_Concerned_Asian_Scholars_Vol._29_No._3_December_1997_pp._67-78 (дата обращения: 16.10.2018).

огромное количество академических публикаций о культурах и историях меньшинств Китая, – отмечает Ральф Литцингер во время проведения исследований в Китае в 1980-90-е гг., – я также помню, что сталкивался с тем, что казалось, являлось популярным этнологическим увлечением культурами меньшинств. В любом из многочисленных популярных журналов можно было прочитать рассказы об открытых сексуальных или матрилинейных брачных практиках неханьских народов на далеком юго-западе. <...> Визуальные изображения меньшинств также начали появляться на билбордах и в других публичных местах в конце 1980-х начале 1990-х гг. Самым распространенным, я помню, был образ группы представителей улыбающихся меньшинств, одетых в разноцветную традиционную одежду своих народов, радостно поющих и танцующих. В любом из модных бутиков в главных отелях можно было купить копии аутентичных предметов одежды меньшинств, батик, ювелирные украшения и другие аксессуары и выглядеть так же, как яо, бай, мяо и тибетцы»²²². На юго-западе Китая стал развиваться культурный туризм. Провинции Юньнань и Гуйчжоу, некогда привлекавшие иностранных искателей приключений и туристов, все больше стали посещать сами китайцы. Поддерживаемые быстро развивающейся туристической инфраструктурой, включающей в себя туристических агентов, внутренних авиаперевозчиков и местные отели, туристы из прибрежных городов и внутренних территорий могут «наслаждаться “вкусом” культуры наси, мяо, дай и вернуться домой с множеством доступных этнических сувениров»²²³. Для них имеет мало значения, какой конкретно подгруппе, какой народности принадлежат приобретенные ими сувениры; они принадлежат одной из 56 *миньцзу* Китая и именно поэтому имеют свою туристическую ценность.

Раньше большинство людей в Китае рассматривали этнические общности как экзотические объекты, которые проживают в труднодоступных местах и со-

²²² Litzinger Ralph A. Other Chinas: the Yao and the politics of national belonging. P. 230.

²²³ Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 125.

храняют привязанность к странным и суеверным традициям. В середине двадцатого века они таковыми и являлись, однако вследствие проводимой Мао Цзэдуном политики, направленной на уничтожение самобытности, шел процесс унификации жизни всего населения страны. После «культурной революции» начался процесс культурного возрождения, который, во многом, связан с тем, что экзотика стала востребованной и прибыльной. Можно согласиться с мнением Джонатана Унгера, который полагает, что: «"Культурное возрождение", которое стало очевидным на юго-западе Китая, кажется, в значительной степени является следствием изобретательности политических и интеллектуальных элит этнических меньшинств для собственных стратегических целей, без особой поддержки или участия представителей своих народов»²²⁴. Экзотизация и эротизация этнических меньшинств стала проявляться в СМИ и в различных видах искусства (кино и живописи), подогревая, тем самым, к ним интерес²²⁵.

Существует мнение, что это связано не только с появившейся для представителей малочисленных народов возможностью зарабатывать деньги, привлекая, таким образом, туристов, но что подобная тенденция «представления меньшинств в такой разноцветной, романтизированной форме больше связана с построением дискурса большинства, чем с самими меньшинствами»²²⁶. Представляя меньшинства в таком виде и превращая их в товар, государство «занимается проектом, подобным репрезентации колонизированных народов колониальными режимами [здесь речь идет о «внутреннем колониализме» - Е.Б.]»²²⁷. Стеван Харрел предпочитает использовать более мягкую формулировку – «цивилизаторский процесс» – процесс взаимодействия одной группы людей (цивилизующего центра) с другой (периферийными народами) в терминах определенного вида неравен-

²²⁴ Unger Jonathan. Not quite Han: the ethnic minorities of China's Southwest.

²²⁵ Gladney Dru C. Representing nationality in China: refiguring majority/minority identities // The journal of Asian studies. – 1994. – Vol. 53, – № 1. P. 92–123; Clark Paul. Ethnic minorities in Chinese films: cinema and the exotic // East-west film journal. – 1987. – Vol. 1, № 2. P. 15–31.

²²⁶ Gladney Dru C. Op. cit. P. 94.

²²⁷ Ibid. P. 98.

ства²²⁸. К эротизации добавляется представление о том, что периферийные народы подобны детям (простые, бесхитростные, социально и экономически менее развитые) и являются более примитивными (древними и неизменными)²²⁹. Подобные взгляды задают тон взаимоотношениям большинства, которым являются хань, с меньшинством, сообщая народам их статус в системе.

В постмаоистский период этнологи и историки стали применять совсем другой подход к вопросу этнического разнообразия, во многих случаях пытаясь выявить внутреннюю несогласованность и несоответствие; подвергать сомнению естественность идентичностей мяо, и, чжуан и других. В тоже время ученые, работавшие в 1980-х гг., во многом продолжали вести научные исследования над принятой моделью из 56 *миньцзу*, считая ее логически вытекающей из результатов этнической классификации. «Одновременно критикуя и применяя модель пятидесяти шести *миньцзу*, такие исследования, возможно, – предполагает Томас Маллани, – способствуют общему укреплению парадигмы, демонстрируя то, что пятьдесят шесть общепризнанных категорий *миньцзу* могут содержать в себе противоречия и несогласованность»²³⁰. И даже если непосредственно узконаправленные этнологические исследования не способствуют укреплению модели пятидесяти шести *миньцзу*, то глобальная организационная структура, возникшая в Китае, успешно это делает.

²²⁸ Harrell Stevan. Introduction: civilizing projects the reactions to them. P. 3–36.

²²⁹ Ibid. P. 10–17.

²³⁰ Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. P. 126.

Глава III. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ ТЕРМИНОВ В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ КИТАЙСКОЙ ЭТНОЛОГИИ

1. Дискуссия вокруг сталинского определения нации (1980-2000-е гг.)

Марксистская теория и сталинское определение нации, по сути, доминировали с 1949 г. до конца 1980-х гг. Однако, уже после 1960-х гг. в Китае в научных кругах с новой силой возобновилась полемика по вопросу формирования нации, в результате которой на этот счет обозначилось несколько основных мнений²³¹:

1. Нация формируется на высшей ступени развития первобытного общества.

Первой формой совместного проживания людей является род. По мере увеличения населения род начинает делиться и составлять фратрии, из нескольких фратрий формируется племя, затем племенной союз и в итоге нация. Племенной союз – первый шаг к формированию нации. Нация – это некая сравнительно стабильная общность людей, сформированная на базе племенного союза.

2. Нация формируется в период, начиная с высшей ступени развития первобытного общества эпохи варварства до периода становления классового общества.

Сторонники этой точки зрения считают, что нация развивается на основе племени, но проходит сложный и длительный процесс развития. В процессе разрушения родового строя люди освобождаются от оков кровного родства и в большем масштабе на основании экономических связей объединяются в более крупные сообщества – идет процесс формирования нации. В процессе производства и обмена развивается тесная совместная экономическая деятельность, которая объединяет людей, что создает экономическую основу для формирования нации.

²³¹ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 42–50.

Вследствие этого начинает формироваться общий язык, культура и психический склад. Как писал Энгельс: «Самый труд становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение и ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходство. Наряду с торговлей и ремеслами появились, наконец, искусство и наука; из племен развились нации и государства»²³².

3. Нация формируется в эпоху поднимающегося капитализма.

Нация – это не просто историческая категория, а исключительно историческая категория эпохи поднимающегося капитализма. В период рабовладельческого строя и феодализма люди и общества находились в состоянии децентрализации и разобщенности: не было национальных рынков, экономики и культурных центров. До периода капитализма имелись только «народности». Некоторые ученые, придерживаясь принятой в Китае терминологии, называли общности людей докапиталистического периода не «народностями», а *цзу* или «древними нациями».

Во времена «культурной революции» в Китае наблюдался застой в исследовании национальных проблем, это были времена господства левых идей, и при этом суть национального вопроса сводили к классовой борьбе. В 1980-е гг., в связи с курсом на открытость, начавшимся после прихода к власти Дэн Сяопина, и международным академическим обменом, поднялась новая волна дебатов вокруг термина *миньцзу*. В эти годы в китайских научных кругах получают распространение три основных взгляда на сталинское определение:

1. Определение, несомненно, точное и научное.

Такую точку зрения изложили в своих статьях исследователи Ма Инь, Сунь Цин, Сюн Сиань, Цзинь Бинхао в 1983, 1986 и 1987 гг.²³³ «Сталин принял все самое лучшее из рассуждений относительно нации Маркса, Энгельса и Ленина, сде-

²³² Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 20. – С. 493.

²³³ См. подробнее в: Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. С. 133.

лал систематические обобщения и создал систематически завершенное марксистско-ленинское понятие нации, которое является, с тех пор, единственным научным определением <...> Сталин развил и обогатил сокровищницу марксистско-ленинской теории»²³⁴. Сунь Цин против того, чтобы считать наименование нации одним из ее признаков, замещать сталинскую «общность экономической жизни» «общностью экономики», «общность психического склада» «национальным сознанием и национальным чувством». Четыре признака нации имеют общий характер, отношение к определенной эпохе, устойчивость и универсальность. Они могут быть использованы в отношении буржуазной нации, докапиталистической и нации социалистического периода²³⁵.

2. В целом определение приемлемое, но нуждается в редакции.

Так считали Ли Чжэньси, Пэн Инмин, Сюн Сиюань, Чэнь Кэцзинь, Чжан Дамин, Ян Цзинчу. Сюн Сиюань предлагал к четырем признакам нации добавить такой фактор, как «общность обычаев и привычек»: «Если говорить о сравнительно развитых в культурном и промышленном отношениях нациях Европы и Америки, то общность обычаев и привычек здесь вовсе не такая явная и значительная, но для наций аграрной культуры, чья культура и экономика отстают, обычаи и привычки являются составным элементом, выступающим в качестве одного из необходимых признаков»²³⁶. Ли Чжэньси внес поправки в сталинское определение: «Нация – это особый вид устойчивой социальной группы, формировавшейся по мере возникновения единой территории, экономических связей, литературного языка и культуры, неких единых особенностей психики и самосознания»²³⁷. Он указывал на то, что нация является крайне сложной категорией, это – некая многоуровневая общность людей, которая меняется во времени и простран-

²³⁴ Сунь Цин. Дуй Сыдалинь миньцзу дини дэ цзай жэньши [Новое прочтение сталинского определения нации] // Миньцзу яньцзю. – 1986. – № 2. – С. 7.

²³⁵ Там же. С. 8–9.

²³⁶ Сюн Сиюань. Дуй Сыдалинь миньцзу дини дэ идянь каньфа [Точка зрения относительно сталинского определения нации] // Миньцзу яньцзю. – 1986. – № 4. – С. 18.

²³⁷ Ли Чжэньси. Лунь Сыдалинь миньцзу дини дэ чунсинь жэньши хэ сюгай [О переосмыслении и модификации сталинского определения нации] // Миньцзу яньцзю. – 1986. – № 5. – С. 12.

стве. Поэтому дать одно неизменное определение для всех типов наций невозможно. Ян Цзинчу считает, что четыре признака уже объективно существовали до периода капитализма, в период поднимающегося капитализма они развились в полной мере и в условиях социализма получают дальнейшее развитие. Необходимо делать упор на языке нации и психологических качествах, принимать во внимание представления об ее исторических и культурных истоках, обычаях и привычках, все это обобщать и на этой основе проводить различия. Таким образом, нация – это устойчивая общность людей, обладающая общностью языка, территории, психологических качеств, исторических и культурных истоков, экономической жизни, обычаев и привычек²³⁸. Ян Кунь полагал, что к четырем основным признакам нации следует добавить еще один – «единое название», так как без него ее оформление нельзя считать законченным. «Из пяти признаков нации при определенных обстоятельствах могут исчезнуть общая территория, экономика и язык, но национальное самосознание и название продолжат свое существование»²³⁹.

3. Отрицание определения в целом, убеждение в том, что от него следует отказаться. Это мнение разделяли Цай Фую, Хуа Синьчжи и другие.

Цай Фую проанализировал ограниченность и политическую подоплеку сталинского определения нации. Он говорил о том, что для критики Бунда и кавказских ликвидаторов, как людей, представляющих националистические идеологические течения, Социал-демократическая партия создала национальную программу, в которой Сталин отметил, что современная нация сформировалась в период роста капитализма, что национальный вопрос возник в период капитализма и национальные движения, в сущности, являются буржуазными. Члены Бунда полагали, что могут осуществить национально-культурную автономию еврейской

²³⁸ Ян Цзинчу. Гуаньюй миньцзу гайнянь дэ цзи дянь ицзянь [Несколько точек зрения о концепции нации] // Миньцзу яньцзю. – 1986. – № 5. – С. 23–25.

²³⁹ Ян Кунь. Гуаньюй миньцзу хэ миньцзу вэньти дэ цзи дянь ицзянь [Несколько точек зрения относительно нации и национального вопроса] // Миньцзу яньцзю. – 1986. – № 4. – С. 11.

нации, но в России евреи не имели общей территории, экономической жизни и языка, то есть большинства из тех четырех признаков современной нации, о которых говорил Сталин, и это сыграло положительную роль в борьбе с бундовцами. Определение Сталина в то время было продиктовано необходимостью в революционной борьбе, а не создавалось для нужд национальных исследований, поэтому нация вовсе не является понятием, которое может принимать этнологическую форму. У нации как этнологического понятия есть ряд недостатков, поэтому его нельзя брать за образец, а необходимо исследовать новые этнологические понятия²⁴⁰. Хэ Гоань отмечал, что Сталин в своей теории нации поставил знак равенства между нацией, государством и обществом, создав тем самым теоретический беспорядок. Когда он разделил нации на «буржуазные» и «социалистические», то смешал этнологическое явление и социально-экономическую систему²⁴¹. Хэ Гоань, перечисляя признаки нации, указал, что некоторые из этих признаков являются только лишь предпосылками формирования нации, а не ее особенностями. Нация не может возникнуть, если нет общей территории, но после того как она сформировалась, территория постепенно утрачивает свое значение. То же касается экономической жизни: вместе с развитием социальных связей экономическая жизнь выходит за пределы одной нации. Язык – продукт процесса формирования нации, а не предпосылка. Культура – более существенный признак, но основными являются национальное самосознание и самоназвание нации. Имея эти два признака, нация будет существовать даже при отсутствии остальных²⁴². «Если сделать наиболее упрощенную формулировку сущности нации, то можно сказать, что нация – это некая культурно-языковая общность, обладающая самосознанием»²⁴³.

²⁴⁰ Цай Фую. Сыдалинь дэ нация дини пинси [Анализ сталинского определения нации] // Чжунго шэхуэй кэсюэ. – 1986, – № 1. – Р. 193–203.

²⁴¹ Хэ Гоань. Гуньюй жэньмэнь гунтунти юй миньцзу гунтунти дэ сыкао [Размышления об общности людей и национальной общности] // Миньцзу яньцзю. – 1988. – № 5. – С. 23–32.

²⁴² Хэ Гоань. Сыдалинь миньцзу лилунь моши бои: миньцзу таньхуа лу чжи и [Критика сталинской теоретической модели нации: одна из записей бесед о нации] // Миньцзу яньцзю. – 1989. – № 4. – С. 1–13.

²⁴³ Хэ Гоань. Указ. соч. С. 31.

Хуан Шупин, разбирая каждый признак нации применительно к Китаю, приходит к выводу, что ни один из них не может служить разграничительной линией для наций. Он указывает на то, что за тридцать лет, которые упустил Китай, в советской этнографии перешли от теории нации к теории этноса. Хуан Шупин считает, что основным признаком нации является культура. «Нация – исторически сформированная общность людей, которая в длительном процессе развития непрерывно изменяется, со временем она может утратить имеющиеся при формировании общность территории, экономических связей и даже единый язык, но если культурные особенности полностью или частично сохраняются, то сразу можно установить отличия между нациями <...> Только общность культурных особенностей сохраняет этническое самосознание и является наиболее важным признаком образовавшейся нации»²⁴⁴.

Несмотря на то, что с 1980-х годов академическая мысль сделала непростой поворот, когда люди могли уже открыто поправлять и отрицать сталинское определение нации, догматизм этого периода и следы культа авторитета по-прежнему были крепки. В 1986 г. Фэй Сяотун в интервью журналу «Национальное единство» говорил, что признаки нации в Китае не могут на самом деле полностью соответствовать определению нации, выдвинутому Сталиным. В прошлом не было людей, осмеливавшихся сделать шаг вперед и провести исторический анализ. Сейчас все нации Китая вошли в период активного развития экономики и культуры, поэтому в теоретических исследованиях национального вопроса необходимо вновь собраться с силами, освободиться от диктата идеологии и провести коренные изменения²⁴⁵.

В 90-е гг. продолжались дебаты вокруг сталинского определения: при частичном признании его научного характера, ученые вносили поправки или какие-

²⁴⁴ Хуан Шупин. Миньцзу шибе цзи ци лилун ии [Проект этнической классификации и его теоретическое значение] // Чжунго шэхуэй кэсюэ. – 1989. – № 1. – С. 107–116.

²⁴⁵ Цит. по: Гун Юнхуэй. Лун хэсе эр ю чжунго тэсэ вэ миньцзу гайнянь [К вопросу о гармонии и китайской специфике понятия нации]. С. 8.

либо преобразования. Чэнь Кэцзинь полагал, что Сталин, рассматривая нацию как исторически сформировавшуюся устойчивую общность людей, в полной мере не учитывал, что нация все время пребывает в динамическом процессе социально-исторического развития. Если говорить о «четырех признаках», то на первой стадии формирования нации они играют руководящую роль. Однако, все без исключения четыре признака в разной степени эволюционируют вместе с социально-историческими изменениями, постепенно ослабевая и впоследствии исчезая. «В результате исследования создается ощущение, что только общность психического склада, проявляющаяся в общности особенностей культуры, обладает “инертностью”»²⁴⁶. По мнению Хэ Жуня, сталинское определение нации не безукоризненно, хотя до сих пор он не встречал определения более целостного и научного, и рекомендовал внести поправки в определение нации. Приводя в пример определения нации своих коллег, Хэ Жунь отмечает, что национальное сознание (*миньцзу шиши*) и национальная привязанность (*миньцзу цингань*) являются синонимами, название нации не является основным критерием, обычаи и привычки входят в общую культуру народа, поэтому не составляют самостоятельного критерия, который следует использовать при определении нации. «Нация – это люди, развивающиеся до определенного этапа в истории и образующие устойчивую социальную общность, обладающую единой территорией, экономической жизнью, языком, культурой, члены которой имеют одинаковый этнический характер (*цзути сингэ*) и этническое сознание (*цзушу шиши*)»²⁴⁷. Сюн Куньсинь предложил следующее определение: нация – это люди, которые на определенном историческом этапе, на основании общности территории, при условии общей экономической жизни, говорящие на одном языке (что является основным фактором), при общности психологических качеств, обладающие такими характерными признаками,

²⁴⁶ Чэнь Кэцзинь. Гуаньюй миньцзу дини дэ син сыкао [Новые мысли относительно определения нации] // Юньнань шэхуэй кэсюэ. – 1992. – №.6. – С. 68.

²⁴⁷ Хэ Жунь. Лун Сыдалинь дэ миньцзу дини [Рассуждения о Сталинском определении нации] // Миньцзу яньцзю. – 1998. – № 6. – С. 12.

как единая история, культура, обычаи, название, этническое самосознание, а также кровное родство, сформировали стабильную, но в то же время постепенно изменяющуюся общность людей²⁴⁸.

Ма Жун, критикуя сталинское определение нации, пишет, что оно возникло под влиянием политической ситуации в России того времени. В начале 20 века в России большевики стояли за «национально-культурную автономию» и размежевание территории в соответствии с национальной принадлежностью проживающего на ней населения, что внесло раскол в националистическое, идейное течение партии пролетариата. После возникновения СССР вопрос типа представляют ли прагерманцы в границах СССР нацию, подобно прагерманцам Германии или нет, заставил Сталина заострить внимание на «общей территории». Акцент Сталина на признаке «общей территории» вытекал также из того, что царская Россия за 200 лет из внутриконтинентального княжества с одной нацией расширилась до мгнонационального политического организма, в котором народы оставались по-прежнему проживать на своих традиционных территориях. Акцент на «единой территории» был полезен для России, так как малочисленные народы могли сохранять политическую стабильность. В то же время «трансграничные этнические группы», например прагерманцы, евреи, латыши не признавались в качестве наций и были лишены прав на любую автономию. Ма Жун полагал, что мало кто из ученых задавался вопросом о том, как возникло понятие «нация», в основном они исследовали, соответствует ли это понятие объективной исторической ситуации. На самом деле, понятие нации Сталина подвергается проверке мощным политическим фактором. Универсальное значение четырех признаков ставится под вопрос, так как «возникновение любого понятия имеет социально-исторический контекст», поэтому «это определение не может быть полностью применимо в та-

²⁴⁸ Сюн Куньсинь. Сыдалинь миньцзу дини чжи во цзянь [Мой взгляд на сталинское определение нации] // Шицзе миньцзу. – 1998. – № 2.

ких странах, как Китай и Индия, которые имеют тысячелетние культурные традиции и историю этнических отношений»²⁴⁹.

Важной теоретической работой, благодаря которой китайские исследователи познакомились с положениями теории этноса, изложенной российским ученым М.В. Крюковым, стала статья Нажи Билика «К дискуссии о нации и понятии нации»²⁵⁰. В ней Нажи Билик отмечает, что сталинское определение нации в последнее время в Советском Союзе утратило свой авторитет. Ссылаясь на интервью М.В. Крюкова, приведенного в статье Хэ Гоаня²⁵¹, Нажи Билик указывает, что признаки нации представляют собой определенную иерархию «будучи неравноценными по своему содержанию». «Весьма разумно, – отмечает Нажи Билик, – что советский ученый М.В. Крюков разграничивает условия формирования нации и национальные признаки»²⁵². Книга по итогам этнической классификации в КНР отражает данные положения. В ней говорится о том, что развитие от племени к нации происходит в течение длительного времени при наличии четырех условий (*сы гэ тяоцзянь*). Общая территория, язык и экономическая деятельность способствуют формированию общих обычаев, привычек и религиозных верований, на основе чего постепенно формируется общий психический склад, проявляющийся в общности специфических особенностей культуры²⁵³.

После 1990-х гг. в исследованиях понятия нации появляются новые положения: сталинское определение стало рассматриваться в контексте понимания нации как граждан одного государства. В 2003 г. Хао Шиюань опубликовал статьи, в которых подробно рассматривал понимание Сталиным нации на государственном уровне. Хао Шиюань указывает, что причина того, почему люди зача-

²⁴⁹ Ма Жун. Гуаньюй миньцзу дини [Относительно определения нации] // Юньнань миньцзу сюэюань сюэбао. – 2000. – № 1, – С. 5–13.

²⁵⁰ Нажи Билик. Миньцзу юй миньцзу гайнянь бяньчжэнь [К дискуссии о нации и понятии нации] // Миньцзу яньцзю. – 1990. – № 5. – С. 11–17.

²⁵¹ Хэ Гоань. Люкэфу тань хань миньцзу яньцзю юй миньцзу лилунь вэньти [Крюков рассказывает об изучении ханьской нации и проблемах теории нации] // Миньцзу яньцзю. – 1987. № 4. – С. 12–17.

²⁵² Нажи Билик. Указ. соч. С. 12.

²⁵³ Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации]. С. 32.

стую не понимают, что Сталин называл «нацией», и почему в реальности применение этого понятия вызывает трудности и противоречия, кроется в том, что конкретный объект этого определения («нация в ее узком значении») понимается как универсальный объект («нация в ее широком значении»). Нация, о которой говорил Сталин, – это нация (nation), возникающая в процессе формирования национального государства, в состав которой входят все его жители независимо от племени и расы²⁵⁴.

Ван Сиэнь, исследуя признаки современной нации, начинает с того, что нация обладает историческим характером и участвует в некоем эволюционном историческом процессе. Исследователь, в рамках марксистской теории и теории нации, принятой в Китае, рассуждает о том, что существуют различные стадии развития общества предшествующие нации (род-племя-древняя нация-современная нация). Говоря об особенностях нации, Ван Сиэнь за основу берет сталинскую теорию нации, современный западный модернизм, который к особенностям нации относит «современный, политический, гражданский и даже западноевропейский характер», а также признаки, выделенные представителем школы этносимволизма Энтони Смитом (общая территория, исторические воспоминания и мифы, единая культура, общая экономика, одинаковые законы, права и обязанности). Объединив результаты исследований по теории нации, достигнутые западными и китайскими учеными, Ван Сиэнь особенности современной нации сводит к четырем пунктам²⁵⁵:

²⁵⁴ См. работы: Хао Шиюань. Чжунду Сыдалинь миньцзу (нация) дини – душу бицзи чжи и: Сыдалинь миньцзу дини цзици лилунь лайюань [Переосмысление сталинского определения нации – одна из записей о прочитанном: сталинское определение нации и его теоретические истоки] // Шицзе миньцзу. – 2003. – № 4; Хао Шиюань. Чжунду Сыдалинь миньцзу (нация) дини – душу бицзи чжи сань: Сулянь до миньцзу гоцзя мошичжун дэ гоцзя юй миньцзу (нация) [Переосмысление сталинского определения нации – одна из трех записей о прочитанном: государство и нация в советской модели многонационального государства] // Шицзе миньцзу. – 2003. – № 6.

²⁵⁵ Ван Сиэнь. Сяньдай миньцзу дэ тэчжэн цзи синчэн дэ ибань туцзин [Особенности современных наций и обычный путь их формирования] // Миньцзу гочэн юй чжунго миньцзу бяньцянь яньцзю [Исследования этнонационального процесса и этнонациональные изменения в Китае] / Под. ред. Ван Сиэнь. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2010. – С. 57-63.

1. Современная нация (*сяньдай миньцзу*) – это нация, связанная с общественным строем периода новой истории. Марксистская теория нации, как и сталинская, связывает нацию с общественно-экономической формацией: есть так называемые современные нации, развившиеся в эпоху поднимающегося капитализма, есть новые, советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных. В настоящее время западная теория нации также соотносит появление современных наций с развитием современного общества. Необходимые для модернизации единый рынок и всеобщие экономические связи являются основными причинами превращения граждан в нацию. Одним словом, две концепции появляются в обстановке эпохи модернизации. Если считать, что капитализм и социализм являются общественными формациями характерными для современного общества, в таком случае «современная нация» – это нация, существующая в капиталистическом или социалистическом обществе и опирающаяся на капиталистические или социалистические экономические основы. Пользуясь марксистской терминологией, это именно и есть «капиталистическая нация» и «социалистическая нация».

2. Все современные нации обладают «самосознанием» (*цзыцзюэ*). «Самосознание» противостоит «произвольности» (*цзыцзай*). Так называемая «произвольная нация» выступает в качестве уже существующей группы, но ее члены еще не обладают чувством осознания себя в качестве нации. «Самосознающая нация» не только является уже существующей группой, но и ее члены осознают себя в качестве существующей нации. Самосознающая и произвольная нации в равной степени являются нациями, но принадлежат к двум этапам развития нации. Неверно полагать, что нация сначала имеет самосознание или рассматривать такое самосознание как показатель формирования нации, так как нарушается закон познания. Бытие определяет сознание; бытие также предшествует сознанию. То есть нация предшествует появлению самосознания. Рассматривать некое осознанное существование как равное реальному существованию некой группы – это субъектив-

ный идеализм. Нельзя использовать наличие или отсутствие того или иного осознания для подтверждения существования группы. Даже если нет самосознания, бытие уже сформированной национальной группы точно так же нельзя отрицать. Наличие или отсутствие самосознания не решает вопрос о существовании нации, но может рассматриваться в качестве показателя самосознающей нации или произвольной. Современная нация, несомненно, является нацией «самосознающей».

3. Современная нация обладает политическими характеристиками. В догосударственный период, когда общество не обладало государственностью, политические свойства нации были ясны: род, племя и т.д. являлись этническими единицами, но в то же время все они были потестарными и политическими единицами, имели своих предводителей, совещательные и директивные органы. С образованием государства ситуация изменилась: часть народов сохранили единство своих этнических и политических единиц, другая часть была рассеяна, разделена, этнические единицы перестали соответствовать единицам политическим. Нация, вступившая в период современной истории, имеет политизированную направленность. Вместе с расширением межнациональных контактов и ростом уровня образования рано или поздно в каждой нации возникает самосознание, которое, в свою очередь, ведет к требованию политических прав.

4. Современная нация обладает гибкостью. Имеется в виду, что в настоящее время общественная консолидирующая способность непрерывно развивается и распространяется. Гибкий характер современной нации обнаруживается в том, что государство может посредством политики, военных действий и других методов подавить или возвысить положение некоторых наций, и тем самым повлиять на их социальную структуру, размер населения и даже сохранение в целостности.

Ван Сиэнь полагает, что нация – это особая форма общества. Это общество имеет свою особую группу, которая управляется посредством экономического и социального менеджмента. Национальные процессы в этом обществе включают в себя процесс конфигурации группы, национально-экономический и национально-

политический процессы. Процесс конфигурации группы – это процесс эволюции и изменений национальных признаков, превращение нации по крови в нацию по территории, превращение культуры нации в единую, всеобщую культуру для ее членов. Так называемые национальные слияние и ассимиляция, «изменение» и «развитие» составляют эволюционный процесс групповой формы. Национально-экономический процесс – это эволюционные изменения, поддерживающие существование и развитие экономики нации. Национально-политический процесс обеспечивает существование нации, развитие социальной организации и эволюцию форм управления²⁵⁶.

Понимание нации в политическом, гражданском значении овладело умами многих китайцев еще в начале прошлого столетия. Однако идея единой нации (*чжунхуа миньцзу*) на долгие годы отошла на второй план и только благодаря профессору Фэй Сяотуну, который сумел предложить свою модель *чжунхуа миньцзу*, не нарушив при этом уже устоявшейся системы понятий, о ней вновь заговорили и стали переосмысливать. Фэй Сяотун отнес появление своей «Модели китайской нации как множественного единства» (*чжунхуа миньцзу дэ до юань и ти*) к 1987 г.²⁵⁷ Он пришел к выводу, что *чжунхуа миньцзу* представляет собой трехуровневое образование: первый уровень – это собственно китайская нация (*чжунхуа миньцзу*) как целое; второй уровень – это 56 *миньцзу* Китая, включая ханьцев; третий уровень включает подразделения [этнические группы. – Е.Б.] внутри *миньцзу* второго уровня²⁵⁸. Нации – члены *чжунхуа миньцзу* – обозначаются тем же термином *миньцзу*, что и сама эта нация, но это разноуровневые понятия. *Чжунхуа миньцзу* – это народ всего Китая, обладающий своей национальной идентичностью (*миньцзу жэньтун*). Более 50 *миньцзу*, составляющих *чжунхуа миньцзу*, – это множественность (*до юань*), сама *чжунхуа миньцзу* – это един-

²⁵⁶ Ван Сиэнь. Даоянь [Вступительное слово]. С. 4.

²⁵⁷ Фэй Сяотун. Гуаньхой хань миньцзу яньцзю дэ исе сяньфа [Некоторые соображения относительно исследований в области ханьской нации]. С. 70.

²⁵⁸ Фэй Сяотун тань "миньцзу" [Фэй Сяотун обсуждает проблему "нации"]. С. 7.

ство (*и ти*)²⁵⁹. Выдвинутая Фэй Сяотунуном концепция дала толчок к работе по изучению проблемы единой нации, став в дальнейшем той идеологической основой, на которой строится современный Китай.

Несмотря на то, что в КНР продолжает «господствовать “партийный” подход к пониманию нации»²⁶⁰, споры, начавшиеся с 1960-х гг. вокруг определения этого термина, предоставили китайским исследователям возможность углубиться в суть проблемы, познакомиться с различными точками зрения зарубежных и отечественных исследователей и отчасти освободиться от догматических подходов прошлых лет. Со временем поиски «правильного» подхода к пониманию нации стали охладевать. Ученые КНР познакомились с распространенным на Западе термином «этническая группа» (*ethnic group*) и с конца 1970-х гг. стали вводить его в употребление, первоначально переведя на китайский язык как *миньцзуюньти* (民族群体). Позже стал использоваться переводной термин *цзуюнь* (族群), как это было принято в научных кругах Тайваня и Гонконга²⁶¹. С 1990-х гг. перевод английского термина «*ethnic group*» на китайский язык как «цзуюнь» становится самым распространенным.

2. Распространение термина «этническая группа» в КНР и его применение на практике

Наибольшее влияние на социальную антропологию Гонконга, Тайваня и материка²⁶², оказало определение этнической группы, данное Максом Вебером, определившим этническую группу – как группу людей, члены которой «обладают

²⁵⁹ Фэй Сяотун. Чжунхуа миньцзудэ до юань и ти гэцзюй // Бэйцзин дасюэ сюэбао. – 1989. – № 4.

²⁶⁰ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. С. 138.

²⁶¹ Хао Шиюань. «Ethnos (миньцзудэ) хэ ethnic group (цзуюнь) дэ цзаоци хань юй инюн [Первоначальное значение и применение терминов «ethnos» (миньцзудэ) и «ethnic group» (цзуюнь)] // Миньцзудэ яньцзю. – 2002. – № 4. – С. 1.

²⁶² У Сяохуа. Лунь «миньцзудэ» юй «цзуюнь» дэ цзедин [О различиях [понятий] «нация» и «этническая группа»] // Гуанси миньцзудэ яньцзю. – 2003. – № 1, – С. 12–16. URL: <http://www.chinesefolklore.org.cn/web/index.php?Page=1&NewsID=7562> (дата обращения 19. 03. 2018).

субъективной верой в общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или по причине общей памяти о колонизации и миграции»²⁶³. В этом определении автор не выделяет такие объективные признаки группового членства, как общий язык, религию, или биологические характеристики. Этническое членство само по себе не обязательно приводит к образованию этнической группы, а только предоставляет ресурсы, которые могут, при определенных обстоятельствах, быть мобилизованы в группу с помощью соответствующей политической акции. Данное Вебером определение «сохраняет свою значимость»²⁶⁴.

В настоящее время в международном научном сообществе принято разделять понятие этноса/этнической группы и нации. Нация²⁶⁵, в отличие от этноса, – надэтническое понятие, под ней подразумевается совокупность граждан одного государства, которые отличаются общегражданским самосознанием, чувством общей исторической судьбы и культурного наследия, многими общими элементами материальной и духовной культуры, а во многих случаях – и общностью языка. В Китае же термин *миньцзу*, который мы, в основном, переводим на русский язык как «нация», используется и в том, и в другом случае. В соответствии со словарем-справочником «Миньцзу цыдянь», нация, в широком смысле слова, обозначает исторически сформировавшиеся человеческие общности различных исторических периодов; совокупность всех народов, населяющих многонациональное государство (например, китайская нация); выступает в качестве общего названия нации внутри одной территории (например, американская, африканская, арабская нации). В узком смысле слова, под нацией подразумевается устойчивая общность, сформировавшаяся в эпоху поднимающегося капитализма, обладающая общим языком, территорией, экономической жизнью и психическим складом,

²⁶³ Цит. по: Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. С. 60.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Тишков В. А. Нация // Народы и религии мира. С. 892.

проявляющимся в общности специфических особенностей национальной культуры²⁶⁶. То есть, в Китае нацией называют как всех жителей Поднебесной, так и многочисленные народы, ее составляющие. В таком случае, по отношению к каким человеческим общностям можно употреблять термин «этническая группа»?

Перед учеными встал сложный вопрос. Так ли необходимо нарушать традицию и вводить новый термин? Ведь к тому времени в китайской этнологии уже сформировалась своя научная традиция с разработанным терминологическим аппаратом, и новое понятие требовало осмысления и прилаживания к уже принятой системе.

Терминологический аппарат китайской этнологии, несмотря на принятие на идеологическом уровне марксистской идеологии и теории нации Сталина, в результате политики, проводимой руководящей партией и осуществления Проекта этнической классификации, приобрел свою специфику. Однако, вливаясь в мейнстрим современной антропологической науки, китайские этнологи не могли игнорировать точку зрения на объект исследования своих западных коллег, который (объект) одновременно является и участником международной политики. Например, в словаре «Жэньлэйсюэ цыдянь» («Антропологическом словаре») под редакцией У Цзэлиня 1991 г. выпуска, построенном на базе американского «Словаря по антропологии» под редакцией Чарльза Уиника, дано понятие этнической группы, в котором соединены социальные и культурные критерии. Границы этнической группы признаются ее членами бессознательно, но, находясь вне группы, они признают единство всех ее членов. Понятие этнической группы может быть использовано для обозначения социальных классов, для разных расовых групп или групп малочисленных народов городского и индустриального общества, а также может быть использовано для дифференциации разных культур и социальных

²⁶⁶ Миньцзу цыдянь [Национальный словарь]. – Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1989. – С. 344–345.

групп среди коренных народов²⁶⁷. Однако, по замечанию У Сяохуа, китайские этнологи, используя термин «этническая группа», стремились дать ему свое определение²⁶⁸. Напримет, Чжоу Дамин считает, что этническая группа – некая группа в относительно большой культурной и социальной системе, которая имеет свои культурные особенности. К наиболее специфическим особенностям относятся: религиозные и языковые, физические, этнические признаки членов этих групп или их предков и их географическое происхождение. Ли Юаньлун в отношении этнической группы выделяет пять основных пунктов: (1) общее происхождение, (2) общая культура и обычаи, (3) общая религия, (4) одинаковая раса или физические особенности, (5) общий язык. Чжан Юцзюань считает, что под этнической группой подразумевается человеческий коллектив, обладающий специфическими культурными особенностями, благодаря которым представители группы идентифицируют себя и их отличают представители других групп; крупными коллективами подобного рода являются расы, нации, небольшими – подразделения внутри нации. Сунь Цзюся предлагает определение термина, в котором перечисляет объективные признаки этнической группы (кровное родство, генеалогия, язык, религия, традиции и др.) и субъективный признак осознания себя в качестве «мы», который по большей части находится в области коллективного бессознательного, но иногда может быть усилен посредством объективных критериев. Сунь Цзюся предлагает использовать это определение в широком диапазоне: его можно применять к слову *нация* в том смысле, какой принят в Китае; оно может также указывать на подгруппу (*миньси*, 民系) в составе *миньцзу*; еще его можно применять к таким группам, как этнические китайцы (*хуажэнь цзуюнь*)²⁶⁹. Пан Чжунин полагает, что под термином *ethnic group* (*ethnie*) в основном подразумевается группа

²⁶⁷ Жэньлэйсюэ цыдянь [Антропологический словарь] / Под. ред. У Цзэлиня. – Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ дэ тушу, 1991. С. 868.

²⁶⁸ У Сяохуа. Лунь «миньцзу» юй «цзуюнь» дэ цзедин [О различиях [понятий] «нация» и «этническая группа»].

²⁶⁹ Сунь Цзюся. Ши лунь цзуюньюй цзуюньжэньтун [О [понятии] этнической группы и этнической идентичности] // Чжуншань дасюэ сюэбао. – 1998. – № 2. – С. 24–31. URL: http://www.360doc.com/content/17/0109/20/28516453_621370283.shtml (дата обращения 19. 03. 2018).

людей, отличающаяся в религиозных верованиях, языке и других культурных характеристиках, которую нельзя еще назвать nation (*миньцзу*). Тем не менее, со временем этническая группа может превратиться в *миньцзу*²⁷⁰. По мнению Сюй Цзешуня, понятие этнической группы не может полностью заменить понятие *миньцзу*. Разница в том, что этническая группа носит культурный характер, а *миньцзу* политический. В реальной социально-политической жизни Китая контраст между культурной спецификой этнической группы и политической спецификой *миньцзу* виден однозначно. Этнические группы не обладают политическими правами, в то время как *миньцзу*, утвержденные Госсоветом, их получают. Коротче говоря, одна этническая группа может являться одновременно одной *миньцзу*, а может и нет; но нация не только может быть названа этнической группой, но может также включать в себя несколько различных этнических групп²⁷¹.

Нажи Билик в начале 1990-х гг. посвятил несколько своих работ исследованию понятия *миньцзу*, указывая на ошибки и предлагая исправить их, «вдохнув в теорию *миньцзу* струю свежего воздуха»²⁷². Большая часть литературы, используемая автором (Б. Андерсон «Воображаемое сообщество», Ф. Барт «Этнические группы и границы», Э. Геллнер «Нации и национализм», Р. Филипсон «Лингвистический империализм» и др.), не была представлена ранее в работах китайских коллег. Перевод и рецензирование этих книг познакомили китайскую научную общественность с ситуацией в мировой науке, поспособствовав дальнейшим исследованиям в Китае. В исследовании теории *миньцзу* и этнической группы Нажи Билик тяготеет к «школе символистов». Нажи Билик рассматривает эти два поня-

²⁷⁰ Цит. по: Ли Чжэньхун. Силь чжунго чэнли 60 няньлай дэ миньцзу дини яньцзю [Исследования определения нации в течение 60-ти лет со дня образования нового Китая]. С. 9.

²⁷¹ Сюй Цзешунь. Лунь цзуюньюй миньцзу [Об этнических группах и нациях] // Миньцзу яньцзю. – 2002. – № 1. – С. 17–18.

²⁷² Ху Хунбао. Лилунь дэ тувэй – «сяньдай бэйцзин ся дэ цзуюньцзяньгоу» ду хоу [Теоретический прорыв – после прочтения книги «Конструирование этнической группы в современной обстановке»] // Миньцзу яньцзю. – 2001. – № 2. – С. 98.

тия на основе семиотического подхода²⁷³, который провозгласил швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр: этническая группа и *миньцзу* рассматриваются китайским ученым в качестве символических структур. Символ является коммуникативным знаком. Идея лингвистического символа возникает на основе образа. Сущность символа как элемента языковой системы – указывать на большее, чем есть он сам. Естественный язык позволяет выразить все то, что выражается в частном виде другими системами. В модели строения лингвистического знака Соссюр определяет два главных его принципа: произвольность [отсутствие естественной связи между означающим (формой) и означаемым (содержанием), которые находятся в субъекте и имеют психическую основу] и линейность означающего языкового знака. По Соссюру²⁷⁴, произвольность – принцип, реализующий основные семиотические свойства языка. Особенность естественного языка как знаковой системы, связанная с принципом произвольности, заключается в характере развития языка: обе стороны лингвистического знака могут изменяться независимо одна от другой. Соссюр подчеркивал необходимость связи означаемого и означающего для того, чтобы можно было говорить о языковом факте, при этом отмечая, что при определении знака ведущую роль играет содержательная сторона, т. е. знак становится двусторонней психической сущностью. Знаки поддерживают свою систему постольку, поскольку между знаками существует некая связующая нить – значимость (ценность). Смысл этой ценности заключается в том, что можно отвлечься от материальных свойств знака и обратиться к неуловимому²⁷⁵. Напомню, что, говоря о знаке, древние использовали формулу *aliquid stat pro aliquot*, то есть «что-то стоит вместо чего-то». Ч. Пирс, американский современник Соссюра, ввел антропоцентрический компонент, используя ко-

²⁷³ О применении семиотического подхода к рассмотрению понятий *миньцзу* и *цзуньцунь* см.: Кочукова Е.А. Переосмысление и изменение терминов в понятийном аппарате современной китайской этнологии // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 162-171.

²⁷⁴ Трактовку понятия «символа» в связи с концепциями Ф. де Соссюра и Ч. Пирса и др. см.: Романовская А. А. Природа античного символа как лингвистического знака // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 39-45.

²⁷⁵ Там же. С. 40

торый, можно представить знаковую ситуацию в общем виде: некто X использует Y для обозначения Z. Y и Z представляют две стороны знака – внешнюю и внутреннюю, форму и содержание, означающее и означаемое. Именно единство означающего и означаемого составляет суть знака.

Основываясь на вышеизложенном, Нажи Билик отмечает, что *миньцзу* на различных этапах истории и на фоне разнообразных культур имеет разное означаемое и смысл. С лингвистической точки зрения, китайское слово «*миньцзу*» является переменным (текущим) символом, находящимся в цепочке означающего; конечной целью является установление одной итоговой, устойчивой смысловой конструкции означаемого. Согласно терминологии Фердинанда де Соссюра, между означающим (формой) и означаемым (содержанием) существует некая связь значений. То есть, означающее проходит через другие означающие потенциальные (скрытые) значения и завершает функцию метонимии (转喻). Например, в Китае *шаошу миньцзу* («малочисленная нация») является означающим *миньцзу*, *миньцзу*, пройдя через аналогичное *шаошу миньцзу* потенциальное означающее, получает «настоящее» основное положение. Такой переход формируется через движение означающего, подчиняющегося принципам ассоциации и комбинации. Иными словами, суть *миньцзу* в ее символическом характере, в разных временах и пространствах это понятие наполняется разным содержанием, что необходимо учитывать при его определении. Трансформируясь, китайское понятие *миньцзу* стало включать в себя такие потенциально означающие, как *шаошу миньцзу*, «ханьцы», *чжунхуа миньцзу* («китайская нация»); поэтому понятие *миньцзу* подразумевает существование основных отличий в таких областях, как религия, культура, привычки и др., а также наделяется таким смыслом, как «национальная автономия», «национальное равенство, национальное единство». Нажи Билик приходит к выводу, что символ *миньцзу* в культуре Китая превратился в метонимию, органический элемент культуры, который указывает на то, что существуют *шаошу миньцзу*, по многим параметрам отличающиеся от ханьцев. Метонимия

символа *миньцзу* основана на современном историческом положении, когда каждый человек сам выбирает желаемую «культурную общность»; основной принцип работы «этнической идентификации» как раз и есть принцип ассоциации и комбинации изменения означающего. В этом понимании, смысловые структуры символов *миньцзу* как локального организма, «политического сообщества», «господствующей национальности страны» находятся в одном ряду.

Нажи Билик делает акцент на том, что *миньцзу* – это сформированная на основании идеи родства и символических средств культурно-политическая общность, а этническая группа – культурно-эмоциональная. *Цзуюнь* соответствует английским словам *ethnic group* и *ethnos*, а *миньцзу* – *nation* и *nationality*²⁷⁶. Однако, китайское слово *миньцзу* (под которым подразумевается *шаошу миньцзу*) еще в недостаточной степени соответствует английскому эквиваленту. *Миньцзу*, по мысли Нажи Билика, – это общность людей, которая формируется в условиях конкретной исторической цивилизации и на определенной территории. Осознание единого кровного родства, вера в общих предков и созданные на этом основании мифы и история являются ядром *миньцзу*. Общий язык, традиции, духовно-материальные символические элементы – это систематические признаки, политическое управление – средство, родовая (клановая) сущность – воображаемое пространство, родовые связи – символическая конструкция²⁷⁷. Говоря об этнической группе Нажи Билик отмечает, что объект, на который указывает термин этническая группа, – это общность людей с устойчивым центром и подвижными границами, обеспечивающая символической силой разнообразные социальные структуры; ее следы можно найти везде, от национальных государств до локальных групп²⁷⁸. Этническая группа обладает как вещественными признаками (язык, одежда, украшения, территория проживания, вероисповедание), так и идеологи-

²⁷⁶ Нажи Билик. Сяндай бэйцзин ся цзуюньцзяньгоу [Конструирование этнической группы в современной обстановке]. С. 125.

²⁷⁷ Там же. С. 95–96.

²⁷⁸ Там же. С.2.

ческими, которые являются продуктом культуры, продуктом политики и символики; их границы могут изменяться параллельно ходу социально-исторических процессов²⁷⁹.

Другой известный китайский исследователь Ма Жун, работ которого мы также касались ранее²⁸⁰, считает, что утверждение одного определения может сковывать наши идеи и мысли и принести больше вреда, чем пользы. Следует признать многообразие этнических явлений и, как следствие, многообразие национальных концепций и соответствующих определений *миньцзу*²⁸¹. Дебаты вокруг определения нации, которое дал Сталин, заставляют сомневаться в универсальности этого определения и пригодности четырех признаков. Ма Жун говорит о том, что возникновение любого понятия имеет социально-исторический контекст. Использовать слово *миньцзу* как однозначный переводный термин – значит упростить представление о сложном человеческом обществе, сложном процессе развития истории и сложном процессе познания²⁸². Между группами, обладающими историей и определенными культурными традициями, и *миньцзу* (nation), которая является политическим субъектом с фиксированной территорией, существует огромная разница. Однако, по мнению Ма Жун, между ними нет непреодолимой пропасти. «Подвергаясь влиянию определенных внутренних и внешних условий, эти два понятия могут взаимозаменяться. Между двумя крайностями (однородными культурными группами и однородными политическими субъектами) существует «континуум» «连续统» [совокупность тесно связанных между собой явлений. – Е.Б.], среди двух концов которого существует многочисленные переходные этапы»²⁸³. Автор имеет в виду, что все этнические группы в любом государстве

²⁷⁹ Там же. С. 40.

²⁸⁰ См. Кочукова Е.А. Переосмысление и изменение терминов в понятийном аппарате современной китайской этнологии. С. 162-171.

²⁸¹ Ма Жун. Гуаньюй миньцзу яньцзю дэ цзи гэ вэньти [Некоторые вопросы в области национальных исследований] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. – 2000. – № 4. – С. 132-143.

²⁸² Ма Жун. Гуаньюй миньцзу дини [Относительно определения нации]. С. 5–13.

²⁸³ Ма Жун. Лицзе миньцзу гуаньси дэ синь сылу – шаошу цзуюньвэньти дэ «цюй чжэнчжи хуа» [Осмысливание новых идей межнациональных отношений – «деполитизация» проблем этнических меньшинств] // Бэйцзин дасюэ

занимают разные позиции в цепи континуума. По мере социально-экономического развития, в зависимости от направления правительственной политики и внешнего влияния эти этнические группы в цепи «континуума» могут двигаться от изначального положения по направлению к любой точке; особенности «политического субъекта», которыми обладает этническая группа, могут либо усиливаться, либо ослабевать. Ма Жун приходит к выводу, что отношения между этническими группами внутри каждой страны являются разнообразными и динамичными, нет единой, устойчивой неизменной формы. Под общим воздействием определенных внешних и внутренних условий количественные изменения могут перерасти в качественные, и тогда этническая группа может превратиться в *миньцзу*. Поэтому так необходимо обсуждать различие слов *миньцзу* и *цзуюнь*. Ма Жун предлагает сохранить формулировку *чжунхуа миньцзу*, но относительно 56 *миньцзу* употреблять термин *цзуюнь* («этнические группы») или *шаошу цзуюнь* («этнические меньшинства»). Автор полагает, что изменение названия «*миньцзу*» на *цзуюнь* позволит более точно отразить реальную национальную структуру в Китае. В том числе, когда в Китае говорят о 56 «нациях» и местном «национализме» (*миньцзучжуи*), и переводят слова *миньцзу* и *миньцзучжуи* на английский язык соответственно *nationalities* и *nationalism*, зарубежным читателям эти слова напоминают по ассоциации о праве на национальное самоопределение, о создании разного рода политических образований и сепаратистских движений в национальных государствах, что может ввести международное сообщество в заблуждение.

Рассуждения Ма Жуна основываются на том, что существуют два политических направления развития этнических отношений: курс политизации и культуризации. При первом курсе этническая группа рассматривается как политическое объединение, подчеркивается ее целостность, политические права и обладание

«территорией». В соответствии со вторым курсом, этническая группа рассматривается как культурная общность, признается некий общий характер ее членов, этнические связи поддерживаются с точки зрения отдельных индивидов, делается акцент на культурных особенностях этнических меньшинств и политических интересах, нет привязки к исторически занимаемой территории, так как происходит процесс естественной миграции населения. В Китае до образования КНР господствовал курс, направленный на культуризацию. В традиционной китайской культуре основное представление о различиях между этническими группами выразилось в концепции «разделение на китайцев и варваров», *«ися чжи бянь»*. Следуя этой концепции, основу различий составляли не телосложение, язык и другие аспекты, а категории ценностей, суть «культурных» различий заключалась в поведенческих нормах. То есть, согласно конфуцианской идеологии, различия между «китайцем» и «варваром» лежат в области культуры и ритуала, а не являются расовыми или национальными. Китайская культура традиционно полагала, что все народы, проживающие в Поднебесной, равны. Поэтому в «Луньюй» (классическом каноне конфуцианского учения) была выдвинута концепция «все люди – братья» (*«сыхай чжинэй цзе сунди»*), которая, по словам Ма Жуна, выдвинула основную идею равенства этнических групп, стерев различия этнических групп по расе, языку, религии, обычаям и прочим показателям. Политика культуризации, способствовавшая «естественной интеграции» этнических групп Китая, продолжалась до 40-х гг. XX столетия.

После образования КНР был принят курс на политизацию этнического вопроса: реализован Проект этнической классификации, образованы региональные автономии, обеспечивающие политические права всем этническим группам, введена льготная политика для этнических меньшинств и т.п. Таким образом, правительство официально юридически узаконило статус каждого гражданина этнической группы, что институализирует этнические группы и этнические границы; любые действия, касающиеся правового положения (изменение «этнического

юридического статуса»), должны быть одобрены правительством. Поэтому Ма Жун предлагает использовать термин «этническая группа» по отношению к 56 «*миньцзу*», чтобы деполитизировать проблему, так как политизация этнического вопроса может привести как к позитивным изменениям, так и негативным (перерастанию этнического самосознания в националистическое движения и сепаратизм)²⁸⁴.

Подводя итог обсуждения термина «этническая группа», можно выделить три общих момента в определениях, данных китайскими учеными этому термину: 1) акцент на объективном общем происхождении, кровном родстве или расе; 2) акцент на единой культурной идентичности (на наличии специфических признаков в языке, религии, нравах и обычаях); 3) выделение этнического самосознания – как основной черты, сознания отличия себя от других групп. Устойчивая общность людей, обладающая этими тремя признаками, и есть этническая группа. По многим критериям понятие этнической группы пересекается и даже иногда дублирует понятие нации в том виде, в каком оно принято в Китае (будь то классическое сталинское определение нации или уже более поздние его варианты), в результате чего и возникают проблемы в осмыслении этих двух терминов.

Еще одним оригинальным рассуждением о китайской специфике концепции *миньцзу* поделился Гун Юнхуэй, вводя понятие диссипативной системы (*хаосань цзегоу*, 耗散结构) из области естественных наук и проводя параллель с «универсальной теоретической моделью» (под которой подразумевается марксизм)²⁸⁵. Прежде чем изложить его мысли, следует начать с самого физического понятия.

Диссипативная система – это устойчивое состояние, возникающее в неравновесной среде при условии диссипации (рассеивания) энергии, которая поступает извне. Специфика диссипативной системы состоит в том, что её существование поддерживается постоянным обменом со средой веществом, энергией

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Гун Юнхуэй. Лун хэсе эр ю чжунго тэсэ вэ миньцзу гайнянь [К вопросу о гармонии и китайской специфике понятия нации]. С. 10–11.

или информацией. При прекращении обмена с внешней средой диссипативная структура разрушается и исчезает. Возникновение порядка в такой системе с количественной точки зрения выражается в уменьшении её энтропии S , т.е. в увеличении информации в открытой системе [S – физическая величина, мера беспорядка (дезорганизации)], но последнее происходит за счет увеличения беспорядка в окружающей среде.

Диссипативные системы отличаются такими свойствами, как открытость, неравновесность и нелинейность. Открытость означает способ обмена с внешней средой. Неравновесность предполагает наличие макроскопических процессов обмена веществ, энергией и информацией между элементами самой диссипативной системы. Нелинейность, т.е. способность к самодействию, благодаря которой малые воздействия могут приводить к далеко идущим последствиям, а большие – к совершенно незначительным. Эта непропорциональность зависимости состояния системы от состояния среды делает такие системы, с одной стороны, исключительно устойчивыми по отношению к крупномасштабным неблагоприятным воздействиям, а с другой стороны – необычайно чувствительными к очень незначительным колебаниям состояния среды определенного сорта. Система может при этом испытывать глобальный качественный сдвиг в определенном направлении, причинно никак не связанный с характером тех малых воздействий, которые среда оказывает на систему. Из этого следует, что благодаря нелинейности диссипативные системы обладают весьма непредсказуемым характером, резко отличающим их от обычных линейных систем. Гун Юнхуэй считает, что теория диссипативной системы с точки зрения естественных наук обосновывает глубокое философское содержание. Он применяет эту философию к исследованию деконструкции «универсальной теоретической модели» (марксистской теории нации) и рассматривает развитие положения марксистской теории нации в Китае.

Гун Юнхуэй приравнивает марксистскую теорию нации к открытой диссипативной системе. В Китае марксистская теория нации осуществлялась на прак-

тике Коммунистической партией, став тем самым отправной точкой. Получая проверку на практике, она прокладывала свои пути развития. Тем самым деконструкция замкнутой системы и разнообразные искания и споры вокруг теории стимулировали «уменьшение энтропии» диссипативной системы, что вело к повышению жизнеспособности марксистской теории нации. Однако, постепенно марксистская «универсальная теоретическая модель», потеряв доминирующее положение, стала закостенелой централизирующей догматической рамкой. Некоторые устаревшие, необязательно соответствующие историческим реалиям китайских национальных сообществ и считающиеся отсталыми точки зрения (например, сталинское определение нации) формально заняли место ведущей идеологии. Следуя мысли Гун Юнхуэйя, диссипативная система, которой является марксистская теория нации, перестав обмениваться с внешней средой, должна двигаться к разрушению и исчезновению. Поэтому очередная волна обсуждения понятия нации и введение нового термина «*цзуюнь*» для обозначения этнической группы повышает жизнедеятельность самой марксистской теории нации.

Гун Юнхуэй считает, что необходимо выработать определение *миньцзу* с китайской спецификой, которое должно отвечать следующим условиям: прежде всего, не противоречить языку государственной правовой системы; во-вторых, соотноситься с привычным использованием; в-третьих, объединять различные выразительные формы древнего понятия *миньцзу*. Учитывая это, Гун Юнхуэй предлагает рассмотреть следующее определение: *миньцзу* – это самоорганизующаяся система, в которой люди, подвергаясь сложному влиянию общества, за счет исторического происхождения, реальных интересов и других многочисленных способов идентификации, формируют характерные этнонимы и соответствующую культурную модель²⁸⁶.

Рассуждая о понятии этнической группы, автор применяет математическое понятие – фрактал (многолокальное и многоуровневое подобие самому себе). Ос-

²⁸⁶ Там же. С. 13.

новываясь на фрактальной идее, *миньцзу* можно определить, как людей, которые под действием сложной социальной системы группируются в признанную общность, часто обладая такой особенностью, как «единство в многообразии». В Китае, – продолжает автор, – китайское понятие *миньцзу*, обладающее «единством в многообразии», принимается за фрактальную систему широкого значения. Многоярусное вложенное множество самоподобия является особенностью фрактальной системы. Применение понятия «этнической группы» также имеет симметричное проявление: одни ученые часто «этническими группами» называют ответвления *миньцзу*, другие ученые «этническими группами» называют 56 *миньцзу*. Самоподобие многоярусного вложенного множества обнаруживается и в понятии *миньцзу* и в понятии этнической группы. Самоподобие этнической группы и китайского понятия *миньцзу* может оставаться без изменений при изменяющихся предпосылках множества точек зрения. Например, если смотреть с точки зрения культуры и политики, то можно увидеть подобного рода самоподобие. Сейчас распространено мнение, что понятие нации делает акцент на «политическом характере» общности, а этническая группа на «культурном», и это имеет под собой основания. Но между этими понятиями есть сходство, которым нельзя пренебречь. Соотношение политического и культурного характера каждого в отдельности понятия (*миньцзу* и *цзуюнь*) подобно инь и ян: они противоположны, но в тоже время порождают друг друга²⁸⁷.

Как мы видим, результаты новых научных подходов и определений в 1990-е и 2000-е гг. достаточно плодотворны и разнообразны. В 2005 г. Центральный комитет партии и Государственный совет дали новое объяснение понятию нации, получившее одобрение ученых. «*Миньцзу* – сформировавшаяся на определенном этапе исторического развития устойчивая общность людей. В общем, нация имеет единые черты в историческом происхождении, языке, культуре, способе производства, нравах и обычаях, психологии и в других областях. В процессе формиро-

²⁸⁷ Там же. С. 12.

вания и развития некоторых наций важную роль играет религия»²⁸⁸. Нельзя не согласиться с мнением Ли Чжэньхуна, что такие формулировки, как «определенный исторический этап», «в общем», «некоторые нации», «в других областях», запутывают формулировку, но в то же время оставляют обширное пространство для дальнейшего исследования определения нации. Он считает, что подобная формулировка понятия выражает политическую мудрость партии и руководителей страны, соответствует реальностям национального вопроса в стране. Новое определение – это определение, которое после реформ открытости, на основе идеи «освободить мысль, искать истину из фактов» («解放思想, 实事求是»), непрерывно дискутировалось в научных кругах, а потому выразило характеристику эпохи, являясь выражением прогресса китайского общества²⁸⁹.

Если говорить о прогрессе, то не лишним будет проверить значение терминов *миньцзу*²⁹⁰ и *цзуюнь*²⁹¹ в китайской онлайн-энциклопедии «Байду байкэ», которая в настоящее время активно используется для поиска справочной информации. Данный ресурс существует с 2006 г. и представляет аналог Википедии; цель его – в создании площадки по сбору информации на китайском языке, охватывающей все области знаний. Содержание статей перед публикацией цензурируется. В Байду указывается, что китайский термин *миньцзу* соответствует таким английским словам как, «ethnic group», «nation» и другим. В качестве *миньцзу* рассматривается группа людей, которая объективно отличается от других по культуре, языку, истории или религии. В силу исторических причин, как в одной стране могут проживать различные *миньцзу*, так и представители одной *миньцзу* могут проживать в разных странах. Кровное родство, культура, общая историческая па-

²⁸⁸ Цит. по: Ли Чжэньхун. Синь чжунго чэнли 60 няньлай дэ миньцзу дини яньцзю [Исследования определения нации в течение 60-ти лет со дня образования нового Китая]. С. 10.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Миньцзу (цзин чанци лиши фачжань эр синчэн дэ взньдин гунгунти) [Нация (устойчивая общность, сформированная в результате длительного исторического развития)] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%B0%91%E6%97%8F/665> (дата обращения 24.03.2018)

²⁹¹ Цзуюнь [Этническая группа] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%97%8F%E7%BE%A4> (дата обращения 24.03.2018)

мять, язык, письменность являются основными признаками сформировавшейся *миньцзу*. К особенностям *миньцзу* в Байду относятся два пункта:

1. *Миньцзу* должна обладать четырьмя основными признаками: общим языком, территорией, экономической жизнью и психическим складом. Эти признаки взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены.
2. У каждой *миньцзу* есть политические, экономические, культурные, психические, языковые, религиозные и другие особенности, которые формировались и менялись на протяжении длительного периода исторического развития.

Мы видим, что используется сталинское определение нации, между тем, в тексте нет никаких упоминаний об этом. Термин *миньцзу* традиционно применяется для обозначения этнических общностей всех социально-экономических формаций.

По термину *цзуюнь* на сайте Байду приводится следующая информация. *Цзуюнь* (английский эквивалент «ethnic group» или «ethnicity») – это один из способов классификации в человеческой истории, деление на «мы» и «они». Значение термина *цзуюнь* на протяжении 20-го столетия изменялось, изначально имело то же значение, что и «малочисленная нация» или *шаошу цзуи* (малочисленная народность, 少数民族), впоследствии культурные особенности отошли на второй план, и в соответствии с самой современной точкой зрения, *цзуюнь* рассматривается как результат социального процесса. *Цзуюнь* может разделять «своих» и «чужих» на «объективных» и «субъективных» основаниях.

Далее приводятся два определения термина *цзуюнь*:

1. в этнологии *цзуюнь* обозначает некое национальное сообщество (民族的集合体), которое также можно назвать *цзутуань* (族团, этническая общность, этнос), члены которого находятся в территориальной близости, обладают схожим языком, происхождением и культурой. Например: чжунхуа *миньцзу* мож-

но разделить на хуася, юэ, мяо, яо, тюрков, монголов, чжурчжэней и другие *цзуцюнь*;

2. *цзуцюнь* – это группа, сформированная в определенное время, в определенном месте и определенными живыми организмами. Если рассматривать в большом географическом масштабе, то на Земле столько же *цзуцюнь* сколько государств, при этом каждая *цзуцюнь* может быть разделена еще на множество *цзуцюнь* (например, в тайваньскую *цзуцюнь* входит *цзуцюнь*, проживающая в Тайбэе). Одна *миньцзу*, как правило, содержит в себе более одной *цзуцюнь*, а каждая *цзуцюнь* обычно включает в себя несколько *миньси* (часть/ответвление *миньцзу*).

В завершении текста онлайн-энциклопедии, посвященного термину *цзуцюнь* приводится современная классификация, где термин *цзуцюнь* применяется к таким группам как: Н 族 (High, Healthy, Honest, Harmony, Honey, Hope, Handsome) – (включает приверженцев здорового, комфортного, свободного образа жизни, сформировавшаяся под влиянием североамериканской культуры), 奔奔族 – *бэньбэньцзу*, или суетящиеся (китайцы, рожденные в 1980-х, которые все время торопятся и суетятся, потому что живут в условиях высокой социально-экономической конкуренции), 慢活族 – *маньхоцзу*, или неторопливо живущие (для людей этой группы характерен спокойный стиль жизни, они отказываются от вечной борьбы и живут в свое удовольствие, стремясь к комфортной семейной жизни и неспешному проведению досуга), SOHO 族 (люди, которые работают дома или в небольшом офисе) и многие другие. Такие группы, обладающие своей системой ценностей, манерой поведения, особенностями одежды и другими характеристиками, мы обычно относим к субкультурам. В тексте не дается ссылок на специализированную литературу, информация по терминам скорее запутывает, чем способствует прояснению. Вполне возможно, что подавляющее большинство китайской молодежи 21 века, которая привыкла пользоваться интернетом, не име-

ет четкого представления о различиях между терминами *миньцзу* и *цзуюнь*, тех, которые очевидны для специалистов.

Новый для Китая термин «этническая группа» постепенно приживается, хотя так и не получил широкого распространения. По запросу на 4 апреля 2005 г., как отмечает Гун Юнхуэй, в китайскую базу данных периодики по философии, гуманитарным наукам и социологии входят 260 статей, название которых содержит слово «этническая группа». Однако, проанализировав содержание этих статей, автор приходит к выводу, что ученые, использующие понятие «этническая группа», в основном сосредотачиваются на реальных национальных проблемах, и, говоря об этнических группах, обычно упоминают признаки, присущие понятию *миньцзу*. За период с 1949 по 2005 гг. Гун Юнхуэй в этих же областях науки обнаружил 31762 статьи, в заголовках которых присутствует слово «*миньцзу*»²⁹².

В настоящее время словосочетание *миньцзу шиу* в названии «Государственного комитета по делам национальностей», которое с 1950-х гг. до конца 1990-х гг. переводилось на английский язык как «nationality affairs», сейчас переводится как «ethnic affairs». В речах китайских правительственных лидеров слово *миньцзу* переводится иногда как ethnic group, иногда как nationality. В названиях китайских университетов, занимающихся национальными проблемами, слово *миньцзу* традиционно переводится на английский язык как nationality (Southwest University for Nationalities, Guangxi University for Nationalities, Dalian Nationalities University и другие). В то же время есть университеты, которые в названии термин «*миньцзу*» не заменяют на английский эквивалент: Minzu University of China, Yunnan minzu university.

Соотнести в Китае теорию этнических групп с теорией нации – задача очень сложная. Теория нации, по мнению Ху Хунбао, как будто выражала мысли, тщательно сохраняемые частью людей, придерживающихся традиционных

²⁹² Гун Юнхуэй. Лун хэсе эр ю чжунго тэсэ вэ миньцзу гайнянь [К вопросу о гармонии и китайской специфике понятия нации]. С. 11-12.

взглядов, и теория этнических групп в этом случае является отклонением от принципов, канона. В научных кругах Китая понимание нации весьма далеко от принятого на Западе и его использование нельзя назвать нормативным. Возникает впечатление, что в специальных сочинениях на тему традиционной для Китая теории нации, авторы даже несколько свысока относятся к «теории этнических групп», принимая ее за «иной сорт»²⁹³. Вопрос в том, стоит ли вообще использовать новый термин и пытаться приспособить его к уже устоявшейся системе понятий? Чжоу Сюйфан полагает, что неуместно переводить *миньцзу* как *nationality*, так как западные ученые, используя термин *nationality*, имеют в виду признание суверенного положения и политическую независимость группы. Перевод термина *миньцзу* как «нация» и «nation» приемлем только в том случае, если речь идет о *чжунхуа миньцзу*, то есть о китайской нации в целом. Использовать его в качестве эквивалента словосочетанию «малочисленная нация» и уж тем более переводить его как «этническая группа» не верно, так как в этом случае окажется, что в Китае больше этнических групп, чем 56, и тогда весь Проект этнической классификации будет поставлен под сомнение²⁹⁴. Для китайских ученых, в принципе, не является проблемой использовать термин *миньцзу* как для обозначения китайской нации, так и для 55 входящих в нее малочисленных наций и титульного большинства хань. Для обозначения групп, аналогичных этнической группе, входящих в состав малочисленных наций, китайские исследователи используют термины «*цзуту*», «*миньси*», или «...*жэнь*».

Очевидно, что разобраться с китайской терминологией и сопоставить с привычными нам терминами, – в наших интересах, так как отсутствие равнозначных понятий затрудняет восприятие текста на китайском языке и ведение учеными диалога.

²⁹³ Ху Хунбао. Лилунь дэ тувэй – «сяньдай бэйцзин ся дэ цзунюньцзяньгоу» ду хоу [Теоретический прорыв – после прочтения книги «Конструирование этнической группы в современной обстановке». С. 100.

²⁹⁴ Чжоу Сюйфан. «1998 нянь “миньцзу” гайнянь цзи сянгунь лилунь вэньти чжуаньти таолунь хуэй» цзуншу [Обзор семинара, посвященного понятию “нации” и связанных с ним теоретических вопросов, состоявшегося в 1998 г.].

Заключение

В диссертационной работе предпринята попытка выявить специфику китайского термина *миньцзу*, который со временем, в силу различных обстоятельств, превратился в особый концепт в китайской культуре, что, в свою очередь, позволяет в ряде случаев оставлять его без перевода.

На протяжении XX столетия понятие *миньцзу*, первоначально указывавшее на народ, этнос, стало охватывать бóльшую концептуальную область. Проведенное автором исследование позволяет выделить несколько этапов, когда содержание понятия *миньцзу* наполнялось новыми смыслами.

Первый этап приходится на начало XX столетия, когда термин *миньцзу* употреблялся в значении «этнос», «народ». Первыми, кто в Китае употребил термин *миньцзу* в этом значении, были Ван Тао, Лян Цичао, Сунь Ятсен и другие политические мыслители и известные деятели революционного движения. В это же время в Китае имеет хождение термин *чжунхуа миньцзу* («китайская нация»), который у одних авторов обозначал совокупность народов страны, у других же выступал в качестве эквивалента «ханьской нации». Концепцию единой китайской нации для обозначения нации политической использовал лидер партии Гоминьдан – Чан Кайши.

Необходимость выделения второго этапа связана с проникновением в Китай марксистской теории нации и понятийного аппарата «русской марксистской теории нации». В это время китайские коммунисты знакомятся с работами К.Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и И.В. Сталина. Термин *миньцзу* стал соответствовать понятию нации, определение которой дал И.В. Сталин.

Осуществление Проекта этнической классификации населения после образования КНР в 1949 г. позволяет говорить о третьем этапе, во время которого термин *миньцзу* приобретает дополнительное значение. Изначально предполагалось, что этническая классификация будет выстраиваться в соответствии со сталинским

определением нации. Однако, ученые пришли к выводу, что определение нации Сталина было слишком жестким, и, в случае его буквального применения, на статус наций могли бы претендовать всего несколько групп. По теории Сталина, в докапиталистический период не было наций, они формируются только в период поднимающегося капитализма. Таким образом, любым докапиталистическим группам отказывается в статусе полноценных наций. Но поскольку капитализм еще не приобрел в Китае законченных форм, получалось, что все этнические общности являлись не нациями, а народностями, находившимися на стадии между племенем и нацией, потому что Китай с 1840 до 1949 гг. рассматривался коммунистами как полуфеодальное, полуколониальное, докапиталистическое общество. Выход был найден: Мао Цзэдун дал указание, что в политическом отношении не нужно дифференцировать этнические общности на нации, народности и племена. Иными словами, ко всем народам, населяющим Китай, следовало применять термин *миньцзу* вне зависимости от их социально-экономического развития. Китайские этнологи, участвовавшие в *Миньцзу шибе*, указывали, что нельзя просто использовать признаки современных наций, предложенные Сталиным в качестве критериев различий, так как неханьские народы в Китае находятся на различных стадиях социального развития. Нельзя найти один простой и универсальный критерий, применение которого способствовало бы определению межгрупповых различий. Поэтому любая значительная особенность, в той или иной степени объединяющая людей в одно сообщество, заслуживает внимания. Такая «вольность» при проведении этнической классификации допускалась по нескольким причинам. Во-первых, правительство не могло предоставить места в высшем законодательном органе (ВСНП) представителям всех народов, выявленных во время переписи населения в 1953 г., которых оказалось более четырехсот. Во-вторых, правительство не могло выполнить обещания развивать местные письменные языки, обучать кадры на родных языках, создавать автономные территории и находить вакансии в правительственных учреждениях для представи-

телей всех народов. Поэтому было принято решение ограничиться таким количеством этнических общностей, которым было бы удобно управлять. Эти категории должны быть взаимоисключающими, не слишком дробными и основанными на местных реалиях, с тем, чтобы быть принятыми населением. По итогам Проекта этнической классификации правительством было утверждено 56 *миньцзу*, которые стали субъектами национальной политики.

На четвертом этапе происходит развитие идеи единой китайской нации *чжунхуа миньцзу*. К ней, как к важнейшему средству консолидации общества, китайское руководство обратилось в 1980-е гг., когда значительно обострились межнациональные отношения. Нация *чжунхуа миньцзу* была призвана стать символом единства страны и ее народов. Иными словами, *миньцзу* отныне являлись все жители Поднебесной.

Таким образом, понятие *миньцзу* стало включать в себя как этнический, так и политический компонент. В китайскую нацию *чжунхуа миньцзу* вошли 55 малочисленных наций *шаошу миньцзу* и большинство хань. Китайские этнологи не видели в этом противоречий до тех пор, пока в 1980-х гг. не столкнулись с понятийным аппаратом западной антропологии, где присутствовали такие слова как «этнос» и «этническая группа». Казалось бы, знакомство с западной литературой, с новыми направлениями в мировой антропологической науке, должно было «освободить» мышление китайских этнологов, скованное догмами марксизма-ленинизма и сталинского определения нации, что мы наблюдали на примере отечественной науки после распада СССР, когда многие ученые-этнологи, воспитанные в духе советской этнографии, становились приверженцами новых теоретических направлений. Тем не менее, несмотря на экономический и технологический прогресс, на идеологическом уровне Китай остался прежним. Китайская этнология даже вошла в фазу «самоосмысления», где открытость страны явилась предпосылкой для нативизации (от англ. native — «коренной», «уроженец») — процесса развития данной науки на основании

собственных идеологических установок и теорий, одной из которых является использование термина *миньцзу*, ставшего особым концептом в китайской культуре. Несмотря на то, что в работе мы подробно не останавливались на философском аспекте термина *миньцзу*²⁹⁵, тем не менее, о нем следует сказать отдельно. Здесь, прежде всего, речь должна идти о традиционном китайском образе мышления, которому свойственно рассматривать все вещи и явления исходя из воззрения на мир, основанного на традиционном учении о дуализме инь и ян и трансформированного Мао Цзэдуном применительно к явлениям реального мира в соответствии с законами материалистической диалектики. Мао Цзэдун в философской работе 1937 года «Относительно противоречия»²⁹⁶ анализирует явление противоречия и, в первую очередь, выделяет «всеобщность» противоречия и его «специфичность». В соответствии с его теоретическим учением, любому объекту и явлению в мире внутренне присущи противоречия, которые служат причиной их развития и трансформации. Иными словами, внутренние противоречия выступают в качестве «двигателя» развития, на основании чего Мао Цзэдун приходит к следующему заключению: «Всякое расхождение в человеческих понятиях следует рассматривать как отражение объективно существующих противоречий. Объективные противоречия, отражаясь в субъективном мышлении, образуют противоречивое движение понятий, движут развитием человеческой мысли, непрестанно разрешают вопросы, которые встают перед человеческой мыслью»²⁹⁷. Вторым важным моментом, о котором говорил Мао Цзэдун, является специфичность противоречия, содержащейся в объектах научного исследования, исходя из чего противоречия должны разрешаться различными методами²⁹⁸. С точки зрения

²⁹⁵ См.: Закурдаев А. А. Национальная идентичность как продукт управляемых этнических процессов в КНР. С. 306–326.

²⁹⁶ Мао Цзэ-дун. Относительно противоречия: соч. в 4 т. – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – Т. 2. – С. 407–469.

²⁹⁷ Там же. С. 419.

²⁹⁸ Там же. С. 422–440.

материалистической диалектики понятие *миньцзу* является многозначным и противоречивым в силу изменчивой природы самого объекта, к которому этот термин применяется. Противоречие между этническими общностями, населяющими Китай, разрешались различными методами, применявшимися во время осуществления *Миньцзу шибе*, который, в свою очередь, послужил условием изменения объекта исследования. Проект позволил упростить этническую структуру населения страны, повлияв на решение практической задачи управления многоэтническим населением.

Китайская этнология обладает спецификой в силу господства идеологии марксизма-ленинизма и в применении на практике приобретенных этнологических знаний. Политическая обстановка в Китае за последние сто лет вынуждала китайских учёных уделять больше внимания практической стороне, в результате чего учёные были склонны видеть в этнологии скорее практический инструмент, находящийся на службе у общества, нежели область научных исследований. Китайская этнология – это прежде всего наука управлять народами, для того чтобы в границах одного исторически сложившегося государства (Китая) была сформирована единая, живущая по закону естественного развития, общность цивилизованных людей. Следуя мысли А.А. Закурдаева, изложившего свой взгляд на китайскую национальную идентичность через призму традиционного диалектического мировоззрения, можно сказать, что формирование единства – это внутренний процесс, затрагивающий все сферы китайской жизни. Историческое стремление к единству – это стремление защитить китайцев от внутренних конфликтов. Это есть то, что принято называть китайским холизмом. Чтобы не идеализировать единство, а воспринимать его как практическую цель, китайцу нужен провоцирующий фактор (фактор дуализма). Он присутствует везде и тоже, как и холизм, – исторически сложившийся в китайской культуре феномен. Китайцу крайне важно знать, чем отличается одно явление от другого, понять, имеет ли место разнообразие и каковы его масштабы. Проведение *Миньцзу шибе* позволило китайскому

правительству выявить масштабы этнокультурного разнообразия и в итоге – упростить этническую структуру населения страны. В результате осуществления Проекта были выделены 56 *миньцзу*.

Идея, заложенная в Проекте этнической классификации, предполагавшая унификацию населения по этническому признаку, отнюдь не уникальна в истории китайской цивилизации. Следование формуле «от разнообразия к единообразию», так или иначе, имело место в Китае в разные эпохи. В VIII-III веках до н.э. в стране был период так называемого «состязания ста школ» (诸子百家 или 百家争鸣, «щебетание», «дискуссия»), который характеризовался политической раздробленностью, социальной нестабильностью и появлением самых разных философско-политических доктрин и учений. В III веке до н.э. в результате серии завоевательных войн произошло объединение Китая правителем царства Цинь – Цинь Шихуаном (258-210 гг. до н.э.). Из всех существовавших доктрин им была выбрана одна – легизм, а последователи других подверглись гонениям или уничтожению. Следующая за Цинь династия Хань (202 г. до н.э.-220 г. н.э.) отличалась высокой степенью терпимости к различным учениям. Однако эта терпимость не означала вседозволенности, она ограничивалась требованием не противостоять, а дополнять учения, получившие статус государственных (учение Конфуция и Хуан-ди–Лао-цзы). В 618 г. длительный период раздробленности Китая сменился объединением страны под властью династии Тан (618-906 гг.). В это время наблюдается расцвет буддизма, окончательно формируется даосизм, распространяются иностранные вероучения. В раннетанский период буддизм был, в сущности, господствующим идейным течением, сформировалось несколько оригинальных школ и сект. Тем не менее, танские императоры стремились использовать институты и ценности буддизма в своей административной практике и при разработке сакральной символики империи. Распространение зороастризма, несторианства и манихейства не вызывало противодействия, однако, будучи объявленными «тремя варварскими учениями», они не смогли пустить прочные корни на китай-

ской почве. Несмотря на то, что в обыденном общественном мировоззрении даосизм, конфуцианство и буддизм тесно переплетались, незыблемость конфуцианства в сфере официальной государственной жизни оставалась для танских императоров бесспорной.

В связи с этим стремление претворять разнообразие в однообразии фактически стало инструментом политики, в том числе и национальной, КНР. В 1956 г. Мао Цзэдун, желая выявить разнообразие мнений и позиций, провозглашает курс «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают (или «щебечут») сто школ» (百花齐放, 百家争鸣). Результатом этого явились чистки, корректировка этих позиций, политический курс обрел единообразное содержание.

Китайскому специалисту нужно четкое понимание, чем отличается одна этническая культура от другой, чтобы на базе этого содействовать выстраиванию социально-культурных процессов таким образом, чтобы быть ближе в реализации единения китайского народа. И это единство символически воплощается в ключевом термине *миньцзу* («нация»).

Первым, кто попытался применить западные этнологические понятия к концепции *миньцзу*, был профессор Фэй Сяотун. Он не призывал отказаться от этого термина или рассматривать его только в одном значении. Напротив, он предложил такую структуру китайской нации, в центре которой находится понятие *миньцзу*. Фэй Сяотун представляет *чжунхуа миньцзу* как уровни трех порядков: первый уровень - это собственно китайская нация (*чжунхуа миньцзу*) как единое целое; второй уровень - это все 56 наций (*миньцзу*) Китая, в том числе ханьцы; третий уровень включает подразделения внутри национальностей второго яруса. Этнические группы, проблема идентификации которых еще не решена, по мнению Фэй Сяотуна, относятся также к третьему уровню *чжунхуа миньцзу*²⁹⁹.

Впоследствии появились другие теории, позволявшие встраивать

²⁹⁹ Фэй Сяотун тань "миньцзу" [Фэй Сяотун обсуждает проблему "нации"] // Миньцзу туаньцзе. 1986. N 6. С. 7.

нацию/этническую группы в традиционную для Китая схему диалектического происхождения явлений, в соответствии с которой отсутствие четкой терминологической дифференциации между этнической группой/этносом и нацией указывает на их единство и принадлежность к одной изменяющейся форме *миньцзу*. Идея изменяющейся формы *миньцзу* лежит в основе семиотического подхода, которым пользовался в своих рассуждениях Нажи Билик. С лингвистической точки зрения, китайское слово *миньцзу* является переменным (текучим) символом, находящимся в цепочке означающего; конечной целью является установление одной итоговой, устойчивой смысловой конструкции означаемого. Иными словами, суть *миньцзу* в ее символическом характере, в разных временах и пространствах это понятие наполняется разным содержанием, что необходимо учитывать при его определении.

В период, когда этнографическая наука Китая и СССР шли рука об руку, перевод термина *миньцзу* на русский язык не вызывал проблем, будь то «нация» или «этнос», чего нельзя сказать о современном этапе, когда в понятийный аппарат российской этнологии вошли новые термины и понятия, заимствованные у западных коллег. Нам сейчас следует более внимательно относиться к переводу специальных китайских терминов и не пытаться их «подгонять» под привычные нам понятия. А в некоторых случаях, как с термином *миньцзу*, значение которого меняется в зависимости от контекста, его можно и вовсе оставлять без перевода, как в последнее время поступают некоторые западные авторы.

Переводчикам-китаистам все время нужно помнить, что в погоне за точной, научной передачей смысла, можно проглядеть специфику, которой обладает термин *миньцзу*. На это указывал еще известный российский синолог Василий Михайлович Алексеев, который в дневниках своего путешествия по старому Китаю писал, как ему ненавистны любители перелицовывания китайского текста на удобный европейский лад: «У китайца при чтении осознаются веками

заложенные ассоциации. Интуиция его идет к интуиции автора, устраняя форму, которая европейца ставит в тупик. <...> Надо этому [китайскому] языку сообщить переводную формулу, подготовить читателя к пониманию китайского мира (хотя бы путем предисловий и комментариев) <...> С помощью предисловий, комментариев и даже прямого перефразирования наиболее трудных мест надо стараться перебросить мост между китайцем поэтом и русским читателем. Но «мост» не должен задевать «здание» – произведение должно оставаться нетронутым»³⁰⁰. Термин *миньцзу* полезен и необходим, и, следовательно, должен быть определен, поскольку «право на существование» термина определяется его инструментальной ценностью.

На наш взгляд, термин *миньцзу*, являясь особым концептом в китайской культуре, не нуждается в переводе на русский язык, когда речь идет о 56 *миньцзу*, выявленных в результате Проекта этнической классификации, так как здесь он не соответствует в полной мере значению терминов «этническая группа», «нация» или «этнос», как привыкли понимать их мы.

В XXI веке этнология активно развивается во всем мире, появляются новые направления исследования, методология, теоретические разработки и т.д. Китай, долгое время находившийся в изоляции и варившийся в собственном «соку», смог легко интегрироваться в мировую антропологическую науку, продемонстрировав независимость мышления жителей Поднебесной.

³⁰⁰ Алексеев В.М. В старом Китае. Дневники путешествия 1907 г. – М.: Изд. вост. лит., 1958. – С. 196.

Приложение 1

Данные VI Всекитайской переписи населения 2010 г.³⁰¹

<i>миньцзу</i>	Численность
ханьцы	1,220,844,520
чжуаны	16,926,381
маньчжуры	10,387,958
хуэй	10,586,087
мяо	9,426,007
уйгуры	10,069,346
туцзя	8,353,912
и	8,714,393
МОНГОЛЫ	5,981,840
тибетцы	6,282,187
буи	2,870,034
дун	2,879,974
яо	2,796,003
корейцы	1,830,929
бай	1,933,510
хани	1,660,932
казахи	1,462,588
ли	1,463,064

³⁰¹ Ди лю цы жэнькоу пуча шуцзюй – чжунго гэ шаошу миньцзу дэ жэнькоу цинкуан [Данные VI Всекитайской переписи населения по каждой шаошу миньцзу]. URL: <http://blog.renren.com/share/145623038/13842578271> (дата обращения: 14. 03. 2018).

дай	1,261,311
шэ	708,651
лису	702,839
гэлао	550,746
дунсян	621,500
гаошань	4,009
лаху	485,966
шуй	411,847
ва	429,709
наси	326,295
цян	309,576
ту	289,565
мулао	216,257
сибо	190,481
киргизы	186,708
дауры	131,992
цзинпо	147,828
маонань	101,192
салары	130,607
булан	119,639
таджики	51,069
ачан	39,555
пуми	42,861

эвенки	30,875
ну	37,523
цзин	28,199
цзино	23,143
палаунг (дэан)	20,556
баоань	20,074
русские	15,393
желтые уйгуры	14,378
узбеки	10,569
мэньба	10,561
орочоны	8,659
дулун	6,930
Нанайцы (хэчжэ)	5,354
татары	3,556
лоба	3,682

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Книги и статьи

на русском языке:

Алексеев В. М. В старом Китае (Дневники путешествия 1907 года). – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – 311 с.

Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне: Монография. – М.: ИНФРА – М, 2012. – 416 с.

Борох Л. Н. Идеи западного либерализма в восприятии Лян Цичао // Общественно-политическая мысль в Китае (конец XIX- нач. XX в.). – М.: Наука, 1988. – С. 76–100.

Борох Л. Н. Общественная мысль Китая и социализм (начало XX века) / Л. Н. Борох. – М.: Наука, 1984. – 300 с.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1973. – 285 с.

Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории) / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1981. – 393 с.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» / Р. Брубейкер, Ф. Лупер // *Ab Imperio*. – 2002. – № 3. – С. 61–115.

Бурькин А. А., Добронравин Н. А., Попов В. А. К вопросу о факторах формирования и методах конструирования этнической идентичности. Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – 476 с.

Бучатская Ю. В. Нация и идентичности в Германии: регионализм/национализм/стили жизни // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 115–132.

Галенович Ю. М. Что такое «чжунхуа миныйцу» и что такое «чжунго» // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тез. докл. IV Междунар. науч. конф. (Москва, 6-8 окт. 1993 г.). – М.: ИДВ РАН, 1993. Ч. II. – С. 115–117.

Гельбрас В. Г. Китайская Народная Республика: возрождение национальной идеи // Национальная идея: история, идеология, миф / ИСП РАН; Отв. ред. Г.Ю. Семигин – М.: Современная экономика и право, 2004. – С. 247-264.

Гулдин Г. Антропология под другим именем: эффект «старшего брата» // Этнографическое обозрение. – 1994. – № 1. – С. 91–101.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – СПб.: ООО «Издательский Дом “Кристалл”», 2001. – 642 с.

Дикарев А.Д. Демографические проблемы национальных меньшинств Китайской Народной Республики. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 176 с.

Ефимов Г. В. К вопросу об образовании китайской нации // Вопросы истории. – 1953. – № 10. – С. 65–78.

Закурдаев А. А. Национальная идентичность как продукт управляемых этнических процессов в КНР // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 306–326.

Иванкова Т. А. Китайская региональная разновидность английского языка: определение и лексические особенности // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2007. – Вып. 7. – С. 236–240.

Кадыров Ш.Х. и др. Этнос и этносы. Очерки по теории и методологии. М., 2012. – 50 с.

Кочукова Е. А. Переосмысление и изменение терминов в понятийном аппарате современной китайской этнологии // Этнографическое обозрение. – 2012. – № 2. – С. 162–171.

Кочукова Е. А. К вопросу об истории классификации народов в КНР // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 6. – С. 108–124.

Кочукова Е. А. Особенности этнической классификации народов в КНР (по материалам работ Фэй Сяотуна) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 1. – С. 58–63.

Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 6. – М.: Наука, 1976. – С. 42–63.

Крюков М. В. Китайцы глазами соседей: к типологии этнических наименований // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тез. докл. – М.: Наука, 1981. Ч.2. – С. 30–41.

Крюков М. В. О компонентах этнического самосознания древних китайцев и их эволюции // Пятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. – М.: Наука, 1981. Ч.2. – С. 173–179.

Крюков М.В. Китайские ученые о проблемах теории этноса // Советская этнография. – 1984. – №4. – С. 144–151.

Крюков М.В. Этнографические исследования в КНР: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН, 1986. – 68 с.

Крюков М.В. Китайские ученые о таксономии этнических общностей: [Обзор] // Советская этнография. — 1987. — № 6. – С. 144–154.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. – М.: Наука, 1987. – 312 с.: ил.

Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Этническая история китайцев в XIX – начале XX века. – М.: Наука, Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 413 с.: ил.

Крюков М. В. Лян Цичао, Сергей Широкогоров и Комацу Кэнтаро: три взгляда на сущность этничности // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тез. докл. VI Междунар. науч. конф. «Китай. Китайская цивилизация и мир.

История, современность, перспективы» (Москва, 11-13 окт. 1995 г.). – М.: ИДВ РАН, 1995. Ч. II. – С. 135–139.

Кузнецов А. М. Этнонациональная политика и современные проблемы национально-государственного строительства в Китае. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. – 188 с.

Кузнецов А. М. Теория этноса С. М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 57–71.

Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.: ил.

Ленин В. И. Положение бунда в партии // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – Т. 8. – С. 65–76.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 25. – С. 255–320.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 24. – С. 113–150.

Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1973. – Т. 29. – С. 316–322.

Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение // Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 27. – С. 252–266.

Линь Яо-хуа. Некоторые насущные проблемы, стоящие перед китайскими этнографами в связи с разрешением национального вопроса в китайской народной республике // Советская этнография. – 1956. – № 3. – С. 79–91.

Мао Цзэдун. Против книгопочтения // Революция и строительство в Китае: [Статьи и выступления]. – М.: Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2002. – С. 7–15.

Мао Цзэдун. Относительно противоречия: соч. в 4 т. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. Т. 2. С. 407–469.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7–544.

Маркс К. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество» // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1974. – Т. 45. – С. 227–372.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин, В. И. О диалектическом и историческом материализме. – М.: Издательство политической литературы, 1984. – 636 с.

Москалев А. А. Лян Цичао о нации в Китае // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тезисы докладов VI Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 11-13 окт. 1995 г.). – М.: ИДВ РАН, 1995. Ч. II. – С. 140–144.

Москалев А. А. Теоретическая база национальной политики КНР: (1949–1999) / Под общ. ред. В. С. Мясникова; Рос. акад. наук. Ин-т Дал. Востока. – М.: Памятники ист. мысли, 2001. – 224 с.

Москалев А. А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 327 с.

Москалев А. А. Доктрина китайской нации // Проблемы Дальнего Востока. – 2002. – № 6. – С. 141–157.

Москалев А. А., Жоголев Д. А., Пузицкий Е. В., Лазарева Т. В. Национальный вопрос в КНР (1949–1994 гг.) // Информ. бюл. ИДВ РАН № 1. М., 1996. Ч. 1.

Москалев А. А., Жоголев Д. А., Пузицкий Е. В., Лазарева Т. В. Национальный вопрос в КНР (1949–1994 гг.) // Информ. бюл. ИДВ РАН № 2. М., 1996. Ч. 2.

Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков, редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – 928 с.: ил.

Нгуен Тхи Май Хонг. Проблема классификации этносов на примере изучения этнического состава яо Китая // Этнографическое обозрение. – 1994. – №3. – С. 41–50.

Неронов Р. М. Разработка теории национального вопроса в КНР // Вопросы национального строительства в КНР (80-е гг.). Информ. бюл. ИДВ РАН № 1. – М., 1993. – С. 4–23.

Оруэлл Д. Политика и английский язык // Лев и Единорог. Эссе, статьи, рецензии. – М.: Московская школа политических исследований, 2003. – С. 341–356.

Решетов А.М. Некоторые соображения о переводе и значении термина «нация» в китайском языке // Двенадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. – М.: Наука, 1981. Ч.2. – С. 163–170.

Решетов А. М., Хэ Гоань. Советская этнография в Китае // Советская этнография. – 1990. – №4. – С. 76–93.

Решетов А. М. О содержании понятия «чжунхуа *миньцзу*» // XXII науч. конф. «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. – М., 1991. Ч.2. – С. 217–221.

Решетов А. М. Китайцы (хань) в свете теории этноса // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тез. докл. – М., 1998. Ч.2. – С. 265–270.

Решетов А. М. Изучение этнического состава населения страны в Китайской Народной Республике // Всесоюзная конференция по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1989 гг.: Тез. докл. Алма-Ата, 1990. Ч. I. – С. 107–109.

Романовская А. А. Природа античного символа как лингвистического знака // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С. 39-45.

Соколовский С. В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. – М.: «Привет», 2004. – 258 с.

Соколовский С. В. Онто-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы категоризации // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 35–56.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Полн. собр. соч.: в 18 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1946. – Т. 2. – С. 290–367.

Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм: ответ товарищам Мешкову, Ковальчуку и другим // Сталин И. В. Полн. собр. соч.: в 18 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – Т. 11. С. 333–355.

Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания // Сталин И. В. Полн. собр. соч.: в 18 т. – М.: Издательство «Писатель», 1997. – Т. 16. С. 104–138.

Терри Мартин. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923-1939 / Т. Мартин; перевод с англ. О. Р. Щёлоковой. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. – 855 с.: ил.

Тишков В. А. Этническая группа // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков, редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – С. 901.

Тишков В. А. Национальная политика // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков, редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – С. 891.

Тишков В. А. Нация // Народы и религии мира. Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков, редкол.: О. Ю. Артемова, С. А. Арутюнов, А. Н. Кожановский и др. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1999. – С. 892

Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

Тишков В. А. Ведение // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 3–6.

Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7–18.

Фердинанд де Соссюр. Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. Сухотина А. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / пер. с франц. С. В. Чистяковой. Под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

Филиппова Е. И. Нации, государства, культуры // Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 19–34.

Филиппов В. Р. С. Широкогоры: у истоков биосоциальной интерпретации этноса // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 3. – С. 86–93.

Фэй Сяотун. Китайская деревня глазами этнографа: пер. с кит. В.М. Крюков. Вступ. ст. М.В. Крюкова. Предис. Б. Малиновского. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 245 с.

Чебоксаров Н. Н. Основные этапы развития этнографии в Китае // Советская этнография. – 1959. – № 6. – С. 123–149.

Чебоксаров Н. Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых // Советская этнография. – 1967. – № 4.

Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 398 с.

Чешко С. В. О творческом наследии Ю. В. Бромлея // Вестник антропологии. – 2016. – № 2(34). – С. 6–24.

Чжан Юн, Холлидей Дж. Неизвестный Мао / Пер. с англ. И.А. Игоревского. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 845 с.

Шахбанова М. М. Этническое самосознание и этническая идентичность: современные концепции исследования // Вестник института ИАЭ. 2013. – С. 135–147.

Широкогоров С. М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений / Отв. редактор А. М. Кузнецов, А. М. Решетов: в 2-х кн. Книга вторая. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 148 с.

Шэнминь Ян, Хун Дин. Процесс развития китайской этнологии ее особенности / Пер. с кит. О.И. Курто // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. / Редкол.: В.А. Тишков и др. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. С. 37.

Энгельс Ф. Положение Англии. Восемнадцатый век // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 1. – С. 598–617.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 21. – С. 23–178.

Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии» // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. – Т. 16. – С. 523–524.

Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Полн. собр. соч.: в 50 т. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 20. – С. 339 – 625.

на английском языке:

Abramson Marc Samuel. Deep eyes and high noses: physiognomy and the depiction of barbarians in Tang China // Political frontiers, ethnic boundaries, and human geographies in Chinese history / Nicola Di Cosmo and Don J. Wyatt ed. – London and New York: Taylor & Francis group, 2005. – P. 119-159.

Bai Zhihong. Making a difference: Bai identity construction in Dali. – China: China social sciences documentation publishing house, 2010. – 336 p.

Bachman David. Making Xinjiang safe for the Han? Contradictions and ironies of Chinese governance in China's northwest // Governing China's multiethnic frontiers / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 155 – 185.

Bilik Naran. Chinese openness and anthropology's nativization // Chinese sociology and anthropology. – 2001. – Vol. 33, № 4. – P. 49 – 58.

Blum Susan D. Margins and centers: a decade of publishing on China's ethnic minorities // The journal of Asian studies. – 2002. – Vol. 61, № 4. – P. 1287–1310.

Borchigud Wurlig. The impact of urban ethnic education on modern Mongolian ethnicity, 1949-1966 // Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – P. 278–300.

Borchhigud Wurlig. Transgressing ethnic and national boundaries: contemporary “Inner Mongolian” identities in China // Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – P. 160–182.

Bovingdon Gardner. Heteronomy and its discontent: “minzu regional autonomy” in Xinjiang // Governing China's multiethnic frontiers / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 117–154.

Brown Melissa J. On becoming Chinese // Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – P. 37–74.

Brown Melissa J. Ethnic classification and culture: the case of the Tujia in Hubei, China // Asian ethnicity. – 2001. – Vol. 2, № 1. – P. 55–72.

Bulag Uradyn E. From inequality to difference: colonial contradictions of class and ethnicity in “socialist” China // Cultural studies. – 2000. – Vol. 14, № 3. – P. 531–561.

Bulag Uradyn E. Inner Mongolia: the dialectics of colonization and ethnicity building // Governing China’s multiethnic frontiers / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 84–116.

Caffrey Kevin. Who “who” is, and other local poetics of national policy: Yunnan Minzu Shibie and Hui in the process // China information. – 2004. – Vol. XVIII, № 2. – P. 243–274.

Cheung Siu-woo. Representation and negotiation of Ge identities in southeast Guizhou // Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – P. 240–273.

Chow Kai-wing. Imagining boundaries of blood: Zhang Binglin and the invention of the Han ‘race’ in modern China // The construction of racial identities in China and Japan / Frank Dikötter ed. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 1997. – P. 34–52.

Clark Paul. Ethnic minorities in Chinese films: cinema and the exotic // East-west film journal. – 1987. – Vol. 1, № 2. – P. 15–31.

Cohen Myron L. Being Chinese: the peripheralization of tradition identity // Daedalus. – 1991. – Vol. 120, № 2. – P. 113–134.

Crossley Pamela Kyle. Manzhou yuanliu kao and the formalization of the Manchu heritage // The journal of Asian studies. – 1987. – Vol. 46, № 4. – P. 761–790.

Crossley Pamela Kyle. The Qianlong retrospect on the Chinese-martial (hanjun) banners // *Late imperial China*. – 1989. – Vol. 10 (1). P. 63–107.

Crossley, Pamela Kyle. Thinking about ethnicity in early modern China // *Late imperial China*. – 1990. – Vol. 11, № 1. – P. 1–34.

Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – 392 p.

Davies Henry Rodolph. Yun-nan, the link between India and the Yangtze. – Cambridge: Cambridge University Press. 1909. – 435 p.

Diamond Norma. Defining the Miao: Ming, Qing, and contemporary views // *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – P. 92–116.

Dikötter Frank. The discourse of race in modern China. – Hong Kong: Hong Kong university press, 1992. – 266 p.

Dreyer June Teufel. China's forty millions: minority nationalities and national integration in the People's Republic of China. – Cambridge: Harvard University Press, 1976. – 333 p.

Enzheng Tong. Morgan's and the study of ancient Chinese society // *Social sciences in China*. – 1989. – Vol. 10, № 2. – P. 182–205.

Fiskesjö Magnus. On the 'raw' and the 'cooked' barbarians of imperial China // *Inner Asia*. – 1999. – Vol. 1. – P. 139–168.

Gladney Dru C. Muslim Chinese: ethnic nationalism in the People's Re-public. – Cambridge, Mass.: Harvard East Asian Monographs, Harvard University Press, 1991. – 473 p.

Gladney Dru C. Constructing a contemporary Uighur national identity: transnationalism, islamicization, and state representation // *Cahiers d'études sur la Méditerranée orientale et le monde turco-iranien*. – 1992. – Vol. 13. – P. 165–184.

Gladney Dru C. Representing nationality in China: refiguring majority/minority identities // *The journal of Asian studies*. – 1994. – Vol. 53, № 1. – P. 92–123.

Goldstein Melvyn C. Tibet and China in the twentieth century // *Governing China's multiethnic frontiers* / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 186–229.

Gros Stephane. The politics of names: the identification of the Dulong (Drung) of northwestern Yunnan // *China information*. – 2004. – Vol. XVIII, № 2. – P. 275–302.

Governing China's multiethnic frontiers / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – 296 p.

Hansen Mette Halskov. The challenge of Sipsong Panna in the southwest: development, resources, and power in a multiethnic China // *Governing China's multiethnic frontiers* / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 53–83.

Harrell Stevan. Ethnicity and kin terms among two kinds of Yi // *Ethnicity and the ethnic groups in China*. Chiao Chieh and Nicholas Tapp eds. – Hong Kong: Chinese University Press, 1989. – P. 179–197.

Harrell Stevan. Ethnicity, local interest, and the state: Yi communities in Southwest China // *Comparative studies in society and history*. – 1990. – Vol. 32, № 3. – P. 515–548.

Harrell Stevan. Introduction: civilizing projects the reactions to them // *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – P. 3–36.

Harrell Stevan. The history of the history of the Yi // *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers*. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – P. 63–91.

Harrell Stevan. The nationalities question and the Prmi problem // *Negotiating ethnicities in China and Taiwan* / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – P. 274–296.

Harrell Stevan. The anthropology of reform and the reform of anthropology: anthropological narratives of recovery and progress in China // *Annu. rev. anthropol.* – 2001. – Vol. 30. – P. 139–161.

Harrell Stevan. *Ways of being ethnic in southwest China.* – Seattle: University of Washington Press, 2001. – 370 p.

Harrell Stevan. Introduction // *Perspectives on the yi of Southwest of China* / Stevan Harrell ed. – Berkeley: University of California Press, 2001. – P. 1–17.

Heberer Thomas. Some consideration on China's minorities in the 21st century: conflict or conciliation // *The dynamics of cultures and society among ethnic minorities in East Asia (Senri ethnological report 50)* / Hiroko Yokoyama ed. – Osaka: The national museum of ethnology, 2004. P. 1–31.

Hsieh Jiann. China's nationalities policy: its development and problems // *Anthropos* 81. – 1986. – P. 1–20.

Hsieh Shin-chung. On the dynamics of Tai/Dai-Lue ethnicity: an ethnohistorical analysis // *Cultural Encounters on China's Ethnic Frontiers.* Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – P. 301–329.

Jankowiak William R. *Urban Mongols: ethnicity in communist China (a short monograph)* // *Portraits of culture: ethnographic originals monograph series* / Mel Ember, Carol Ember and David Levinson eds. – New Jersey: Prentice Hall, 1994.

Kapstein Matthew T. *A thorn in the dragon's side: Tibetan Buddhist culture in China* // *Governing China's multiethnic frontiers* / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 230–269.

Kaup Katherine Palmer. *Creating the Zhuang: ethnic politics in China.* – Boulder, CO: Lynne Rienner publishers, 2000. – 237 p.

Keyes Charles. Presidential address: “the peoples of Asia” – science and politics in the classification of ethnic groups in Thailand, China, and Vietnam // *The journal of Asian studies.* – 2002. – Vol. 61, № 4. – P. 1163–1203.

Khan Almaz. Chinggis Khan: from imperial ancestor to ethnic hero // Cultural encounters on China's ethnic frontiers, Stevan Harrell ed. – Seattle: University of Washington Press, 1995. – P. 248–277.

Khan Almaz. Who are the Mongols? State, ethnicity, and the politics of representation in the PRC // Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – P. 125–159.

Kryukov M. V. Social reforms and problems of ethnicity // The dynamics of cultures and society among ethnic minorities in East Asia (Senri ethnological report 50) / Hiroko Yokoyama ed. – Osaka: The national museum of ethnology, 2004. – P. 229–241.

Leibold James. Competing narratives of racial unity in republican China: from the Yellow Emperor to Peking Man // Modern China. – 2006. – Vol. 32, № 2. – P. 181–220.

Leibold James. Searching for Han: early twentieth-century narratives of Chinese origins and development // Critical Han studies: the history, representation, and identity of China's majority / Thomas S. Mullaney, James Leibold, Stephane Gros, Eric Vanden Bussche eds. – Berkeley: University of California Press, 2012. – P. 210–233.

Leung Irene S. “Felt yurts neatly arrayed, large tents huddle close”: visualizing the frontier in the Northern Song dynasty (960–1127) // Political frontiers, ethnic boundaries, and human geographies in Chinese history / Nicola Di Cosmo and Don J. Wyatt ed. – London and New York: Taylor & Francis group, 2005. – P. 192–219.

Lipman Jonathan N. White hats, oil cakes, and common blood: the Hui in the contemporary Chinese state // Governing China's multiethnic frontiers / Morris Rossabi ed. – Seattle: University of Washington Press, 2004. – P. 19–52.

Litzinger Ralph A. Memory work: reconstituting the ethnic in post-Mao China // Cultural Anthropology. – 1998. – Vol. 13, № 2. – P. 224–255.

Litzinger Ralph A. Other Chinas: the Yao and the politics of national belonging. – Durham and London: Duke University Press, 2000. – 344 p.

Mackerras Colin. China's ethnic minorities and globalization. – London and New York: Taylor & Francis group, 2003. – 228 p.

Mackerras Colin. Ethnic minorities in China // Ethnicity in Asia / Colin Mackerras ed. – London and New York: Taylor & Francis group, 2004. P. 15–47.

Mackerras Colin. Conclusion: Some major issues in the ethnic classification // China information. – 2004. – Vol. XVIII, № 2. – P. 303–313.

McCarthy Susan. Gods of wealth. Temples of prosperity: party-state participation in the minority cultural revival // China: an international journal. – 2004. – Vol. 2, № 1. – P. 28–52.

McKhann Charles F. The Naxi and nationalities Question // Cultural encounters on China's ethnic frontiers. Stevan Harrell ed. – Seattle and London: University of Washington Press, 1995. – P. 39–62.

Moerman Michael. Ethnic identification in a complex civilization: who are the Lue? // American anthropologist. – 1965. – Vol. 67. – P. 1215–1227.

Moseley George. China's fresh approach to the national minority question // The China quarterly. – 1965. – № 24. – P. 15–27.

Mullaney Thomas S. Ethnic classification writ large: the 1954 Yunnan province ethnic classification project and its foundation in republican-era taxonomic thought // China information. – 2004. – Vol. XVIII, № 2. – P. 207–241.

Mullaney Thomas S. Seeing for the state: the role of social scientist in China's ethnic classification project // Asian ethnicity. – 2010. – Vol. 11, № 3. – P. 325–342.

Mullaney Thomas S. Coming to terms with the nation: ethnic classification in modern China. – Berkeley and Los Angeles: University of California press, 2011. – 258 p.

Naroll Raoul. On ethnic unit classification // Current anthropology. – 1964. – Vol. 5, № 4. – P. 283–312.

Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed. – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – 335 p.

Perspectives on the Yi of Southwest of China / Stevan Harrell ed. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 321 p.

Political frontiers, ethnic boundaries, and human geographies in Chinese history / Nicola Di Cosmo and Don J. Wyatt ed. – London and New York: Taylor & Francis group, 2005. – 432 p.

Pye Lucian W. China: ethnic minorities and national security // Ethnicity: theory and experience. Nathan Glazer and Daniel P. Moynihan eds. – Cambridge: Harvard University Press, 1975. – P. 489–512.

Rayns Tony. The position of women in new Chinese cinema // East-west film journal. – 1987. – Vol. 1, № 2. – P. 32–44.

Rigger Shelley. Voices of Manchu identity, 1635-1935 // Cultural encounters on China's ethnic frontiers / Stevan Harrell ed. – Seattle: University of Washington press, 1995. – P. 186–214.

Sautman Barry. Myths of descent, racial nationalism and ethnic minorities in the People's Republic of China // The construction of racial identities in China and Japan / Frank Dikötter ed. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 1997. – P. 75–95.

Sautman Barry. Peking man and the politics of paleoanthropological nationalism in China // The journal of Asian studies. – 2001. – Vol. 60, № 1. – P. 95–124.

Seymour-smith, Charlotte Macmillan dictionary of anthropology. – London: Macmillan Press Ltd, 1986. – 320 p.

Scott James C. The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia. – New Haven & London: Yale University Press. 2009. – 442 p.

Schein Louisa. Minority rules: the Miao and the feminine in China's cultural politics. – Durham, N. C.: Duke university press, 2000. – 365 p.

Shih Chuan-kang. Genesis of marriage among the Moso and empire-building in late imperial China // *The journal of Asian studies*. – 2001. – Vol. 60, № 2. – P. 381–412.

Shih, Chuan-kang. A minority among the minorities: the Han Chinese in a multi-ethnic community in southwest China // *State, market and ethnic groups contextualized / Bien Chiang and Ho Ts'ui-p'ing ed.* – Taipei, Taiwan: Institute of ethnology, Academia Sinica. 2003. – P. 205–250.

Shin, Leo K. *The making of the Chinese state: ethnicity and expansion on the Ming borderlands*. – NY: Cambridge university press, 2006. – 246 p.

Stone-Banks B. *The Minzu shibie: Equality and evolution in Early CCP minority research and policy* // *Ethnic minority issues in Yunnan / Ed. by Sam Mitchell*. Kunming: Yunnan fine arts publishing house, 2004. (Yunnan through foreign students' eyes. Volume 2). – P. 48-69.

Tapp Nicholas. In defence of the archaic: a reconsideration of the 1950s ethnic classification project in China // *Asian ethnicity*. – 2002. – Vol. 3, № 1. – P. 63–84.

Tapp Nicholas. The Han joker in the pack: some issues of culture and identity from minzu literature // *Critical Han studies: the history, representation, and identity of China's majority / Thomas S. Mullaney, James Leibold, Stephane Gros, Eric Vanden Bussche eds.* – Berkeley: University of California Press, 2012. – P. 147–170.

Tsin Michael. *Nation, governance, and modernity in China: Canton, 1900-1927*. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – 276 p.

Upton, Janet L. Home on the grasslands? Tradition, modernity, and the negotiation of identity by Tibetan intellectuals in the PRC // *Negotiating ethnicities in China and Taiwan / Melissa J. Brown ed.* – Berkeley: Institute of East Asian studies, University of Florida, 1996. – P. 98–124.

Wang, Jianmin. Revisiting and reconsidering the historical survey of the Chinese minority nationalities societies // *Chinese sociology and anthropology*. – 2001. – Vol. 33, № 4. – P. 59–82.

Wang, Linzhu. The identification of minorities in China // Asian-pacific law & policy journal. – 2015. – Vol. 16, № 2. – P. 1–21.

Webster's third new international dictionary of the English language unabridged. – London: Springfield, Mass.: G. & C. Merriam Co, – 1961. – Vol. 1. – 2726 p.

Webster's encyclopedic unabridged dictionary of the English language. – NY: Gramercy books, 1996. – 2230 p.

Williams, Dee Mack. The barber walls of China: a contemporary grassland drama // The journal of Asian studies. – 1996. – Vol. 55, № 3. – P. 665–691.

Yang, Lien-sheng. Historical notes on the Chinese world order // The Chinese world order: traditional China's foreign relations / John King Fairbank ed. – Cambridge: Harvard University Press, 1968. – P. 20–34.

на китайском языке:

Ван Сиэнь. Даоянь [Вступительное слово] // Миньцзу гочэн юй чжунго миньцзу бяньцянь яньцзю [Исследования этнонационального процесса и этнонациональные изменения в Китае] / Под. ред. Ван Сиэня. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2010. С. 1–25.

Ван Сиэнь. Сяньдай миньцзу дэ тэчжэн цзи синчэн дэ ибань туцзин [Особенности современных наций и обычный путь их формирования] // Миньцзу гочэн юй чжунго миньцзу бяньцянь яньцзю [Исследования этнонационального процесса и этнонациональные изменения в Китае] / Под. ред. Ван Сиэня. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2010. – С. 55–79.

Ван Сиэнь. Чжунго миньцзу шибе дэ ицзюй [Основы Проекта этнической классификации в Китае] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2010. – № 12. – С. 7–19.

Гун Юнхуэй. Лун хэсе эр ю чжунго тэсэ дэ миньцзу гайнянь [К вопросу о гармонии и китайской специфике понятия нации] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2006. – № 1. – С. 2–15.

Ди Юнцзюнь. «Миныйцу» и цы цзяньхой «Наньци шу» [Слово «миныйцу» встречается в «Истории Южной Ци】 // Миныйцу яньцзю. – 2004. – № 3. – С. 98–99.

Е Цзян. «Nation» (миныйцу) гайнянь бяньси [Анализ понятия «нации】 // Шанхай шифань дасюэ сюэбао. – 2009. – № 2. – С. 60–65.

Жу Ин. Ханьхой «миныйцу» и цы цзай во го дэ цзуй цзао чусянь [Самое раннее в Китае появление слова «миныйцу» в китайском языке // Шицзе миныйцу. – 2001. № 6.

Жэньлэйсюэ цыдянь [Антропологический словарь] / Под. ред. У Цзэлиня. Шанхай цышу чубаньшэ дэ тушу, 1991.

Линь Хуэйсян. Чжунго миныйцу ши [История китайской нации]. – Шанхай: Шанхай у инь шу гуань, 1936.

Ли Чжэньси. Лунь Сыдалинь миныйцу дани дэ чунсинь жэньши хэ сюгай [О переосмыслении и модификации сталинского определения нации] // Миныйцу яньцзю. – 1986. – № 5. – С. 4–12.

Ли Чжэньхун. Синь чжунго чэнли 60 няньлай дэ миныйцу дини яньцзю [Исследования определения нации в течение 60-ти лет со дня образования нового Китая] // Миныйцу вэньти яньцзю. – 2009. – № 12. – С. 3–13.

Линь Яохуа. Гуаньхой «миныйцу» ицы дэ шиюн хэ имин дэ вэньти [К вопросу об использовании термина «миныйцу» и проблем, связанных с его переводом] // Лиши яньцзю. – 1963. – № 2. – С. 171–190.

Ма Жун. Гуаньхой миныйцу дини [Относительно определения нации] // Юньнань миныйцу сюэюань сюэбао. – 2000. – № 1. – С. 5–13.

Ма Жун. Гуаньхой миныйцу яньцзю дэ цзи гэ вэньти [Некоторые вопросы в области национальных исследований] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. – 2000. – № 4. – С. 132–143.

Ма Жун. Чжунго дэ миныйцу вэньти юй 20 шицзи 50 няндай дэ «миныйцу шибе» [Национальный вопрос в Китае и «Миныйцу шибе» 50-х гг. 20 в.] // Сибэй миныйцу яньцзю. – 2012. N 3. С. 13–28.

Миньцзу гочэн юй чжунго миньцзу бяньцянь яньцзю [Исследования этнонационального процесса и этнонациональные изменения в Китае] / Под. ред. Ван Сиэня. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2010. – 461 с.

Миньцзусюэ тунлунь [Введение в этнологию] / Под. ред. Линь Яохуа. – Пекин: Чжунян миньцзу дасюэ чубаньшэ, 1997. – 584 с.

Миньцзу цыдянь [Национальный словарь]. – Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 1989. – С. 344–345.

Му Вэй. 20 шицзи 50 няндай илай Юньнань миньцзу шибе яньцзю хуэйгу юй фаньсы [Обзор идентификации этнических групп в провинции Юньнань с момента основания КНР] // Юньнань нуне дасюэ сюэбао. – 2011. – № 5. – С. 28–33.

Нажи Билик. Миньцзу юй миньцзу гайнянь бяньчжэн [К дискуссии о нации и понятии нации] // Миньцзу яньцзю. – 1990. – № 5. – С. 11–17.

Нажи Билик. Сяндай бэйцзин ся цзуюнь цзяньгоу [Конструирование этнической группы в современной обстановке]. – Куньмин: Юньнань цзяюй чубаньшэ, 1999. – 297 с.

Сунь Цин. Дуй Сыдалинь миньцзу дини дэ цзай жэньши [Новое прочтение сталинского определения нации] // Миньцзу яньцзю. – 1986. № 2. – С. 4 - 12.

Сюй Цзешунь. Лунь цзуюньюй миньцзу [Об этнических группах и нациях] // Миньцзу яньцзю. – 2002. – № 1. – С. 12–18.

Сюн Куньсинь. Сыдалинь миньцзу дини чжи во цзянь [Мой взгляд на сталинское определение нации] // Шицзе миньцзу. – 1998. – № 2.

Сюн Сиюань. Дуй Сыдалинь миньцзу дини дэ идянь каньфа [Точка зрения относительно сталинского определение нации] // Миньцзу яньцзю. – 1986. № 4. – С. 17–18.

Фань Вэньлань. Шилунь Чжунго цзы Цинь Хань ши чэнвэй туни гоцзя дэ юаньбинь [Причины становления единого государства с эпохи династий Цинь и Хань] // Лиши яньцзю. – 1954. – № 3. – С. 15-25.

Фэй Сяотун. Гуаньюй хань миньцзу яньцзю дэ исе сянфа [Некоторые соображения относительно исследований в области ханьской нации] // Миньцзу вэньти яньцзю. – 2001. – № 4. – С. 69-71.

Фэй Сяотун тань "миньцзу" [Фэй Сяотун обсуждает проблему "нации"] // Миньцзу туаньцзе. – 1986. – № 6. – С. 7.

Фэй Сяотун. Чжунхуа миньцзу дэ доюань ити гэцзюй [Структура китайской нации как множественного единства] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. – 1989. – №. 4. – С. 1–19.

Фэй Сяотун, Линь, Яохуа. Чжунго миньцзусюэ данцянь дэ жэнью [Предстоящие задачи китайской этнологии] // Минцзу яньцзю вэньцзи. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, – 1988. – С. 121–157.

Фэй Сяотун. Гуаньюй вого миньцзу дэ шибе вэньти [Относительно вопроса идентификации наций в Китае] // Минцзу яньцзю вэньцзи. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 1988. С. 173–174.

Фэй Сяотун. Минцзу яньцзю вэньцзи [Сборник статей по национальным исследованиям]. – Бэйцзин: Миньцзу чубаньшэ, 1988.

Хао Шиюань. Чжунду Сыдалинь миньцзу (Нация) дини – душу бицзи чжи и: Сыдалинь миньцзу дини цзици лилунь лайюань [Переосмысление сталинского определения нации – одна из записей о прочитанном: сталинское определение нации и его теоретические истоки] // Шицзе миньцзу. – 2003. – № 4.

Хао Шиюань. Чжунду Сыдалинь миньцзу (Нация) дини – душу бицзи чжи сань: Сулянь до миньцзу гоцзя мошичжун дэ гоцзя юй миньцзу (нация) [Переосмысление сталинского определения нации – одна из трех записей о прочитанном: государство и нация в советской модели многонационального государства] // Шицзе миньцзу. – 2003. – № 6.

Хао Шиюань. «Ethnos (миньцзу) хэ ethnic group (цзуюнь) дэ цзаоци ханьи юй инюн [первоначальное значение и применение терминов «этнос» и «этническая группа»] // Миньцзу яньцзю. – 2002. – № 4. – С. 1–10.

Хао Шиюань. Чжун вэнь «миньцзу» и цы юаньлю каобянь [Об истоках слова «миньцзу» в китайских текстах] // Миньцзу яньцзю. – 2004. № 6. – С. 60–69.

Ху Хунбао. Лилунь дэ тувэй – «сяньдай бэйцзин ся дэ цзуюньцзяньгоу» ду хоу [Теоретический прорыв – после прочтения книги «Конструирование этнической группы в современной обстановке»] // Миньцзу яньцзю. – 2001. – № 2. – С. 98–100.

Хэ Гоань. Гуньюй жэньмэнь гунтунти юй миньцзу гунтунти дэ сыкао [Размышления об общности людей и национальной общности] // Миньцзу яньцзю. – 1988. – № 5. – С. 23–32.

Хэ Гоань. Люкэфу тань хань миньцзу яньцзю юй миньцзу лилунь вэньти [Крюков рассказывает об изучении хань-ской нации и проблемах теории нации] // Миньцзу яньцзю. – 1987. – № 4. – С. 12–17.

Хэ Гоань. Сыдалинь миньцзу лилунь моши бои: миньцзу таньхуа лу чжи и [Критика сталинской теоретической модели нации: одна из записей бесед о нации] // Миньцзу яньцзю. – 1989. – № 4. – С. 1–13.

Хэ Жунь. Лунь Сыдалинь дэ миньцзу дини [Рассуждение о сталинском определении нации] // Миньцзу яньцзю. – 1998. – № 6. – С. 4–12.

Цай Фую. Сыдалинь дэ нация дини пинси [Анализ сталинского определения нации] // Чжунго шэхуэй кэсюэ. – 1986. – № 1. – Р. 193–203.

Чжунго дэ миньцзу шибе [Китайский проект этнической идентификации] / Под. ред. Хуан Гуансюэ. – Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 1994. – 369 с.

Чэнь, Кэцзинь. Гуаньюй миньцзу дини дэ син сыкао [Новые мысли относительно определения нации] // Юньнань шэхуэй кэсюэ. – 1992. – № 6. – С. 65–69.

Чэнь, Синьлин. Цзуюньлилунь юй чжунго дэ цзуюньяньцзю [Теория этнической группы и исследование этнических групп в Китае] // Цинхай миньцзу яньцзю. – 2006. – № 1. – С. 5–10.

Ян Цзинчу. Гуаньюй миньцзу гайнянь дэ цзи дянь ицзянь [Несколько точек зрения о концепции нации] // Миньцзу яньцзю. – 1986. – № 5. – С. 23–25.

Ян Кунь. Гуаньюй миьцзу хэ миьцзу вэньти дэ цзи дянь ицзянь [Несколько точек зрения относительно нации и национального вопроса] // Миьцзу яньцзю. – 1986. – № 4. – С. 11–12.

Диссертации

Хэ Гоань. Теория этноса в этнографической науке КНР: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.07 / Хэ Гоань. – СПб. 1991. – 180 с.

Электронные ресурсы

Вести в субботу с Сергеем Брилевым от 26.01.2019. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GedxLvOyDLw> (дата обращения: 30.01.2019).

Конституционные акты Китая. Хрестоматия / Сост. Кузнецов Д. В. [Электронный ресурс]. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 190 с. URL: http://kuznetsov.ucoz.org/books/konstitucionnye_aktu_kitaja.pdf (дата обращения 21.02.2018).

Мао Цзэдун. К вопросу о Сталине. Вторая статья по поводу открытого письма ЦК КПСС // Редакция газеты «Жэньминь жибао», редакция журнала «Хунци», 13 сентября 1963 г. URL: <https://www.r-p-w.ru/k-voprosu-o-staline.html> (дата обращения 02.03. 2019).

Bin Yang. Between winds and clouds: the making of Yunnan (second century BCE to twentieth century CE). – NY: Columbia University Press, 2008. – 350 p. URL: <http://www.gutenberg-e.org/yang/conclusion.html> (дата обращения 16.10.2018).

Leepreecha Prasit. The construction and reproduction of Hmong Ethnic identity in China [Электронный ресурс]. URL: <http://studylib.net/doc/7760014/the-construction-of-hmong-ethnic-identity-in-china> (дата обращения 26. 02. 2018).

Unger, Jonathan. Not quite Han: the ethnic minorities of China's Southwest // Bulletin of Concerned Asian Scholars. – 1997. – Vol. 29, № 3. – P. 67–78. URL: https://www.academia.edu/7224260/Jonathan_Unger_Not_Quite_Han_The_Ethnic_Minorities_of_China_s_Southwest_Bulletin_of_Concerned_Asian_Scholars_Vol.29_No.3_December_1997_pp.67-78 (дата обращения: 16.10.2018).

Ди лю цы жэнькоу пуча шуцзюй – чжунго гэ шаошу миьцзу дэ жэнькоу цинкуан [Данные VI Всекитайской переписи населения по каждой *шаошу миьцзу*]. URL: <http://blog.renren.com/share/145623038/13842578271> (дата обращения: 14.03.2018).

Ма Жун. Лицзе миьцзу гуаньси дэ синь сылу- шаошу цзуюньвэньти дэ «цую чжэнчжи хуа» [Осмысливание новых идей межнациональных отношений – «деполитизация» проблем этнических меньшинств] // Бэйцзин дасюэ сюэбао, – 2004. № 6. – С. 122–133. URL: <http://www.sachina.edu.cn/Htmldata/article/2005/12/678.html> (дата обращения 19.03.2018).

Миьцзу (цзин чанци лиши фачжань эр синчэн дэ вэньдин гунтунти) [Нация (устойчивая общность, сформированная в результате длительного исторического развития)] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%B0%91%E6%97%8F/665> (дата обращения 24.03.2018).

Сунь Цзюся. Ши лунь цзуюньюй цзуюньжэньтун [О [понятии] этнической группы и этнической идентичности] // Чжуншань дасюэ сюэбао. –1998. – № 2. – С. 24–31. URL: http://www.360doc.com/content/17/0109/20/28516453_621370283.shtml (дата обращения 19.03.2018).

У Сяохуа. Лунь «миьцзу» юй «цзуюнь» дэ цзедин [О различиях [понятий] «нация» и «этническая группа»] // Гуанси миьцзу яньцзю. – 2003. – № 1. – С. 12–

16. URL: <http://www.chinesefolklore.org.cn/web/index.php?Page=1&NewsID=7562> (дата обращения 19. 03. 2018).

Цзуюнь [Этническая группа] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%97%8F%E7%BE%A4> (дата обращения 24.03.2018).

Чжоу Сюйфан. «1998 нянь “миньцзу” гайнянь цзи сянгунь лилунь вэньти чжуаньти таолунь хуэй» цзуншу [Обзор семинара, посвященного понятию “нации” и связанных с ним теоретических вопросов, состоявшегося в 1998 г.] // Шицзе миньцзу. – 1999. – № 1. – С. 77–81. URL: <http://study.ccln.gov.cn/fenke/shehuixue/shxkdt/shyjzs/140730.shtml> (дата обращения 19. 01. 2018).

Чжоу Чуаньбинь. Лунь чжунго тэсэ дэ миньцзу гайнянь [О понятии нации с китайской спецификой // Гуанси миньцзу яньцзю. – 2003. – № 4. URL: <http://dlib.zslib.com.cn/qklw/rdzl/0304/RD205651> (дата обращения 05.04.2018).

Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа [Конституция Китайской Народной Республики]. URL: http://www.spp.gov.cn/spp/xf/201803/t20180322_371852.shtml (дата обращения: 12.02. 2019).